

*Легко, просто, правдиво, без нытья — и это
о войне. Поразительно...*

Андрей КРАСОВ,
Герой России, гвардии полковник ВДВ,
депутат Государственной думы

Александр ТАМОНИКОВ

СУММАРНЫЙ ТИРАЖ — СВЫШЕ 9 000 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О НАСТОЯЩЕЙ ДРУЖБЕ
И ПРЕДАННОСТИ?

РОМАН О РОССИЙСКОМ СПЕЦНАЗЕ

ОДНО СЕРДЦЕ
НА ДВОНХ

Annotation

После тяжелой и опасной командировки старший лейтенант группы гуманитарного разминирования МЧС Вадим Галдин едет в деревню навестить своего боевого товарища. И приходит в ужас от того, что видит: друг стал инвалидом и спивается от отчаяния, что не может противостоять местному воротиле Сухобокову, похитившему его сестру Елену. Галдин решает освободить пленницу. Но Сухобоков — серьезный противник. У него есть деньги и связи, за ним — мощная криминальная структура. А у старлея — лишь крепкие кулаки и воля. И еще его верный пес Султан...

- [Александр Тамоников](#)

- - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
-

Александр Тамоников

Одно сердце на двоих

Все, изложенное в книге, является плодом авторского воображения. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

А. Тамоников

Глава 1

Спецборт из Сирии прибыл на военный аэродром, расположенный недалеко от столицы, в понедельник, 10 октября, в 17.20 по московскому времени. Он, как и всегда, был заполнен различным грузом и военным народом. На Родину вернулся и отряд Центра гуманитарного разминирования и специальных взрывных работ МЧС во главе с полковником Сердановым.

«Ил-76» опустил на бетонку, пробежал чуть более километра, затормозил и начал выруливать к пункту управления полетами. У вышки он встал, открылась рампа. Началась разгрузка техники.

Последними из самолета вышли саперы вместе со своими служебными собаками.

Чуть в стороне, у черного служебного «БМВ» их ждал генерал-майор Адаксин. К нему и направился полковник Серданов.

— Товарищ генерал-майор... — начал он было доклад, но Адаксин прервал его:

— Брось, Леонид Андреевич, давай без официоза. Лучше скажи, сложной выдалась командировка?

— Больше нервной. Хотя ребята особо не напрягались.

— Зато здесь, в Москве, сильно напрягались важные персоны, сидящие во всех инстанциях, вплоть до самого верха. Шутка ли сказать, найти и обезвредить целый арсенал оружия и боеприпасов, в том числе химических.

— Но справились же. Хотя нам, как это иногда бывает, помог случай. Парни капитана Валиева завалили группу террористов, высланную майором Адамсоном на прорыв из Эль-Нугура. Они засекли разведку наемников и определили местонахождение базы этого сброда. Иначе неизвестно, чем закончилась бы командировка. Впрочем, мы справились бы и в этом случае. Вопрос в том, какой ценой.

Генерал кивнул.

— Вот именно, Леонид Андреевич. Какой ценой. Ладно, хорошо то, что хорошо кончается. Я объявил всем твоим благодарность. В министерстве посчитали, что надо представить личный состав отряда к правительственным наградам. Тебя — к ордену Мужества. Ну а со своими парнями решай сам.

— Сделаем. Ведь время терпит, да?

Адаксин улыбнулся и подтвердил:

— Терпит, конечно. Награждение — это же не срочная командировка. Всем твоим — отдых. Из Центра гуманитарного разминирования ООН сообщили, что лицензию и первый транш с заданием ждать еще примерно месяц. Так что парни могут отдохнуть.

— Вот это хорошо. У меня уже Галдин просится в отпуск. Да и остальные тоже изрядно устали. Ребята терпят, не подают рапорты, но понятно, что им нужен отдых. Причем не в Москве.

Адаксин посмотрел на Серданова и заявил:

— Ты ведь знаешь, что как минимум два твоих специалиста всегда должны быть у нас под рукой.

— Насколько мне известно, капитан Холин и старший лейтенант Липин никуда не собираются.

— Вот и отлично. Остальным разрешаю покинуть столицу, но с обязательным условием постоянно быть на связи и в готовности в течение трех суток прибыть на базу.

— Понятно. Значит, я собираю рапорты?

— Собирай, ходатайствуй и ко мне на стол. Я подпишу, дам указания строевикам и финансистам, чтобы оформили отпуска быстро.

— Вот за это спасибо.

— Это тебе и отряду спасибо. Ладно, твои парни построились. Пойдем, я поприветствую их. Да, а что Адамсон, Рамни и Келли?

— Сидят в наручниках на борту.

— Кто их охраняет?

— Попросили бортового техника приглядеть. Да куда они денутся?

— Злые, наверное?

— Я бы сказал, подавленные.

— Минуту. — Адаксин подал сигнал водителю одного из двух микроавтобусов, стоявших недалеко от «БМВ».

Серданов не обратил на них внимания. У самолета собралось довольного много самых разных машин.

Из черного «Рено» с тонированными стеклами вышел капитан в повседневной форме, подбежал к Адаксину.

— Товарищ генерал-майор!..

— Отставить! Володя, на борту наемники. Давай команду своим ребятам вытащить их из самолета и следуй с ними на Лубянку. Там передашь эту мразь дежурному или тому офицеру, которого он вызовет. Обязательно возьми расписку в получении.

Капитан улыбнулся.

- Как почтальон, доставивший бандероль?
- Или развозчик пиццы. Работай!
- Есть, товарищ генерал.

Капитан отдал команду по портативной станции. Из микроавтобуса посыпались люди в полной боевой экипировке. Они направились к «Ил-76».

Генерал Адаксин и полковник Серданов подошли к отряду, выстроившемуся в одну шеренгу.

Капитан Холин доложил о выполнении задания.

Генерал пожал всем руки и объявил о решении представить весь личный состав отряда к правительственным наградам. Эта новость особого впечатления не произвела. Каждый из этих парней уже имел по несколько орденов и медалей.

Галдин двинулся было вперед, но Адаксин одернул его:

- Команды «разойдись» не было, товарищ старший лейтенант.
- Виноват, просьбу хотел изложить по случаю.

— Известна мне суть твоей просьбы. Полковник Серданов доложил. Ответ таков. Личному составу отряда предоставлен двухнедельный отпуск. Командир, помощник и старший лейтенант Липин проводят его в Москве, остальным разрешаю выезд. Условия доведет Серданов. Сегодня же составьте рапорта, завтра с утра оформитесь, получите денежное довольствие, отдельное вознаграждение за решение сложной задачи в Сирии, и вперед, как говорится, на мины.

Галдин довольно улыбнулся.

— Это другое дело.

Серданов осадил его:

- Разговоры в строю, старший лейтенант!
- Извините.

Старший лейтенант Галдин высадился из микроавтобуса в Кузьминках одним из первых.

Провожая друга, Снегирев похлопал его по плечу и заявил:

— Ты не зависни в баре своем. А то опять кому-нибудь морду набьешь, и закончится твой отпуск, не начавшись.

— Ты не забудь своей жене цветы купить, Сеня, а обо мне не беспокойся.

— Ладно, давай, звони.

— Завтра в центре встретимся. Помни, ты дома, здесь не война.

Галдин попрощался с офицерами, закинул сумку на плечо и встал в

раздумье за остановкой. Он размышлял, как ему быть: сразу податься домой, разумеется, через магазин, или все же наведаться в бар «Весна»? Старая привычка взяла верх. Он выкурил сигарету и направился к бару.

Сейчас, в семь вечера, там было еще пусто. За ступенями и входом в гардеробном отсеке сидела незаменимая тетя Вера. Она связала здесь уже не одну сотню шерстяных носков для своих внуков и сейчас занималась тем же самым.

Галдин поздоровался с ней.

— Ой, Вадим, ты?

— Что, сильно изменился?

— А что это за форма на тебе?

— Моя собственная. Это форма МЧС.

— Впервые вижу тебя в ней. Она тебе идет.

— Военная форма идет любому мужчине. Я куртку и сумку оставляю?

— Да, конечно.

Галдин отдал сумку и камуфлированную куртку гардеробщице, потом спросил:

— Ну и как тут у вас? Безбашенная молодежь, вроде той, которую я разогнал в крайний заход, не балуется?

— Их больше никто и не видел. Были адвокаты, полиция. Они всех и обо всем расспрашивали. Ты уж на наших не серчай, Вадим. Давили так, что дать показания в твою защиту было просто невозможно. Да и протоколы были заранее написаны. Погоди, а как ты из этой беды вывернулся?

— У меня тоже крыша есть, тетя Вера, причем покруче, чем у тех отморожков. Ладно, пойду в зал.

— Говорю же, жениться тебе надо, Вадим. Разве это жизнь? Со службы в бар, оттуда в пустую квартиру. Вечером девки, утром похмелье.

— Я не болею.

— Ты все-таки нашел бы себе женщину. Намного было бы лучше.

— Может, официантку Надежду? — с улыбкой проговорил старший лейтенант.

— А что? Можно и ее. Хорошая девушка.

Галдин иронически хмыкнул.

— Девушка, говорите? Сомневаюсь.

— Да ну тебя. Делай что хочешь, только жалко мне тебя, Вадим. Парень ты хороший. Офицер, не вижу, кто по званию. Пропадешь ведь.

— Пропаду, найдут. Есть кому, да и нужен еще я вроде нашей многонациональной державе.

Тетя Вера махнула рукой.

— Иди уже! В баре спокойно. Пока.

— Я ненадолго.

— Дело твое, я тебе не советчица.

— Нет, советы вы добрые даете, правильно всегда говорите, вот только я трудный подросток, плохо воспринимаю воспитание.

— Иди отсюда, подросток, не отвлекай. Мне сегодня надо подследники среднему довязать, а то старые порвались.

— И как у вас терпения хватает? Это же с ума можно сойти!.. Ладно, удаляюсь.

Вадим миновал первый зал, предназначенный для тех посетителей, которые забежали сюда на минутку, чтобы поправить здоровье или пропустить соточку-другую после трудного рабочего дня, зашел во второй.

На этот раз барменом был Володя, парень постарше, да и покрепче Эдика. А в остальном все так же, как и всегда. За столиком девицы, только две, чернокожая сухощавая Куна и степенная Лора. Вики не видать. У стойки бара официантка Надежда. В кабинках две пары, одна за столом. Музыка, если так можно назвать то, что врубалось в этом заведении для танцев, пока молчала.

Девушки увидели Галдина и сразу как-то сникли.

Бармен, напротив, выразил радость:

— О, какие люди! В командировке, что ли, был, Вадим?

— Привет, Вова!

— А, извини, привет.

— В командировке, только что приехал и сразу к вам. Сделай-ка мне сто пятьдесят слезинки и бутерброды.

— Для разогрева?

— Видно будет.

Куна поднялась, подошла к Галдину и сказала:

— Вадим, ты зла на нас не держи, ладно?

— За что мне держать на вас зло?

— За то, что мы показания против тебя дали. Нас заставили. Я, честное слово...

Галдин остановил чернокожую девицу:

— Все, Куна. Я не в претензии, да и не было ничего.

— Ты знаешь, как менты нас прессовали тогда?

— Я сказал, Куна, ничего не было. Значит, нечего и обсуждать.

— Ты и правда не злишься на нас?

— Правда. А что Вику не видно? Выходной у нее, что ли?

Куна закатила глаза и заявила:

— Вика теперь на другом уровне. Здесь больше не работает. У нее место в отеле, в центре. Пошла в гору.

— Выше залезет, большее будет падать.

— А ты чего о ней спросил? Мы с Лорой разве хуже?

— Ты посиди пока. Не мешай.

— Ладно, но если что, то я готова.

— Как будто другим откажешь.

— Не откажу, но ты вне конкурса.

— Ну, спасибо. Любимчик, значит?

— Считай так!

Бармен налил сто пятьдесят граммов чистой охлажденной водки, положил на стойку два бутерброда с икрой.

Галдин выпил, закусил. У него тут же разыгрался аппетит.

— Что у вас на ужин? — спросил он Володю.

— Да меню не особо роскошное. Бифштекс остался, можно курицу-гриль организовать, рыба, по-моему, есть.

— Курицу, — решил Галдин. — К ней бутылку водки, стакан минералки, хлеба немного. Надо форму держать.

— Ладно, сейчас повару скажу, он еще на кухне.

Галдин прошел к своему излюбленному столику, откуда был виден весь второй, главный зал этого заведения. Посетители вели себя тихо. Разборок вроде бы пока не намечалось. Это радовало Вадима. Сегодня ему не хотелось острых ощущений данного плана.

Надежда принесла курицу, тарелку с хлебом, минералку, графин с водкой, рюмку, пепельницу.

— А что, Надюша, пока я отсутствовал, отменили закон о запрете курения в общественных местах?

— Нет. Но Володя сказал, что вам можно.

— Ты присядь.

— Зачем?

— Просто так. Если хочешь, конечно.

Молодая женщина опустилась на стул напротив старшего лейтенанта.

— Как дела? — наливая водку, спросил Галдин.

— Какие тут дела? Работа — каморка, каморка — работа.

— Я могу тебе помочь устроиться на приличное место, снять хату недорого.

— Ну да, и вся зарплата будет уходить на оплату этого жилья.

— Надюша, если я говорю, что работа приличная, то так оно и есть.

Оплата хорошая, а квартира и в самом деле недорогая. На все хватит. Поступишь заочно в какой-нибудь университет или колледж, глядишь, и наладится жизнь.

— Спасибо, Вадим. Не надо.

— Почему? Или ты думаешь, что я это по пьянке предлагаю, а завтра забуду о своих словах?

— Нет, вы не забудете. Я не хочу.

— Но сама же говоришь, работа — каморка, каморка — работа. Неужели так лучше?

— Нет, я вообще больше не хочу оставаться в Москве. Месяц доработаю, получу расчет и поеду в деревню, домой. Нет мне места здесь. Да и не надо. Видала я эту Москву... сами знаете где.

— Дело, конечно, личное, но я бы на твоём месте не торопился.

Женщина внимательно посмотрела на него и вдруг спросила:

— А вы не хотите предложить мне стать вашей женой?

Галдин чуть не поперхнулся.

— Женой?

— Вот видите, не гожусь. Вика вон всем подходит. За ней перед уходом отсюда парнишка попытался ухаживать. Из хорошей семьи. Отец то ли доктор наук, то ли кандидат, клиникой какой-то заведует, мать преподает. Квартира большая в центре, загородный дом. Ведь знал парень, чем она занимается, и все равно стал ухаживать.

— И что эта пиранья?

— Кто? — не поняла Надежда.

— Вика.

— Ничего, отшила его. Сказала, мол, хочешь стебаться, плати бабки. Любой каприз за ваши деньги. А хрень молоть нечего. Какое замужество? Послала она его.

— Ты бы, конечно, не послала?

— Конечно нет.

— Даже если не питала бы никаких чувств?

— У нас говорят, стерпится-слюбится. Я-то постаралась бы, но на меня этот мажор даже не взглянул.

— Нет, Надюша. Может, и стерпится, но не слобится.

— Лучше по любви, но в шалаше?

— Да, лучше в шалаше, но по любви.

— Вы не знаете, каково это — быть одной.

— Одной — не знаю. Но мне очень хорошо известно, каково быть одному. Значит, не нуждаешься в помощи?

— Я уже сказала вам, в чем нуждаюсь.

Галдин пропустил еще рюмку и заявил:

— Ну а в том плане, чтобы замуж, на меня рассчитывать нечего.

— Это я уже поняла.

— Ты не горячись, подумай. Я на две недели, может, меньше, собираюсь в соседнюю область. Отпуск у меня. Приеду, скажешь, готова ли начать новую жизнь. Если решишься, помогу реально.

— Не о чем тут думать. Вы кушайте, Вадим, а то остынет курица, невкусно будет, — сказала Надежда, поднялась и ушла к стойке.

«Жаль. Тут она могла бы обустроить жизнь, а что в деревне? Хотя кто знает. Может, ей так действительно будет лучше?» — подумал Галдин.

Он добил водку, съел курицу, запил минералкой.

Бармен от стойки спросил:

— Кофе сделать, Вадим?

— Нет! Этого пойла у меня дома валом. Посчитай там, сколько с меня.

— Да все уже посчитано. Тысяча восемьсот.

— Еще пузырь с собой и пару пачек сигарет.

— Это проще в магазине купить. Там в разы дешевле.

— Ты мои деньги не считай. Не по кайфу мне по магазинам шастать.

Устал я сегодня.

— Ладно, как скажешь. Мне же лучше, все выручка.

— Ну да, конечно. Водку и сигареты, наверное, свои продаешь?

Бармен улыбнулся и осведомился:

— А тебе есть разница?

— Никакой. — Галдин подошел к стойке, выложил три тысячи. —

Пакет найдешь?

— Для своих найдем все!

— Давай.

— А как насчет массажа, Вадим? — спросила Куна.

— Не сегодня. Сказал же, устал.

Барышня надула губы.

— Куда ты лезешь, Куна?.. Вадиму Вику подавай. Вот только облом с ней вышел, — проговорила Лора.

— Ну почему же облом? — прикуривая сигарету, проговорил Галдин. — У меня есть телефон Вики. Позвоню, приедет.

— Ага, уже понеслась из отеля, где за ночь двадцать штук берет. Все бросит — и к тебе!

— Да, ко мне. А знаешь, Лора, почему?

— Почему?

— Потому, что я волшебное слово знаю. Для Вики.
— Ты насчет двойной платы, так?
Старший лейтенант усмехнулся.
— И все-то мы понимаем.
— Что тут понимать? В этой жизни главное одно — деньги.
— Ты не права. Ладно, девочки, до свидания. Удачного вам лова.
— Спасибо, — ответила Куна.
Лора отвернулась, не сказав ни слова.
— Пока. Вова, ты поответственной тут.
— Да уж как-нибудь.
— Аккуратней со своим товаром.
— Ты о себе думай.
— Верное замечание. Приятно было вновь увидеть всех вас. Пока!
— До свидания. Заходи.
— Обязательно. Куда ж я без вас. — Вадим забрал пакет, прошел в гардеробную.

Тетя Вера оторвалась от своего обычного занятия, взглянула поверх очков на старшего лейтенанта и спросила:

— Все, уже уходишь?
— Выпили, закусили, теперь душ и постель.
— Жалеешь, что Вика ушла?
— Нет. Одна Вика ушла, две придут.
— Это точно. Совсем девки одурели. Работать как люди не хотят, им легких денег подавай. И как так можно? Спать с разными мужчинами?

— Эх, тетя Вера, не такие уж легкие у них деньги. Хорошо оплачиваемую работу найти не просто.

— Стыда у них нет, вот что я скажу.
— Здесь согласен. Стыд и совесть нынче не в почете. У штатских.
— А у вас, военных, в почете?

Галдин ответил совершенно серьезно:
— У нас в почете не только это, но еще и офицерская честь.
— Хорошо, что хоть у вас как прежде. — Она подала ему сумку и куртку, указала на пакет и спросила: — А это лекарство от одиночества?

— Только не говорите мне больше о Надежде, тетя Вера.
— Хорошо. У меня соседка есть, очень даже порядочная и совершенно одинокая женщина.

— А чего она одна?
— Так сложилось в жизни. Могу познакомить.
— Не надо.

- Хорошая женщина.
- Я как-нибудь сам. Большой привет всем вашим внукам. Пусть бережнее носят носки, пожалеют труд бабушки.
- А вот с этим мы сами разберемся.
- Ладно. До свидания, тетя Вера.
- До свидания, Вадим.

Галдин надел куртку, взвалил на плечо десантную сумку, вышел из бара, по привычке осмотрелся.

«Теперь домой, — подумал он. — Хотя в магазин все равно заходить придется. В холодильнике у меня шаром покати. Да и для поездки к другу затариться надо. Не за его же счет жить. Получается, что прав был бармен. Незачем было втридорога покупать водку и сигареты. Но что сделано, то сделано. Деньги у меня есть. На карточке тысяч сто. Этого за глаза хватит. А завтра я еще сотни три получу. Черт возьми! Серданов же сказал, что рапорт надо составить. Я забыл напрочь. С другой стороны, где составлять-то было? В автобусе? Ладно, с утра все решим, и рапорт, и довольствие, и отпускные. А сейчас в супермаркет. Хорошо, что он практически рядом с моей хрущевкой».

Утро было тяжелым, но лишь до тех пор, пока Галдин не выпил банку пива, не побрился и не принял душ. Легкий завтрак окончательно привел его в порядок.

Когда он мыл тарелку, сотовый телефон пропищал сигналом вызова.

— Да, — ответил Вадим.

Он всегда носил телефон с собой, даже в туалет и в ванную брал. Привычка, выработанная за годы службы.

— Привет, Вадим! — услышал Галдин голос старшего лейтенанта Снегирева.

— Привет, Сеня!

— Как вечер, ночь?

— Как всегда.

— С искрометной и ненасытной Викой?

— Не поверишь, нет.

— Неужели со скромницей официанткой?

— Да зря ты гадаешь. Я один был.

— Один? — искренне удивился друг.

— Представь себе.

— На тебя это не похоже.

— А ты звонишь, чтобы узнать, с кем и как я провел ночь?
— Нет, не только это. Ты вчера рапорт об отпуске написал?
— Ты как будто не знаешь. Где и когда я его написал бы?
— Это сделал за тебя я. Извини, что сразу не сказал. Мы тормознули у Третьего кольца, там все и составили рапорта. Я за тебя написал.
— Спасибо!
— Спасибо, Вадим, на хлеб, как знаешь, не намажешь.
— Так какие проблемы? Пузырь с меня.
— Сейчас надо ехать в центр. Я уже на пути к тебе. Так что минут через двадцать выходи, чтобы мне не заезжать во двор, не тыкаться между машинами. Я буду за остановкой.
— Договорились.
— До встречи.
— Давай!

Галдин отключил телефон и переоделся в повседневную форму ради поездки в центр. Заодно он выложил на диван гражданку — пару джинсов, рубашки, носки, майки, свитер, легкий джемпер, кожаную куртку. Наградной пистолет Вадим доставать из сейфа не стал, решил, что тот ему не понадобится.

Потом он посмотрел на часы. Да, пора позвонить Вячеславу Дуневичу, обрадовать старого друга сообщением о приезде. Галдин включил телефон, нашел в памяти нужный номер, нажал на кнопку вызова. Послышались длинные гудки.

Примерно через полминуты он услышал недружелюбное:

— Да?
— Привет, Славик!
— А ты кто такой?
— Не узнал. Вадим Галдин.
Старший лейтенант ждал, что друг обрадуется, как и всегда, но тот неожиданно грубо ответил:
— И чего тебе надо, Галдин?
Вадим оторопел.
— Ты, Славик, перебрал с утра, что ли? Я это, Галдин Вадим.
— Понял и спрашиваю, что тебе надо.
— Да вот собрался к тебе в гости, отдохнуть, порыбачить. Отпуск у меня две недели.
— Так езжай отдыхать в Сочи или в Крым. А у меня тебе делать нечего.
— Ты, Слава, охренел?

— Считай, что так. Все, не до пустых базаров мне. Счастливого отдыха, Галдин, — проговорил Дуневич и отключил трубку.

Галдин еще с минуту непонимающе смотрел на свой аппарат.

«Он-то понял, а я вот ни черта не сообразил, — раздумывал Вадим. — Чтобы Славик отказался от встречи с другом? Такого никогда не было. Напротив, он и сестра, да и вообще все Дуневичи, пока отец жив был, постоянно приглашали меня. Особенно Елена, смешливая, симпатичная, похожая на куклу. А тут нате вам! Мол, у меня тебе делать нечего.

Эти грубые слова были сказаны неспроста. В Чернухе произошло что-то серьезное. Славик в нормальном состоянии не мог так вот ответить мне.

Это значит, что у него возникли проблемы, а говорить о них он не желает. Бывают случаи, когда человек и хочет получить помощь, а попросить о ней не может. Славик же гордый.

Вот только что произошло с этим офицером запаса? Ладно, узнаем. Я все выясню».

Галдин вышел из дома, прошагал к остановке. За ней уже стояла машина Снегирева.

Вадим сел на место переднего пассажира.

— Еще раз привет, Сеня!

— Здорово.

— Быстро ты добрался.

— Пробок почти не было. Медленно, но все-таки ехал.

— А ты чего только меня решил подобрать?

Выводя машину в транспортный поток, Снегирев ответил:

— Кому звонил, те отказались, говорили, своим ходом доберутся. Машина-то у каждого есть.

— Да, сейчас это не проблема. При нашей зарплате за год вполне можно обзавестись своим авто.

— Что-то ты только не обзавелся.

— Придется. Надо к старому другу ехать, в глухую деревню.

— Чего решил взять?

— На что денег хватит. Пожалуй, «Ниссан Альмеру».

— Нормальная, кстати, машина, только бери с кондером.

— Само собой. Вы с Людмилой как решили отпуск провести?

— На даче.

— А чего не в пансионате?

— Ну его на хрен, этот пансионат. Хотя немного от команд и распорядка дня отдохну.

- Это правильно. А я вот собрался Султана с собой взять.
- Снегирев посмотрел на друга и спросил:
- Отдадут, думаешь?
- А чего его держать? Ему уже десятый год. Он восемь лет от всей своей собачьей души отпахал. Все одно по весне отправится на заслуженный отдых, в вольер.
- Или продадут кому-нибудь.
- Считаю, уже продали. Мне.
- Ну, если так, то, пожалуй, отдадут.
- Куда они денутся, Сеня? А Султан пусть перед пенсией свежим воздухом подышит, вдоволь побегает по лугам без всяких поводков и команд. А у тебя дача, по-моему, в сторону Переславля?
- Снегирев кивнул:
- Да, сорок километров по трассе «Урал» и десять в сторону.
- Хороший дом?
- Обычный, деревенский. Без газа, но с настоящей русской печкой. Баня еще в середине прошлого столетия построена, разогревается в момент и жар долго держит. Два сада — старый и молодой. Яблоки, груши, вишня. До черта, короче всего. Но это добро уже сошло. Просто так с женой отдохнем. По лесу гулять будем. Я порыбачу в пруду. Там, в отличие от Москвы-реки, мутанты еще не завелись. Обычные, нормальные караси, не сказать, чтобы крупные, чуть больше ладони, но я таких и люблю. Обжарить их в масле. Они хрустят, как сухари.
- У меня сейчас слюнки текут.
- А ты с другом приезжай. Я адрес дам.
- Позвоню, если что.
- Можно и так.

В центр разминирования приятели прибыли в 10.58. Остальные офицеры отряда были уже там, сустились на первом этаже, метались от строевой части к финансовой и обратно. Начфин оставался верен себе, обязательно находил какие-то ошибки в бумагах. Впрочем, к данному моменту ему это уже надоело. Поэтому Снегирев с Галдиным оформились довольно быстро, получили по четыреста двадцать тысяч рублей.

Но уезжать Вадим не мог, пока не решил вопрос с Султаном. Для этого он должен был переговорить с Сердановым. Хорошо, что тот не уехал в министерство.

Командир отряда гуманитарного разминирования выслушал Галдина и неожиданно легко согласился:

— Хорошо. Хотя и не вышел срок службы пса, но он тоже заслужил отдых. А что за медаль висела у него на шее при построении в Хмеймиме?

— Монета в пять сирийских фунтов. Вадиг, тот самый паренек, семью которого Султан спас, переделал ее в медаль и вручил нашему псу. Я уже снял.

— Зачем? Пусть носит.

— Если ему надеть все медали, полученные за годы службы, то они волочиться по земле будут.

— Это тоже награда. Народная. Она дороже любой правительственной.

— Есть, товарищ полковник! Прицеплю к общему иконостасу.

— Тогда счастливого отдыха. Но не забывай о службе, будь всегда на связи и в готовности...

— Я все прекрасно помню, Леонид Андреевич.

— Погоди. Ты собирался к другу, да?

— Так точно! Деревня Чернуха, в шестнадцати километрах от Переславля.

— На чем собираешься ехать? Насколько я знаю, ты у нас единственный, не имеющий на данный момент машины. Электричками?

— Они туда не ходят. Да и насчет автобуса сомневаюсь.

— Но тогда тебе просто необходим автомобиль.

Галдин улыбнулся.

— Так точно. Поэтому сразу отсюда поеду в салон.

— Денег-то хватит на новую машину?

— Да. Я собирался взять «Ниссан Альмеру», а она в средней комплектации стоит недорого.

— А проедешь на ней по русскому бездорожью, особенно сейчас, когда дожди чуть ли не каждый день?

— С этим будут трудности, но мы умеем их преодолевать.

— Не стоит портить себе отпуск. Возьми в гараже «Рено Дастер». Не бог весть какой внедорожник, но все же попроходимей «Ниссана», да и деньги сбережешь. купишь что-нибудь посолиднее, когда по лицензии начнем работать. Там бабки, сам знаешь, будут совсем другие. Кстати, в машине стоит очень хитрый навигатор. Наши спецы с ним славно поработали. Он теперь много чего показать может. Где-то в салоне припрятан сканер. Недавно ребята использовали его при выполнении одного очень непростого задания и на всякий случай оставили в машине.

— Спасибо, Леонид Андреевич. На этом «Рено», наверное, система обнаружения стоит?

— Конечно. Я в любой момент могу узнать, где ты находишься.

Галдин опять улыбнулся и заявил:

— Где машина, а где я? Это не одно и то же.

— Не забывай, что твой телефон даже в выключенном состоянии подает сигналы. Так что я в любом случае буду знать, где ты находишься. Отсутствие же таковых будет означать, что ты в опасности. Тогда в район выедет спецгруппа. Тебе надо, чтобы на рыбалке у костра из леса вдруг появились парни в полной боевой экипировке и насмерть напугали женщин?..

— Каких женщин?

— Вот об этом лучше не говори. Ты без них и дня прожить не можешь, естественно, когда не в командировке.

— Ошибаетесь, Леонид Андреевич. Сегодняшнюю ночь, например, я провел в гордом одиночестве.

— Серьезно?

— Так точно!

— Может, взрослеть начинаешь?

— Не исключено и такое.

— Ладно, все. Вопросы ко мне есть? А то надо с Адаксиным в министерство ехать.

— Вопросов нет.

— Удачи!

Галдин покинул кабинет, прошел в гараж, забрал «Рено», выгнал его на стоянку и отправился к вольерам. Султан издали узнал его и забежал внутри клетки.

— Привет, Султанчик! Я смотрю, ты в хорошем настроении.

Пес встал на задние лапы и старался просунуть морду между прутьями, чтобы лизнуть своего хозяина.

— Погоди, Султан, у меня для тебя сюрприз, — сказал он и позвал кинолога.

Подошел молодой сержант контрактной службы.

— Да, товарищ старший лейтенант?

— Открывай клетку.

— Не понял, — удивился парень, отвечающий за содержание собак.

— Чего ты не понял, сержант? Открывай клетку, говорю!

— Я, конечно, знаю, что именно вы работаете с Султаном. Но сегодня собаки должны находиться в вольерах, так как личный состав вашего отряда отправлен в отпуск.

— У меня разрешение полковника Серданова. Этого достаточно?

— Надеюсь, письменное разрешение?

Галдин поднял глаза.

— Господи, и здесь махровая бюрократия! Устное разрешение.

— Тогда мне требуется подтверждение.

Султан понял, что налицо конфликт, и зарычал на сержанта.

Галдин же достал сотовый телефон и вызвал на связь полковника, который вместе с генералом Адаксиным уже ехал в министерство:

— Что такое, Галдин? — спросил Серданов.

— Вы пожелали мне удачи, но рановато.

— Я спросил, в чем дело?

— В том, что кинолог не желает выпускать Султана. Сержанту, видите ли, необходимо письменное распоряжение.

— Передай ему телефон.

Галдин сделал это.

Сержант слушал недолго, протянул аппарат Галдину, достал связку ключей, открыл клетку и сказал:

— Забирайте вашего Султана. С утра его кормили. Второй раз...

— Знаю, сержант.

— Возьмите на кухне продукты для пса.

— Там есть кто-то?

— Кладовщик.

Султан выскочил из клетки, лизнул руку Галдина, сел у его ног и рыкнул на кинолога.

Старший лейтенант потрепал пса по загривку и сказал:

— В общем, так, Султан. Обещай, что будешь хорошо вести себя, и я не стану надевать на тебя ошейник и намордник.

Пес дважды махнул лапой. Наверное, это означало его согласие.

Галдин с Султаном проследовали до кухни, получили там два объемных пакета продуктов для пса, прошли к машине. Старший лейтенант открыл заднюю дверцу. Собака легко запрыгнула на сиденье и прилегла.

Вадим занял место водителя, посмотрел на монитор бортового компьютера и узнал, как заправлен служебный «Рено». Оказалось, что бензина хватит почти на пятьсот километров. Этого было более чем достаточно.

Далее старший лейтенант без проблем выехал с территории центра и повел машину к Загородному шоссе.

Сотовый телефон сработал сигналом вызова.

Галдин увидел на экране, кто звонит, и ответил:

— Да, Сеня.

— Ты уже свалил?

— Да. Забрал Султана и двинулся. Сейчас выезжаю на Загородное шоссе. А что?

— Значит, дали тебе пса?

— Ты знаешь, я не ожидал, что все так легко пройдет.

— Хорошего тебе отдыха. А я домой, заберу Людмилу, заедем в гипермаркет, затаримся и на дачу. Неужели уже сегодня удастся посидеть с удочкой на пруду? Погода вроде ничего.

— Да, погода ясная.

— Ладно, думал, ты еще в центре, но раз уехал, то счастливой дороги.

— Спасибо, Сеня.

— Звони, если что!

— Конечно.

Снегирев отключился.

Галдин добрался до Загородного шоссе и включил правый поворотник. Переславль находился в другой стороне, но Вадиму надо было заехать домой, переодеться, забрать продукты, одежду.

К дому он подъехал в 14.10. Во двор заезжать не стал по известной причине, приткнул «Рено» под знаком «Остановка запрещена». Старший лейтенант не обратил на него внимания. Домой он вместе с Султаном дошел пешком. Там переоделся, забрал увесистую сумку, забитую продуктами, двумя литрами водки, тремя блоками сигарет, купленными вчера, достал из сейфа пистолет и вернулся к машине.

Рядом с ней стояло авто ДПС.

— Этого, блин, еще не хватало! — буркнул Галдин и подошел к «Рено».

Собака шагала рядом.

Из машины ДПС вышел лейтенант, представился и спросил:

— Ваш автомобиль?

— Служебный, Центра по гуманитарному разминированию МЧС РФ.

Инспектор явно не ожидал подобного ответа.

— Документы, пожалуйста.

— Мои? Или на машину?

— И ваши, и на машину.

— Хорошо, лейтенант, но учти, я тороплюсь на военный аэродром. Через два часа у нашего отряда вылет в Сирию. Вот даже собаку пришлось экстренно брать. Так что ты подсуетись. Задачу отряду ставил сам президент. Его помощник должен проводить нас. Мое опоздание будет на

твоей совести, шума много поднимется. Мне-то ерунда, а вот тебе!.. Но я ничего не имею против проверки. — Он достал документы, протянул лейтенанту.

Тот взглянул только в удостоверение личности офицера.

— Понятно. Езжайте, но в следующий раз сморите, где ставите машину.

— А что такое?

— Знак!

— Знак?

Лейтенант показал на столб.

— Да, вижу. Раньше как-то не замечал.

— А надо бы. Я уже вызвал эвакуатор. Подошли бы позже и не нашли бы своего «Рено».

— Тогда вся ваша контора крепко отгребла бы! Машина-то не простая, служебная.

— На ней не написано. Номера обычные.

— А буквы?

— Черт! — Лишь теперь до лейтенанта дошло, что с такими буквами на номерах ездили только офицеры специальных служб, не подлежащие контролю ГИБДД.

— Вот видишь, оказывается, мы оба невнимательны. Султан, в машину! — Галдин открыл дверку, и пес запрыгнул на сиденье.

Старший лейтенант поставил сумку в багажник, сел за руль и подмигнул инспектору ДПС. Тот отдал честь. Галдин нагло, через две сплошные полосы, развернулся, посигналил и повел внедорожник на выезд из Москвы.

Султан выставил морду между спинками передних сидений.

Галдин взглянул на него.

— Интересно, да? Хочешь спросить, куда едем? Недалеко. В деревню. Там будет тебе раздолье.

Пес с интересом смотрел в лобовое стекло, хотел было перебраться на переднее сиденье, но Галдин осадил его:

— Место, Султан!

Пес послушался.

— Вот так и сиди. И вообще, я же предупреждал тебя. Или хочешь намордник?

Султан прикрыл нос лапой.

— А не хочешь, сиди и не дергайся.

Дорога до Переславля заняла четыре часа. Это на сто восемьдесят километров. На мосту через Москву-реку зацепились две фуры и наглухо закрыли его. Хорошо еще, что полиция подскочила быстро. Особых повреждений у машин не было, они кое-как разъехались, но Галдину пришлось простоять в пробке полтора часа.

В 20.10 он въехал в Переславль. Дорогу знал хорошо, двинулся по объездной, миновал мост через Оку, пролетел десять километров, свернул направо и сразу ушел на второстепенную дорогу, по качеству гораздо лучшую, чем главная. Старший лейтенант въехал в лес и остановился.

Надо было покормить Султана. Повар вместе с сухими продуктами выделил Галдину два термоса с готовой едой и с водой, в которой были растворены витамины.

Старший лейтенант вывел Султана из машины, вытащил судки. Пес понюхал их, отошел в сторону, пометил территорию по кругу диаметром метров в двадцать и только после этого приступил к еде. Ел он не спеша, степенно, как и положено заслуженному ветерану.

Галдин закурил и огляделся. Его удивило качество второстепенной дороги. Словно он находился не в России и даже не в Подмосковье. Прежде здесь была грунтовка, местами засыпанная щебнем, асфальтовой крошкой или песком. По весне проехать по этой вот трассе можно было только в сопровождении трактора. Или на танке.

Сейчас же перед ним лежало чуть ли не зеркальное полотно, уложенное по всем правилам. С уклонами от центра, чтобы не оставались лужи, новенькими обочинами с мелким гребнем, пологими кюветами, на которых постоянно подстригалась трава.

«Неужели местная власть наконец-то взялась за ум и начала тратить деньги по назначению? — подумал Галдин. — Но почему тогда другие дороги в колдобинах? Да и в самом Переславле запросто можно было оставить подвеску. А здесь совсем другое. Понятно было бы, если бы впереди находился поселок для богатеньких московских дядек и теток. Но там село Санино. Далее озеро Черное и деревня Чернуха. За ней сплошные болота. Да, загадка».

Разрешилось все быстро.

Галдин возобновил движение, проехал село Санино и увидел, что слева, практически вдоль всего западного берега озера тянется кирпичная стена высотой метра в три со столбами из дорожных декоративных каменных блоков и фигурными светильниками на каждом из них. В ней массивные сдвоенные ворота, способные пропустить одновременно пару грузовых машин. За оградой стройные сосны, ели, наверняка посаженные

специально. Галдин помнил, что раньше тут были поля.

Среди деревьев целый дворец с причудливой крышей из черепицы. Видны только окна второго и третьего этажей, забранные решетками, и балкон с резными балясинами. Все красиво, дорого. Постройки по сторонам тоже хороши, но скромнее.

У ворот отдельное здание, напоминающее контрольно-пропускной пункт войсковой части. Спереди и сбоку большая стоянка, окруженная аккуратными полосатыми столбиками. Туда сворачивала хорошая дорога.

До деревни же тянулась прежняя убогая грунтовка, даже без щебня, крошки и битого кирпича. Просто две колеи посреди леса.

«Кто ж это такое поместье здесь отгрохал? — подумал Галдин. — Какой-нибудь чиновник федерального уровня? Вполне может быть. Подальше от глаз столичных фискалов. Или кто-то из местных? В Переславле тоже живут весьма богатые люди.

Охраны я не заметил. Это означает, что она ведется профессионально. Наблюдение за чудом, возникшим среди леса, осуществляется через видеокамеры и прочую хитрую аппаратуру.

Этот дворец мне не понравился. Кто успел его построить за те три года, в течение которых я тут не был? Чтобы такое отгрохать, надо иметь и технику, и людей, целую строительную компанию».

Тут «Рено» затрясся на грунтовке, и Галдин усмехнулся.

«Вот это уже по-нашему, по-русски. Дороги времен Ивана Грозного. Так в большей части страны. В двадцать первом веке. Идет какой-нибудь пенсионер по улице в старых кирзачах и телогрейке, а в руке у него сотовый телефон. У домов теперь не шесты высотой метров в пять с самодельными антеннами, а спутниковые тарелки. Контрасты, мать их!..

С одной стороны, как говорил поэт, преданья старины глубокой, с другой — результаты прогресса. А в итоге хрен знает что».

Галдин завел «Рено» в деревню Чернуха в 20.30. Там было темно, не горел ни один фонарь. Ближний свет фар высвечивал ухабы распотрошенной центральной и единственной улицы. Раньше здесь было дворов сто, никак не меньше. Сейчас их осталось десятка два.

Старший лейтенант запаса Вячеслав Дуневич жил на окраине, у болота. Галдин учился вместе с ним в военном училище, знал его сестру Елену, отца, скончавшегося в 2012 году. Мать умерла при родах Елены, отец же другую женщину в дом не привел.

Машину тряхнуло. У Галдина возникло такое ощущение, будто она провалилась в воздушную яму, только покатиistou и с твердым покрытием.

— Поймал все же колдобину, — пробурчал Галдин. — Да и как в нее

не угодить, если здесь вся улица — сплошные колдобины. — Он повернулся к псу, поднявшему голову. — Это тебе, Султан, не шоссе, ведущее к поместью какого-то нувориша, а исконно русские дороги. Таких ни в Сирии, ни в Суринаме, ни даже в Афгане не найдешь. А у нас, твою мать, все та же проблема — дураки и дороги.

Пес наклонил голову, слушал Галдина и всем своим видом показывал, что полностью с ним согласен.

А старший лейтенант медленно вел машину по ночной деревне. Он внимательно всматривался в дорогу, чтобы не угодить в колдобину размером с его авто. Такого исключать было никак нельзя. Вокруг темнота непроглядная. Небо заволокли тучи, скрылись звезды.

Только в окне дальнего дома мелькнул свет. Туда Галдин и подъехал. Он остановил машину и с удивлением посмотрел на участок Дуневичей.

Забор, когда-то крепкий, поставленный еще в восьмидесятые годы, скособочился, одна секция завалилась. За ним непроходимые заросли какого-то чертополоха.

Да и дом выглядел весьма печально. Стены еще ничего, штукатурка с них не отвалилась, но они уже чуть покосились. Гараж поржавел. Ворота в сарай нараспашку. Когда-то семья держала там свиней и коз. С другой стороны были насесты для кур, загон для гусей. Скотины у Дуневичей было много даже после смерти отца. А сейчас у гостя возникло такое ощущение, что даже кошки в хозяйстве нет.

«Здесь определенно что-то случилось. А вот что? Это я сейчас и узнаю», — подумал Галдин и окликнул пса:

— Султан, рядом!

Они подошли к крыльцу.

Глава 2

Галдин постучал. В ответ тишина, причем какая-то гробовая. Этот дом казался Вадиму склепом. Он не мог понять, как Славик и Лена, отличавшиеся педантичной аккуратностью и трудолюбием, могли так запустить дом и участок.

Галдин толкнул дверь, взглянул на пса. Султан тоже посмотрел на него, но спокойно, не проявляя никакой тревоги.

Они прошли через сени. Дверь в комнату оказалась открытой. В ней горел свет, но никого не было. Бросалось в глаза запустенье, пыль на полу, смятые дорожки. На столе громоздились пустые бутылки и тарелки с объедками недельной давности. Банка из-под тушенки, переполненная окурками. Грязные шторы на окнах. Черт возьми, Вадим никак не ожидал увидеть здесь такой бардак.

— Эй, живые есть кто? — крикнул он.

— Приехал все ж таки, — донесся голос из левой спальни.

В комнату на инвалидной коляске въехал старший лейтенант запаса Вячеслав Дуневич. Его физиономия заросла недельной щетиной. Он был в рубашке далеко не первой свежести и мятых штанах.

Галдин остолбенел. Пес тоже напрягся, заскулил.

Дуневич же продолжал:

— А я что говорил? Не хрен тебе здесь делать, Галдин.

— Ты это, Славик... что произошло?

— Какое вам всем дело? Проваливай отсюда. Нет больше Славика Дуневича, да и Елены.

— Как это?

— Как? Каком кверху. Я же сказал, проваливай, а то ружье за шторой, влеплю дуллетом в черепушку, и все дела.

— Ты охренел, Славик? Это же я, Вадим.

— Нет, это ты охренел. Я же предупреждал.

Видок у Дуневича был не ахти. Сразу ясно, с перепоя. А вот похмелиться другу нечем.

— Ладно, свалю, если хочешь, но, может, по старой дружбе пропустим граммов по двести?

В глазах Дуневича промелькнул блеск жизни. До того они казались Вадиму мертвыми.

— А у тебя есть?

— Конечно. Я же в гости ехал.

— Давай.

— В машине. Сейчас принесу. Пес тут посидит. Ты не бойся, он не тронет.

— Я, Галдин, в этой жизни больше никого и ничего не боюсь.

— Ну да, я сейчас. Султан, сидеть, свои!

Вадим принес сумку. Потом он убрал со стола пустую тару, мусор, перестелил скатерть, выставил из сумки две бутылки водки, свежий хлеб, колбасу, паштет, шпроты.

Дуневи́ч усмехнулся и заявил:

— Богато, смотрю, живешь, Галдин.

— Бывали времена, ты меня по имени звал.

— Когда-то бывало. Наливай.

— Один стакан вижу, где второй взять? Да и нож нужен.

— Сзади. В буфете у печки.

Галдин достал из буфета все необходимое, быстро порезал колбасу, хлеб, вскрыл консервы. Налил он не скупясь, по двести граммов. Дуневи́ч схватил стакан и залпом выпил. Вадим тоже, но в несколько глотков. Хозяин дома занюхал водку рукавом рубахи, достал из внутреннего кармана дешевые сигареты.

— Ты бы закусил, Славик, — посоветовал Галдин.

— А ты бы оставил свои советы при себе. Наливай еще.

Гостю пришлось открывать вторую бутылку. На этот раз они пропустили по сто пятьдесят граммов. Дуневи́ч проглотил бутерброд с колбасой, после чего прикурил очередную сигарету. Вадим достал свои и тоже задымил.

— И сигареты дорогие куришь. Жизнь удалась, да? — продолжал Слава.

Галдин решил перейти в наступление, и заявил:

— Так, хорош дурака гнать. Я твой друг. Брось свои выкрутасы и рассказывай, что у вас тут случилось. Почему бухаешь, где Елена, и вообще, как цветущий участок превратился в помойку?

— Друг, говоришь? — Дуневи́ч пьяными глазами посмотрел на Галдина. — Если так, то поможешь бабками. Скоро зима, а у меня ни одного полена нет. Даже сейчас ночью приходится укрываться двумя одеялами.

— Конечно, помогу, какой базар, Славик.

— Дрова нынче дорогие.

— Ерунда. Я тебе не только дровами помогу, а всем, что потребуется.

Но ты сначала должен рассказать мне, что произошло.

— Погоди немного, — сказал Дуневич.

— А чего ждать?

— Сейчас увидишь.

Буквально через полминуты в комнату вошла женщина лет шестидесяти с большим узлом в руках.

Султан среагировал, развернулся, встал, готовый к защите хозяина.

Женщина от неожиданности вскрикнула и едва не уронила узел.

— Спокойно, Султан! Это тоже свои, — сказал Галдин.

Пес тут же потерял интерес к женщине.

Дуневич объяснил:

— Это Мария Алексеевна Тернова, моя бывшая учительница, сейчас пенсионерка, единственный человек на деревне, который не отвернулся от меня. Помогает чем может, еду готовит, обстирывает, насколько здоровья хватает.

— Старший лейтенант МЧС Вадим Галдин, — представился гость. — Мы со Славиком вместе в училище учились. А это мой пес. Вы не бойтесь, он никого не тронет.

Женщина покосилась на овчарку и сказала:

— Ну да, не тронет! Вид как у волчары.

— Он добрый, Мария Алексеевна.

— А ты, значит, друг Вячеслава?

— Да.

— И что же ты бросил его в беде?

— Да в какой беде? Я получил отпуск первый раз за два года, да и то всего на пару недель. Позвонил Славе, а он разговаривать не хочет. Но все равно приехал, а тут... коляска, все запущено. Вот пытаюсь узнать, что произошло, Слава не говорит, прогоняет. Может быть, вы расскажете, что здесь приключилось?

Женщина развязала узелок, достала из него кастрюлю.

— Это, Слава, борщ.

За кастрюлей появился чугунок.

— Здесь картошка. Вот тут кусок сала, хлеб. Ну а это белье твоё. Ты уж извини, у меня, сам знаешь, стиральной машины нет, пошмыгала руками то, что смогла. Остальное потом занесу. Завтра истоплю баню, поедем, помоешься. — Женщина повернулась к Галдину: — Что приключилось, спрашиваешь, гость? Страшная беда...

Дуневич прервал ее:

— Не надо, Мария Алексеевна, я сам все расскажу. А вам спасибо

большое.

— Ладно, пойду я. Мне с утра огородом заниматься. Вот говорила же, давай сын мой, Егор и тебе картошку посадит, нет, отказался.

— Я не могу вот так, на халяву. Как пенсию получу, заплачу.

— Да ладно тебе. Я что, ради денег взялась ухаживать за тобой? Не обижай. Пошла я, а ты все Расскажи другу. Смотрю, нормальный он парень.

— Идите, Мария Алексеевна, еще раз большое спасибо вам.

— Не за что. — Женщина ушла.

Дуневи́ч кивнул на бутылку.

— Доливай остатки.

Галдин отставил водку в сторону.

— Нет. Пока не расскажешь все, ни капли не получишь.

Вячеслав неожиданно легко согласился:

— Ну и ладно, хочешь, слушай.

Видимо, ему самому было необходимо выговориться, но мешали гордость, злость, обида.

— С чего начать, Вадим?

— Ну вот, хоть по имени назвал, это уже хорошо. А начинай с начала.

Дуневи́ч хмыкнул и заявил:

— Где это начало? Ладно, попробую. Но если буду говорить сумбурно, изъясняться невпопад, то не взыщи.

— Если что, я переспрошу.

— Угу. Ты когда ехал сюда, поместье у озера видел?

— Конечно, как такое не увидишь? Еще от поворота удивился идеальной дороге, подумал, власть за ум взялась.

— Ага, жди, возьмется она. Но не в ней дело, не во власти. Это поместье отгрохал один бизнесмен, господин Сухобоков Леонид Борисович. Своloch, какую поискать. В девяностых бригадиром у зареченских был, имел погоняло Треска. Пахан его тогда же служил заместителем областного военкома. Должность высокая, связи везде, куча денег за отмазку детенышей чиновников и бандюков от армии. Когда организованные преступные группировки в начале двухтысячных гасить принялись, он и сынка отмазал. Знал, когда всех брать будут, дома держал, а потом прикрыл от следствия. Этот самый Треска как-то сумел окончить строительный техникум и тут же завел чуть ли не первую в регионе крупную строительную компанию. Отец в свое время огреб бабки. В общем, взялся Треска, а тогда уже господин Сухобоков за строительство. Кто-то подсказал ему, или сам додумался, что выгодное дело. Начал лепить

каркасные коттеджи вокруг города. Цена невысокая, квартира дороже. А тут и свой дом и земля. Три или четыре поселка поставил и продал. Взялся за высоты. В общем, поднялся. Для себя отстроил отель «Алые зори», самый настоящий бордель со шлюхами и наркотой. Так, по крайней мере, в городе говорили. Да и поместье возвел, которое ты видел. Плевать ему на законы, на то, что земля здесь заповедная. Ее, по слухам, приватизировала Милена Станиславовна, жена губернатора Рябова. Сухобоков получил разрешение и построил трехэтажный особняк с бассейном и бильярдной. Там у него гостевые дома, сауна и даже теннисный закрытый корт. Озеро все захватил, причал устроил. Там у него два катера. Раньше наши деревенские по всему берегу рыбачили, где хотели там и купались. Теперь только в одном месте. Смиловивился господин Сухобоков, выделил деревенским полосу берега метров двадцать. Чуть в сторону никак нельзя! У него там пара быков в охране. Они летом постоянно на катере по озеру шныряют.

— Но кто ему все это разрешил? Губернатор? — спросил Галдин.

— Не знаю. Тому, кроме своего кармана, ни до чего дела нет. Он прежде сидел в Думе. Надо было местечко освободить для другого человека, вот его на губернатора кинули. А у жены и в Москве бизнес не хилый. На хрена ему работать?

— Но есть же еще ФСБ, МВД, надзоры всякие.

— А какое дело ФСБ до какого-то бизнесмена? Для государства он никакой опасности не представляет. Да, беспредельничает, но это вроде как и не их дело. В УВД то же самое. По документам у него все чисто, никого не убивал, из бюджета не воровал, заявлений на него никаких нет. Да и крыша у Сухобокова имеется. Депутат Капронов Алексей Сергеевич. Он в те же девяностые в одной ОПГ с Сухобоковым обретался. Был телохранителем самого Черта, то есть Василия Чертакова, главаря всех зареченских. Будущего депутата тогда Капроном звали. Старший Сухобоков его отмазал, а младший в Думу определил.

— Как это?

Дуневич усмехнулся и осведомился:

— А ты не знаешь, как это делается? Отстегнул бабки, Капрон их передал в совет некоей партии, а тот за это включил его в федеральные списки. В итоге Капрон занял теплое местечко с очень широкими полномочиями, а главное — с перспективными связями. В общем, коррупция самая натуральная. — Вдруг Вячеслав резко сменил тему и спросил: — Ты точно два пузыря привез?

— Тебе что, не хватило?

— Не сейчас. Позже. Узнаю, спокойней будет.

— Есть еще водка.

— А деньги?

— И деньги есть.

— Тогда ладно.

— А что ты мне про этих бандюков, выбившихся в бизнесмены и депутаты, рассказывал? Они имеют какое-то отношение к тебе?

— Капронов нет, а вот Сухобоков!.. Именно эта тварь и сломала нашу с Леной жизнь. Ленке тут заняться нечем было. Сначала вроде работала на фабрике в селе. Платили семь-восемь тысяч, да и то с задержкой месяца на три. Потом фабрику закрыли, продали кому-то под склады. Что было делать? Подруга позвонила из Москвы, пригласила, золотые горы обещала. Ленка собралась и поехала. Устроилась в торговом центре. Познакомилась там с москвичом, менеджером Валерой. Тот хату снял, стали жить вместе. Он обещал жениться. Мне не верилось, но Лена и слушать не стала. Мол, Валера не такой, как все, он хороший, и прочая лабуда. А этот хороший Валера сам себе на уме. К хозяину торгового центра приехала сестра из Киева. Валера тут же на нее и переключился. Ленка в разборки. Да куда ей тягаться с сестрой хозяина торгового центра? В общем, выкинули ее с работы. Да еще и долги за хату остались. Валера, оказывается, не платил за нее. Что заработала, все раздала. Стала искать новую работу. Налетела на фирму услуг, типа окна мыть, квартиры убирать, стирать. Там вроде деньги неплохие обещали. Поехала на собеседование. Встретил ее хмырь какой-то и сразу предложил пару клиентов, одиноких мужиков, которым кроме работы по дому еще и секс нужен был. Лена в отказ. Хмырь наехал, мол, куда ты денешься? Она позвонила мне, я тогда лесником работал, обрисовала ситуацию. Я в Москву, на эту фирму. Дал в рожу этому хмырю, забрал Лену и привез обратно в деревню. А тут Сухобоков закончил строительство своего поместья. Ему нужны стали служанки, горничные. Объявления везде были вывешены. Ленка, смотрю, опять купилась. Но тут я ничего не заподозрил. Человек вроде местный, известный, женатый. А Сухобоков в тот момент развелся в четвертый раз. Несмотря на свои пятьдесят три года, он слишком уж охоч до баб. Ленку заприметил сразу. На третий день предложил ей спать с ним и с его друзьями, когда собираться будут. Сестра, конечно же, в отказ. Он затащил ее в спальню и изнасиловал. Ночью не пришла домой. Пошел я с утра к поместью. Охранник меня и близко не пустил. Объяснил я, что сестра у меня здесь работает. Он в ответ, мол, ничего не знаю, проваливай, пока при здоровье. Не сдержался я, ввалил и охраннику. В общем, шум поднялся. Прибежали

другие быки, меня отделали. А потом вышел сам Сухобоков. Дескать, работаешь лесничим, и флаг тебе в руки. В мои дела не лезь и о сестре не беспокойся, она в порядке. Тут Ленка каким-то образом вырвалась из дома и закричала: «Помоги, Слава!» Я на Сухобокова. А вокруг охрана. Ленка же вопит, что изнасиловал ее бизнесмен. Избили меня прилично, бросили в кусты. Очнулся от дождя. Вспомнил все, решил на территорию пролезть, вытащить Ленку, да куда там. Направился на село. Там участковым был капитан Гвоздев, все его Гвоздь звали. Я к нему. Он: «Ты охренел? На самого Сухобокова тянуть!.. Да он тебя раздавит как комара». Я говорю: «Ты заяву прими, оформи как положено и разбирайся. На то ведь тебя тут и поставили». Покряхтел он, но заяву принял. Не знал я тогда, что на Гвоздя этого в УВД уже приказ был об увольнении. Он с этой заявой напрямую к Сухобокову. А через день поехал я в лес. В пяти километрах дорога перекопана. Что, думаю, за дела? Вышел посмотреть, а тут из леса четверо с битами да в масках. Отделали так, что оказался я на инвалидной коляске. Позвоночник сломали. Выжил благодаря тому, что дед Евсей, грибник местный, в тех краях обретался, нашел меня да на «Ниве» моей отвез в больницу. Вот так я стал инвалидом. Ленка до сих пор у Сухобокова. Я ничего сделать не могу. Гвоздь как уволился, к нему в услужение подался вместе с женой. Бывший участковый теперь у него начальник охраны, а жена поварихой пашет. Продались твари. Как-то наведывались ко мне быки Сухобокова, все пьяные. Не успел я ружье взять, а то бы встретил достойно. Они опрокинули коляску, сами за стол, достали самогон и давай жрать. Пили и смеялись. Чего, мол, офицеришка, добился своего? На кого пасть открыл, придурок? Сиди теперь в коляске. Я спросил, что с Леной. Они еще больше ржать. Дескать, Лена твоя с хозяином спит и по кругу идет, когда серьезные люди к нему приезжают. В общем, в рабстве она. Вот такие дела, Вадим. Наливай!

Галдин достал третью бутылку, разлил по сто граммов.

Друзья выпили, перекурили.

Потом Вадим проговорил:

— Вот, значит, как? Хозяином жизни почувствовал себя Сухобоков?

— А он и есть хозяин жизни. Сосед, который напротив Марии Алексеевны жил, в газету какую-то написал о беспределах бизнесмена. И что? Пришли быки, дали ему сутки на то, чтобы свалить из области. Не послушал. Через сутки нашли мужика в озере. Утонул по пьянке. А он ни хрена не пил, язвенником был.

— Это что ж получается? На этого Сухобокова никакой управы нет?

— Получается, что нет.

Галдин взглянул на пса и спросил:

— Ты тоже так считаешь, Султан?

Тот зарычал в ответ.

— А вот у него другое мнение.

Дуневич посмотрел на Галдина.

— Ты чего, лишнее выпил? С собакой разговариваешь.

— А это, Слава, не обычная собака. Она лучше некоторых людей все понимает. Вот только сказать ничего не может. Значит, ты смирился со своим положением?

— А что мне делать, Вадим? Ладно, был бы здоров, подкараулил бы эту мразь Сухобокова да пристрелил бы из ружья. А на коляске я из дома один выехать не могу. Стыдно сказать, под себя хожу. Это Мария Алексеевна, добрая душа, приходит, ухаживает, обмывает. Но и у нее здоровье подорвано. Овощ я, Вадим.

— Ты не овощ, а инвалид. Еще неизвестно, можно ли тебе помочь в плане восстановления.

— В районной больнице сказали, что нельзя. Радуйся, мол, что только нижняя часть тела парализована. Сидеть можешь, руки двигаются. Другие после таких травм лежнем лежат, если вообще выживают. А по мне, лучше бы убили тогда.

— Районная больница — это не тот уровень. У нас в госпитале врачи поднимали тех парней, которым осколки позвоночника перебили.

— А на хрен мне жизнь такая, когда я сестру не смог защитить?

— Так застрелись.

— Пытался. Дважды. Духу не хватило. Сломали меня в прямом и переносном смысле.

Галдин налил еще по пятьдесят граммов.

— На сегодня это все. Место, где переспать, найдешь для меня?

— Да в Лениной комнате и поспи. С утра в обратку?

— С чего ты это взял?

— Ну да, ты ж в отпуск приехал, порыбачить.

— Планы меняются, Славик. Не можешь ты, значит, я вытащу Ленку из рабства. Да и бизнесмена этого накажу.

— Ты?

— С Султаном. Но сначала кое с кем переговорю эту тему. Забор подправлю, решу вопрос с дровами, порядок у тебя в доме наведу. Схожу и на рыбалку. Посмотрю на поместье.

— Ты все это серьезно, Вадим?

— Конечно. Справедливость, Славик, должна восторжествовать. Так

оно и будет. А как решим вопрос с Леной и этой мразью Сухобоковым, отвезу тебя в наш госпиталь.

— Ты рехнулся? Да Сухобоков, если понадобится, в поместье столько быков наберет, что их там и взвод не возьмет. Бандюков отборных!.. В армии они не служили, на зонах опыта набирались.

— Разберемся.

— Ты в натуре без башни. Вали отсюда, пока тебя не уделали.

— Нет, Славик. Теперь я от тебя уеду только тогда, когда Сухобоков станет выть от отчаяния и боли, вымаливать себе жизнь. Давай помогу. Говори, что сделать надо?

— Ты о чем?

— Ну, подмыть, снять белье, помочь лечь в постель. Потом приберусь в комнате, продукты разложу. Холодильник-то у тебя есть?

— В погребе как в холодильнике. А тот сломался.

— Не выкинул?

— А ты не видел в сенях?

— Не обратил внимания. Посмотрю, что там сломалось. Если помнишь, я техникой в училище сильно увлекался.

Дуневич улыбнулся. Наверное, впервые за последние годы.

— Как же, помню. Тебя еще тогда называли Кулибиным и Левшой.

— Это в шутку, но технику люблю и кое-что в ней понимаю. Кроме компьютеров и разных устройств последнего времени. В них я ни в зуб ногой. Говори, что делать надо.

— Устраивайся в комнате. Помыться, извини, можно, если только из колодца ведрами воды натаскаешь. Чистое постельное белье в спальне, в тумбочке. А я сам справлюсь. Не впервой. Да, у тебя водка на утро осталась?

— Есть еще пузырь.

— Хорошо, а то самогон здесь дерьмовый, а на селе надо знать, у кого брать, да и не дадут чужакам.

— Зачем самогон? На селе что, магазина нет?

— Есть. Только там паленку одну продают. Безопасней самогон пить.

— Да, провинция.

— Это тебе не Москва.

— Даже не Суринам и не Сирия.

— А ты что, был там?

— Был. Из Сирии прилетел и отпуск получил.

— И чего там в реале, Вадим?

— Поздно уже, а рассказывать долго. У нас будет еще время обо всем

поговорить.

— Ладно.

Дуневи́ч покати́л в свою спальню.

Галдин обмылся холодной водой, поставил машину за сарай. Потом он зашел в комнату Елены и посчитал, сколько сейчас ей лет. Вышло двадцать. Вадим застелил постель и прилег. Рядом на коврике устроился Султан.

Поутру Галдин вывез Дуневи́ча на улицу, покормил пса, занялся уборкой, а потом и забором. С ним пришлось повозиться, но в конце концов Вадим установил его на место. Он занимался этим до середины дня. Друзья пообедали борщом и картошкой, которые принесла Мария Алексеевна.

Вячеслав, похмелившийся с утра, был дружелюбен. Но не только от водки. К нему постепенно возвращалась жизнь. Он начал понимать, что не брошен, не остался один.

После обеда Галдин заглянул в гараж. Там стояла старая, но довольно приличная «Нива». Дверца открыта, ключ в замке. Вадим провернул его. Машина завелась с пол-оборота, но через пару минут заглохла. Закончился бензин.

Подкатил на коляске Дуневи́ч и сказал:

— «Нива» еще ничего. Года солидные, а вот пробега и пятидесяти тысяч не будет. Я на ней только в лес да на дальнее озеро ездил.

— Документы на «Ниву» в порядке?

— ОСАГО нет, некому делать было. А без страховки далеко не уедешь.

— Это дело поправимое. Паспорт на машину у тебя?

— Все у меня. Даже права остались.

— Я воспользуюсь ею, если ты не против.

— А ОСАГО?

— Напишешь доверенность. В городе оформлю страховку.

— До него еще доехать надо. На селе постоянно патруль ДПС трется. Он не трогает только тачки Сухобокова.

— Слушай, Слава, а этот Сухобоков часто в городе бывает?

— Откуда мне знать? Впрочем, насчет этого можно с участковым поговорить.

— С тем самым, которого еще при назначении купил этот бизнесмен?

— Нет, новый участковый — вполне нормальный парнишка. Наши отцы друзьями были.

— Отец мента жив?

— Помер. В том же двенадцатом году.

— Что за участковый?

— Лейтенант Борисов Михаил Владимирович, двадцать три года, отслужил в десанте, закончил школу полиции и получил назначение в родные места. Живет рядом с церковью и магазином.

— Считаешь, с ним можно поладить?

— Смотря в чем.

— В серьезных делах.

— Думаю, можно.

— Уверен, что его не купил Сухобоков?

— Сто процентов не дам. Где-то девяносто.

— Неплохой расклад. Так я доеду до участкового. У него где опорный пункт?

— В сельсовете, но он вряд ли сидит там целыми днями. Кроме села на участке еще четыре деревни.

— Тачка у лейтенанта есть?

— Служебный «УАЗ». Его еще Гвоздь получил, хотел на себя оформить, но не успел. Выгнали раньше. — Дуневич посмотрел на часы и спросил: — Ты что, прямо сейчас к нему собираешься?

— У меня, Славик, всего две недели, уже меньше, а дел предстоит много.

— Не связывался бы ты, Вадим. Хватит и того, что мы с Леной пострадали.

— Нет, не хватит. Беспредел должен быть наказан. За каким чертом я рискую собой где-то за границей, а на родине правит зло? Не будет этого.

— Ты же не крутой спецназовец, а сапер.

— Что это меняет? В первую очередь я — офицер. Ты, кстати, тоже. Давай-ка я завезу тебя домой, приготовлю ужин, сварю кормежку собаке и поеду. Инспекторы ДПС в селе весь день торчат?

— Когда как.

— Ладно, прорвемся.

Готовить ужин Галдину не пришлось. К ним зашла Мария Алексеевна, принесла макароны по-флотски и остатки белья.

Она увидела чистоту в комнате, Дуневича, приведенного в порядок, улыбнулась и заявила:

— Ну вот, совсем другое дело. Теперь вижу, что друг приехал.

Галдин сварил похлебку для Султана, накормил его.

— Слава рассказал, что у них произошло? — спросила бывшая учительница.

— Да. Мария Алексеевна, может, вы знаете, Сухобоков часто выезжает

из поместья?

— Да каждый день. Иногда не бывает тут неделями. У него же своя гостиница.

— Где эта гостиница находится?

— Чего не знаю, того не знаю.

— А где конкретно держат Елену?

— Я толком ничего, Вадим, не знаю, не выезжаю из деревни.

— А Егор, сын ваш?

— А что сын? Он каменщиком на стройке работает. Иногда сутками.

— Не в компании Сухобокова?

— Нет, в другой.

— Ладно, сам разберусь.

Женщина внимательно посмотрела на старшего лейтенанта и спросила:

— А тебе это для чего?

Вадим промолчал.

— Не хочешь говорить. Ну и не надо. Только запомни, с Сухобоковым тебе не справиться, за ним власть. Что ты можешь против нее?

— Посмотрим.

— Ну, смотри. Пошла я. Завтра обед принесу.

— До свидания, Мария Алексеевна.

Галдин проводил женщину, взял канистру с бензином, входящую в комплект служебного автомобиля, заправил «Ниву», осмотрел ее и глянул на часы. 17.20.

«Скоро стемнеет. Оно и к лучшему. Меньше посторонних глаз будет, — подумал он. — А вот мимо поместья Сухобокова проезжать не следует. Не фиксируют ли камеры, установленные там, машины, проезжающие в деревню? Вроде бы и ни к чему, но кто знает. Надо выяснить, есть ли объездные дороги».

Галдин оставил Султана у машины, вернулся в дом.

Дуневич пил чай.

— Слава, вопрос такой. Можно объехать поместье, не выходя на дорогу, ведущую к нему?

— Можно, но крюк приличный выйдет. Напрямую всего два километра, по лесу — пять.

— Но дорога есть.

— Есть. Сразу за деревней сворачивай налево. Эта грунтовка идет в Санино.

— А чтобы в деревне не светиться?

Дуневи́ч почесал затылок и ответил:

— Тогда так. От дома влево где-то километр, у сдвоенной березы поворот направо. Там тоже дорога, она выйдет к грунтовке уже за деревней. Прямо в проулок к церкви, где хата участкового и магазин.

— Это другое дело. Не скучай тут без меня, я постараюсь вернуться быстро. Мне еще посмотреть твой холодильник.

— Лучше бы телевизор починил.

— Не показывает?

— Красное пятно посередине.

— И телевизор посмотрим. Поехал я.

— Выпить бы, Вадим. Тревожно что-то на душе.

— Это от пьянки. — Галдин достал из сумки боевую аптечку, вынул из нее ампулу. — Держи. Хороший препарат. Будешь спокоен как удав.

— Лучше бы граммов сто водки.

— Нет у меня.

— А не купишь на селе?

— Завязывать пора.

— Завяжу, Вадим, отвечаю. Потом, когда... ну ты понял.

— Ладно, не забуду, возьму. Но ты говорил, что в магазине паленкой торгуют.

— Ты хочешь с участковым поговорить?

— Да.

— Попроси его зайти с тобой в магазин. При нем дадут нормальную, заводскую.

— Ладно, видно будет. Но ничего не обещаю.

— Прошу, Вадим. Даже врачи говорят, что сразу бросать пить нельзя, надо постепенно. А то организм может сбой дать.

— Это какие же врачи такую хрень тебе говорили?

— Обычные врачи. Я раз в год на комиссию в район езжу. Вернее, возят меня туда.

— Зачем?

— Сказал же, на комиссию.

— Какую комиссию?

— ВТЭК. Не слыхал? Подтвердить, что я не вылечился, чтобы платить мне пенсию как инвалиду первой группы.

— А что, это надо подтверждать?

— Конечно.

— Бред полнейший.

— Я-то что. Некоторые без руки или ноги туда приезжают. Как будто

новые отрасли могут. Но так положено. Иначе не видать пенсии.

— И сколько платят?

— Почти десять тысяч.

— Что? Человеку, который не может работать, десять тысяч?

— А как обычные пенсионеры живут? У Марии Алексеевны восемь тысяч с небольшим. Ну а насчет работы скажу, что руки-то у меня двигаются. Значит, чем-то заниматься могу.

— Охренеть! Ну и государство у нас.

— Я тебе словно Америку открыл.

— Ты и открыл. Беспредел полный. Ладно, пора мне.

— Удачи!

— Спасибо!

Галдин посадил собаку в «Ниву» и двинулся по маршруту, указанному Дуневицем. Из деревни его никто не видел, хотя это было не важно. От Марии Алексеевны народ узнает, что к Славику друг приехал, так что особо шифроваться не имело смысла.

До села он доехал за пятнадцать минут и остановил машину на задворках. Вадим приказал Султану охранять ее и двинулся по проулку, который заканчивался магазином и домом участкового. По «УАЗу», стоявшему у ворот, он понял, что тот у себя.

Галдин зашел во двор, поднялся на крыльцо и для приличия постучал в дверь, ведущую в сени, хотя и видел, что она не запрета.

— Иду! — раздался молодой голос.

На пороге появился стройный офицер полиции.

— Здравствуй, лейтенант, — поприветствовал его Галдин.

— Мы знакомы?

— Долго ли это сделать?

— Не знакомы, и уже так фамильярно?

— А как мне к тебе обращаться? «Здравия желаю, товарищ лейтенант Михаил Борисов», да? Пожалуйста...

Участковый прервал сапера:

— Не надо. Кто ты?

— Друг небезызвестного тебе Вячеслава Дуневица.

Участковый сразу помрачнел.

— А у друга есть документы?

— Ну а как же? Ехать к тебе без документов глупо.

— Покажи.

Вадим достал удостоверение, передал участковому.

Тот внимательно посмотрел документ и проговорил:

— Значит, старший лейтенант отряда гуманитарного разминирования МЧС Галдин Вадим Денисович. Серьезное подразделение представляешь, смотрел по телевидению сюжет о вашей работе в Сирии.

— Мы работаем не только там. По всему миру. Но крайняя командировка была именно в Сирию. Я прилетел оттуда, получил отпуск... Слушай, ты так и будешь держать меня на крыльце? В доме тебя ждет очаровательная дама, что афишировать нежелательно?

— Какая дама? Один я, проходи.

Галдин зашел в дом.

Большая комната у участкового выглядела очень неплохо. Раскладной диван, кресла, между ними журнальный столик, телевизор на стене, оклеенной довольно дорогими обоями. На окнах тюль и шторы, на полу ковер. Много фотографий, в правом углу икона с лампадой.

Хозяин указал гостю на кресло у журнального столика.

— Присаживайся, сапер. У меня не курят, так что не обессудь.

— Ничего, нормально.

— Ты приехал по поводу Славика?

— Да. Объясни мне, представитель власти, как это получается, что в свободной, демократической стране процветает рабство? Почему здесь безнаказанно калечат и убивают людей? Или у вас тут зона, свободная от закона?

Борисов вздохнул.

— Не сыпь мне соль на рану, старлей. Ты думаешь, я куплен Сухобоковым?

— Нет. Поэтому я и приехал к тебе, а не к Гвоздеву.

— Славик уже рассказал о трагедии?

— О преступлении.

— Преступником человека может назвать только суд.

— Тогда о беспределе, который творится в Санино.

— А что я могу сделать, если у Сухобокова все схвачено? Глава поселения у него мальчик на побегушках, крыша в области и в Москве. Вступив в должность, я запросил у начальства разрешение на проверку информации о незаконном содержании Елены Дуневич в поместье Сухобокова. А мне в ответ: «Тебе на участке заняться больше нечем? К Сухобокову не лезь! Человек деньги на храмы и детский дом тратит, исправно платит налоги, строит дешевое жилье. Какое незаконное содержание? Не суйся! Самогонщиков лови, бытовуху разгребай. И чтобы показатели на высоте были!»

Галдин кивнул и сказал:

— Ты, разумеется, так и сделал.

— Не угадал. Поехал я к Сухобокову в воскресенье, он тогда как раз прикатил на выходные один, без компании. Так меня дальше ворот не пустили. Гвоздев мне так и сказал: «Куда ты лезешь, лейтенант? Хочешь, не начав служить, закончить карьеру? Так мой босс тебе это быстро организует». А на следующий день звонок из райотдела и мат-перемат начальника. Дескать, что ты творишь на участке? Или не понял того, что тебе было сказано? В общем, получил я по самое не могу, огреб первый свой выговор.

— Ясно. Погоня да оклад, который в районе больше нигде не получишь, конечно, важнее того, что один мужик стал инвалидом, другого убили, а женщина находится в сексуальном рабстве. Своя рубашка, как говорится, к телу ближе. Вот только как ты, вроде нормальный мужик, со всем этим жить будешь? Или, как Гвоздев, пойдешь в услужение к Сухобокову? Тот тебя примет и доплачивать будет.

Участковый резко встал и заявил:

— Ты, старлей, говори, да не заговаривайся. В услужение я ни к кому идти не собираюсь, как и бросать это дело. Только пока нет у меня возможности начать расследование. Да и официального повода. Я же просил Дуневича написать заявление...

— Он уже писал Гвоздеву.

— А надо мне.

— И что ты с ним сделаешь? Отвезешь начальнику, так? А он свернет его в трубочку и тебе в задницу засунет.

— Не борзей и слова подбирай. Я нашел бы, что сделать с заявлением. В полиции, даже областной, далеко не все продажные, много и порядочных офицеров. Новый начальник УВД из Москвы прибыл. К нему поехал бы. Но не поверил мне Дуневич.

— А ты поверил бы?

— Черт его знает, если честно.

— Вот именно. Но хорошо хоть то, что ты хочешь добиться справедливости. Я вот тоже этого желаю и добьюсь. Но мне нужны союзники. Ты среди них?

— Среди них. Что собираешься делать?

— Есть мыслишки, но четкого плана нет.

— Уговори Дуневича написать заявление.

— А смысл? Нет, Миша, официально снять проблему не получится. Не потому, что законы у нас плохие. Тебе просто не дадут ими

воспользоваться. Допустим, будет заява, ты попадешь к новому начальнику УВД, тот выслушает тебя. Дальше что?

— Даст соответствующее указание начальнику районного отдела.

— Правильно. А тот повязан с Сухобоковым. Не пройдет и недели, как тебе организуют подставу и выкинут из органов. Тот же начальник управления и вышибет, когда ему подсунут компромат на тебя. А подставить участкового проще простого.

Борисов взглянул на Галдина и спросил:

— Как?

— Не догоняешь? Ну, скажем, будешь сидеть ты в опорном пункте и ждать вызова по связи от начальника райотдела, о чем тебя предупредят заранее. А тут девица в разорванном платье, в синяках, в крови. Дескать, меня изнасиловали. Ты начинаешь ее успокаивать, пытаешься помочь. А в пункт вваливаются подчиненные начальника райотдела. Ты докладываешь, что девушка изнасилованная прибежала. Она же бросается на тебя, рвет китель, рубашку, обдирает лицо и кричит, мол, сволочь, ты же меня и изнасиловал. Мне продолжать?

Борисов отвел глаза в сторону и сказал:

— Не надо.

— Может такое быть?

— Может.

— Еще с десятков вариантов я тебе могу прямо сейчас расписать. Сажать, конечно, тебя не станут, думаю, и до суда дело доводить тоже, чтобы не развалилось оно там. Предложат мирно решить вопрос. Потребуется девица бабок, ты заплатишь, она заберет свою заяву. Но из органов тебя уволят, это и к бабке не ходи. А потом еще и Сухобоков на тебе отыграется. Очень не любит этот крендель, когда кто-то дорожку ему пытается перейти. Да что там дорожку, просто косо посмотреть. Он же здесь хозяин! Так что, Миша, по закону у нас с тобой не получится.

— Ты предлагаешь действовать их же преступными методами? — спросил участковый.

— А вот это обсудим. Может, и не совсем преступными. Мы же не беспредельщики.

— Да, мы борцы за справедливость.

— Верно, Миша. А разве не для этого ты государством поставлен на должность участкового? Не ради того чтобы на твоей земле все было по закону и справедливости, а не по прихоти разного рода подонков?

— Вот только политинформацию читать мне не надо.

— Политинформацию?.. — повторил Галдин. — Погоди, лейтенант.

— Что?

— Подожди.

Пауза затянулась на несколько секунд.

После чего Вадим взглянул на Борисова и спросил:

— А знаешь, Миша, что нам надо сделать? Вернее тебе, дабы начать следствие?

— Что?

— Войти в круг доверенных лиц Сухобокова.

— Как это? Мне в поместье хода нет.

— Есть. Только зайти надо издалека.

— Ты можешь объясняться понятней?

— Гвоздь на селе живет?

— Да, через два дома, не считая магазина.

— Отлично. Он как службу несет, не знаешь?

— Днем постоянно в поместье. Приходит часов в восемь, уходит в шесть, а то и в семь. Если гости навещаются, то и до утра может остаться. Потом до обеда отдыхает.

— А ты неплохо осведомлен.

— Присматриваюсь.

— Это хорошо. Ты посмотри завтра за Гвоздем. Как тот направится домой, купи в магазине коньяку или водки, смотря что потребляет эта сволочь, и зайди к нему в гости.

— В гости?..

— Именно.

— Так он меня и пустил.

— А ты ему с ходу, извиняй, мол... как его по имени-отчеству?

— Николай Николаевич.

— Извиняй, мол, Николай Николаевич, разговор есть. Покажи ему пойло.

— Дальше что?

— А дальше, как сядете за стол, скажи, научи, мол, жизни, Николай Николаевич, а то что-то служба не идет. Вроде работаю как надо, а имею одни неприятности. Уверен, Гвоздю это польстит. А ты дави, дурак, дескать, был, зря против Сухобокова пошел из-за какого-то инвалида. Спроси, как исправить ситуацию.

Борисов прострелил Галдина острым взглядом.

— Ты что, старлей? Предлагаешь продать? А сам говорил...

Вадим прервал собеседника:

— То, что я говорил, все в силе. И пойдешь ты не продаваться.
— А за чем же? Иначе этот визит назвать невозможно.
— Ты же в десантуре служил?
— Да.
— Тогда знаешь, что такое отвлекающий маневр.
— Отвлекающий маневр?
— Именно. Нам не подобраться к поместью Сухобокова ни с тыла, ни с флангов, так?

— Сложно!
— Значит, надо что? Войти туда открыто, через парадный вход. Конечно, Гвоздь поначалу проверит тебя. Хотя, может, и не станет. Не такой уж он военный стратег, обычная поганка. Но Сухобокову о тебе расскажет. Мол, поумнел участковый, приходил, каялся, что не так вел себя. Хотел бы исправиться. Что толку оборванцев защищать, когда есть возможность послужить человеку достойному. Что-то в этом роде. Главное сыграть так, чтобы тебе поверили. Тогда ты получишь доступ в поместье. Пусть не в сам дом, но уж это будет успехом. Скореейшись с Гвоздем, как бы это ни было противно. Глядишь, в команду возьмут.

Борисов хмыкнул и заявил:

— А ведь ты прав. Таким вот образом можно попасть в их банду.
— А я о чем?
— Поверит ли мне Гвоздь?
— Сыграешь как надо, поверит.
— Ладно, согласен. Но ты должен знать, что я это сделаю лишь ради того, чтобы наказать бандитов.
— Я знаю. Значит, работаем?
— Связь держать будем?
— Конечно, по необходимости. Дай свой номер.

Участковый назвал цифры. Галдин ввел их в свой телефон, затем что-то там нажал. Теперь на экране высвечивалось лишь слово «Неизвестно».

— Как это ты сделал? — удивился лейтенант.
Галдин улыбнулся.
— У меня особый телефон.
— А на моем так можно сделать?
— Нет.
— Как сделать, чтобы бандиты случайно или специально не узнали, что мы с тобой общаемся?

— Просто. В памяти номер виден. Но если нажать на него, то сигнал не пройдет. Тебе каждый раз придется набирать цифры и после них ставить

звездочку. Только тогда я отвечу. Так что бандюки при всем желании на меня не выйдут, если завладеют твоим телефоном.

— А если они попытаются пробить через оператора, а там блокада?

— Запомни, это номер твоей давней приятельницы. Ты с ней еще в армии познакомился. Иногда перезванивались, но последнее время она почему-то не отвечает. Что с ее телефоном, ты не знаешь. Может, она замуж вышла? А номер не убираешь, так как надеешься, что все же позвонит. А если кто-то поинтересуется, на хрена он тебе, то скажи, что у нее папаша с крутым баблом. Это как раз в стиле бандюков. Этому поверят.

— Хорошо, все понял.

— Ну и отлично.

— На сегодня все?

— По делу да.

— Выпьем?

— Я же за рулем.

— Кто тебя сейчас поймает? Да и по рюмашке за знакомство.

— Ты мне скажи, у вас магазин во сколько закрывается?

— В восемь.

— Это значит, еще работает?

— А ты что-то хотел?

— Славик просил водки купить. Но с тобой.

— А чего со мной-то?

— Он говорил, что паленой водкой тут торгуют. Тебе же, представителю власти, не рискнут лабуду продать.

Борисов рассмеялся и заявил:

— Это точно. Вот один из немногих плюсов моей работы здесь.

— Так купим?

— Он в запое?

— Похоже. Но отойдет. Я займусь этим.

— Ладно, только нам с тобой в магазине светиться не следует. Я сам схожу.

Галдин передал ему деньги. Участковый сходил в магазин, купил две бутылки, выставил их на стол, на него же выложил сдачу.

— Гвоздь из своего двора выходил, — заявил он. — Мог и за огород выбраться, увидеть твою тачку. Ты ж ее оставил на задах.

— Ну и что? Мало ли кому Славик мог дать машину.

— Ты недооцениваешь Гвоздя.

— А ты не обращай внимания на всякую ерунду. Стояла «Нива» на задах, ну и что? Откуда ты знаешь, кто и к кому на ней приезжал?

- Ладно. Я проведу тебя через сад и огород.
- Покажи, как пройти, я сам дойду.
- Не засветись перед Гвоздем.
- Не волнуйся. У меня в машине собака служебная. Если кто-то чужой поблизости крутиться будет, она почует, даст сигнал. У нас это отработано.
- Тогда до связи, старлей.
- До связи, лейтенант.
- Ух, мне даже как-то легче стало.
- Настоящая работа подвалила, вот ты и повеселел.

Глава 3

Четверг, 13 октября, в деревне прошел спокойно. Мария Алексеевна принесла еду уже на двоих. Вадим занимался хозяйством. Он скошил бурьян в палисаднике и вокруг дома, сгреб его и сжег в старой бочке. Потом Галдин исправил до конца забор да покрасил его в живой зеленый цвет, и двор преобразился.

Дуневи́ч большую часть времени проводил на улице. Теперь было кому выкатить его из дома. Он пил, но уже меньше, настроение стало лучше, агрессии поубавилось.

Галдин успел исправить и телевизор. Поломка была мелкая, плато вышло из паза. Он вставил его обратно, и волшебный ящик заработал.

Галдин принял душ и завез Дуневи́ча в дом. Там друзья поужинали.

Потом Вячеслав спросил:

— Что дальше, Вадим? Ты не рассказал, как съездил к участковому.

— Да? — Старший лейтенант изобразил удивление. — Значит, дела закружили, вот и запамятовал. А съездил хорошо. Лейтенант Борисов свой человек. Пытался помочь Елене, да не дали ему. Начальник райотдела, наверное, тоже в корешах у Сухобокова.

— Это давно известно. Но он мелочь.

— Мелочь или нет, а не дал Борису́ву возбудить дело против Сухобокова. Хотя в этом больше твоя заслуга.

— Ты насчет заявы?

— Да.

Дуневи́ч отодвинул тарелку, подтянул пепельницу, прикурил сигарету.

— Толку от нее?

— По-моему, я это уже слышал.

— Ты зачем опять ту же песню заводишь? Я уже пытался добиться справедливости и писал бумаги. А что в результате?

Галдин пододвинулся поближе к другу и проговорил:

— Ты пойми, Славик, без заявления вообще ничего нельзя предпринять. Я имею в виду участкового и вообще правоохранительные органы. Конечно, мы обойдемся и без этой бумаги, но...

Дуневи́ч прервал Галдина:

— Ты сказал «мы». Это что, Борисов, получается, на нашей стороне?

— Да, но не удивляйся, если услышишь о нем много неприятного, в том числе и того, что вроде как опровергает мои утверждения.

— Понятней выражаться можешь?

Галдин кивнул и сказал:

— Могу. Ты можешь узнать, что Борисов попал в услужение к Сухобокову.

— Веселое дельце. И это значит, что он с нами?

— Он с нами. К Сухобокову, к его поместью без этого не подобраться.

— Ты хочешь проникнуть в поместье?

— Мне придется это сделать, Славик. Иначе Елену не освободить.

— Ты понимаешь, что задумал?

— Понимаю. Ты давай бросай бухать и напиши заявление. Это просьба Борисова, а он знает, что делает. Подробно опиши беспредел Сухобокова, упомяни обо всем, что он и его подельники сделали с твоей семьей.

— Грохнут нас, Вадим. Меня ладно, я и так не живу, а существую, но тебе-то на хрена погибать?

Галдин улыбнулся и ответил:

— Знал бы ты, Славик, сколько раз я мог погибнуть. Но, как видишь, до сих пор жив. А все те негодяи, которые противостояли нам и хотели нас уничтожить, горят в аду. Так что прорвемся, друг.

— Ты всегда был авантюристом. В училище, в нашей роте никто больше тебя не отправлялся в самоходы, хотя увольнения ты получал часто.

— Увольнения — скукота. А вот самоход, это уже игра.

— Ты игрок?

— В какой-то мере да. Но все. Ты давай-ка обмозгуй мое предложение. Надумаешь, пиши заяву. Ручка и бумага, я надеюсь, в этом доме есть.

— Есть. А ты?..

— А мне, Славик, надо в Переславль мотнуться.

— Зачем, если не секрет?

— Меньше знаешь, крепче спишь, Славик. Не забивай голову. Секретов у меня от тебя нет, но я и сам толком пока не знаю, что буду делать в Переславле. Скорее всего, вернусь утром. Тогда все тебе расскажу. Договорились?

— Дело твое, ты свободный человек... и здоровый.

— Не зацкливайся на травме. Говорил же, решим вопрос с Сухобоковым, освободим Лену и займемся твоим лечением.

— Без толку.

— У тебя все без толку. Но я понимаю. Тем радостней будет, если нашим эскулапам удастся поставить тебя на ноги. — Галдин встал, собрал со стола посуду, вынес в сени, там помыл, вернулся, расставил по полкам.

Потом он открыл окно, вытряхнул скатерть, постелил ее обратно, включил телевизор, положил перед другом пульт и заявил:

— Смотри свой ящик. С твоей антенной можно найти не более десяти каналов, но больше и не надо.

— Как тебе удалось его исправить?

— Ловкость рук, Славик. Завтра посмотрю холодильник.

— Мастеровитый ты парень.

— Заодно и авантюрист? — с усмешкой спросил Галдин.

— Такое часто бывает, — проговорил Дуневич и включил какой-то канал, на котором как раз начинался новый сериал.

Галдин переоделся, пистолет брать с собой не стал, решил, что пока ни к чему, взял пачку стодолларовых купюр и пятьдесят тысяч в рублях. Тратить все эти деньги он, естественно, не собирался. Они были нужны для других целей.

Вадим посмотрел на себя в зеркало. Джинсы, джемпер, кожаная куртка, модные туфли, на безымянном пальце левой руки золотая печатка с дорогим камнем, цепочка на шее. Вполне приличный вид. Документы он сложил в борсетку, деньги рассовал по карманам.

— Ладно. — Галдин повернулся к Дуневичу. — Поехал я.

— Погоди, — проговорил Славик. — Все у тебя хорошо, но одного не хватает.

— Чего?

— Дорогого парфюма.

— Чего нет, того нет.

— Мне лет пять назад французские мужские духи подарили. Елена с подругами. А зачем? В тумбочке, в моей комнате они, возьми, пользуйся.

Галдин поднял палец.

— Очень хорошая мысль. Спасибо, Славик.

Он брызнул на себя дорогим французским парфюмом, пожелал другу спокойной ночи, приказал Султану охранять дом и вышел во двор. Галдин вывел оттуда свою машину и двинулся в объезд деревни и поместья.

В 20.15 он въехал в Переславль и включил навигатор, встроенный в панель. Возможности этого прибора были значительно расширены спецами, служившими в МЧС.

— Так, — проговорил Галдин. — Отель «Алые зори». Забиваем. Ждем. Ага, вот ты где.

Отель оказался в центре города. Иначе и быть не могло. Навигатор уже проложил маршрут до улицы Ленина. Галдин несколько не сомневался в том, что этот аппарат, в отличие от многих, продающихся на рынках,

выведет его к цели по самой удобной и короткой дороге. Он даже подскажет, где оставить машину, определит наличие в конечном пункте усиленной системы контроля.

Переславль — город, конечно, не самый малый, население тысяч семьсот, но не Москва. Загруженность дорог здесь далеко не та, как в столице, может быть, из-за их мерзкого качества. Так что к въезду в обширный двор, точнее сказать, к закрытой арке, стоявшей на улице Ленина, Вадим доехал за двадцать минут. Прибор привел его к месту, где не было знаков, запрещающих остановку и стоянку. Он показывал, что внутри двора расположено множество камер видеонаблюдения.

«Теперь я обычный гуляка, имеющий бабки и желающий потратить их на собственное удовольствие, — подумал Вадим. — У таких персон нет ни ума, ни воображения. Как говорится, работает не голова, а головка. Значит, надо вести себя соответствующим образом.

Я, конечно же, из столицы. У меня жутко привередливая жена, естественно, старше по годам, зато с собственным делом, квартирой в Староконюшенном переулке и домом в Подмосковье. Вот мне и приходится якобы мотаться по командировкам, чтобы хоть иногда расслабиться. Именно здесь я и собираюсь заняться этим вот благородным спортом».

Галдин закрыл машину, прикурил сигарету и расслабленной походкой двинулся к арке. Ворота под ней были заперты, открыта калитка. Около нее стоял молодой охранник, с виду крепкий, накачанный. В глубине двора виднелась стоянка, на которой отдыхали дорогие авто. Немного, штук десять.

— Добрый вечер, — поприветствовал Галдин охранника.

— Привет, — ответил тот.

— Насколько понимаю, здесь и находится отель «Алые зори»?

— Правильно понимаешь.

— Вы очень любезны, уважаемый.

— На всех у меня любезности не хватает. Чего надо?

Этот хлыщ, весьма похожий на альфонса, ему явно не понравился.

— Как это чего? Здесь отель. Я приехал из Москвы, мне надо поужинать, отдохнуть хорошенько. Так что, по-моему, все понятно.

— Где тачка твоя?

— Я приехал на такси.

— Из Москвы?

— Да.

— Сожительница денег подкинула?

Галдин рассмеялся. Точно, охранник принял его за альфонса.

- Какой же ты догадливый. Так я пройду?
- Проходи, здесь не закрытый клуб.
- Спасибо.
- Не за что.

Галдин пошел к наружному входу. По пути он слышал, как охранник что-то говорил в микрофон портативной рации. Не исключено, что его это нисколько не касалось. Или же охрана должна была предупреждать администратора заведения о появлении новых клиентов.

Холл отеля встретил Галдина роскошью. На полу мраморная плитка, на стенах дорогие гобелены. Кругом кожаные кресла, диваны. Слева двустворчатая дверь, из-за которой доносилась музыка. Там располагался ресторан. Напротив туалетные комнаты и помещение для курения. Перед коридором у стойки приема гостей стальные лифты. Молодой паренек, в ожидании команды в углу у большой пальмы.

— Добрый вечер, — с улыбкой проговорила девушка в форменной одежде, сидевшая за массивной стойкой. — Желаете снять номер?

«Ксения Гутова», — прочитал Галдин на ее визитке.

— Добрый, Ксюша. Извините за фамильярность.

— Ничего.

— Да, я хотел бы снять номер, двухкомнатный люкс, этаже на втором-третьем, с видом во двор, чтобы шум машин не мешал.

— У нас окна хорошие, ничего не слышно.

— Все же если есть такой номер...

— Есть. Двухкомнатный люкс, второй этаж, номер двести семнадцать. У вас нет вещей?

— Нет. Все мое при мне, — сказал Галдин и улыбнулся.

— На какое время желаете снять номер?

— На сутки. К сожалению, завтра я уже должен буду покинуть ваш прекрасный город. Дела, понимаете ли.

— Понимаю. Двенадцать тысяч рублей.

«Неплохо, — подумал Вадим. — Для провинциального города цена более чем крутая».

— Хорошо, — сказал он.

— Пожалуйста, документы.

— Паспорта будет достаточно?

— Большого и не требуется.

Галдин положил на стойку паспорт.

Девушка быстро заполнила журнал и проговорила:

- Двенадцать тысяч рублей.
- Платить вам?
- Если у вас карточка, то через терминал.
- У меня наличные.
- Тогда мне. Я выдам квитанцию.
- Прекрасно. — Галдин отдал деньги.

Девушка тут же положила на стойку его паспорт, квитанцию и ключи от номера.

- Приятного времяпровождения.

Она так и сказала, не «отдыха», а «времяпровождения». Галдину нетрудно было догадаться, что девушка имела в виду. За время оформления из ресторана в туалет прошли несколько молодых красоток, вид которых не оставлял никаких сомнений в роде их занятий.

«Что ж, это даже очень хорошо», — подумал Вадим.

- Спасибо. А ресторан до которого часа работает?

— До двадцати трех. Если вы пожелаете выпить и закусить в номере, то оформите заказ у официанта, и его доставят к вам в любое время.

- Даже так? Сервис, я смотрю, у вас отменный.

Девушка кивнула на парнишку.

- Молодой человек проводит вас до номера.

— Зачем? Я и сам дойду и сразу же спущусь в ресторан. Надеюсь, у вас там мухи от скуки недохнут?

- Нет. У нас очень весело.

— Просто прекрасно. — Галдин забрал со стойки документы, квитанцию, ключи.

Он не стал пользоваться лифтом, где наверняка были поставлены видеокамеры, а поднялся по лестнице.

Его номер находился в левом крыле, предпоследний справа. Всего их тут было восемь.

Вадим открыл дверь и бегло осмотрел замки.

«Один самый обычный. Такие открываются отмычкой, сделанной из гвоздя. Другой — электронный. Он почему-то не работает. Не включен? Надо выяснить. Хотя какая разница, обычный замок или электронный? Ключи от всех номеров имеются у сотрудников отеля. Так что дверь они откроют, если захотят», — рассудил старший лейтенант.

Номер ему понравился. Справа гардероб, слева ванная комната с душевой кабиной. Джакузи здесь не было. Наверное, господин Сухобоков решил не тратиться на них. Отдельный туалет с биде.

В гостиной на окнах висели толстые портьеры. Диван в центре, по углам кресла. На стенах дорогие обои, напротив дивана новый телевизор, рядом музыкальный центр, столик. В углу двухкамерный холодильник, который неплохо вписывался в интерьер. Круглый ковер на паркетном полу.

Слева спальня. Там широкая кровать. Балкон и окна выходили на парк, как Галдин и просил. Здесь тоже плазма на стене, шкаф-купе с зеркальными дверцами, две тумбочки, еще пара кресел, столик-каталка. Коврики. Кроме люстры ночники, как и в гостиной.

Покрывало на кровати нежно-голубого цвета. Галдин не любил его, но смирился с такой мелочью.

Он отодвинул покрывало. Простыни безупречные, чистые, одеяло теплое, подушки удобные, большие. Цвет белья темно-синий.

«Лучше бы покрывало было такое», — подумал Галдин.

Он осматривал номер, цепким взглядом пытался засечь видеокамеры. Если они здесь и имелись, то установлены были скрытно, без сканера, о котором Вадим вспомнил только сейчас, не найдешь. Как и жучки. Времена, когда к обратной стороне крышки стола прикреплялся прибор размером с игровую шашку да еще и с проводом-антенной, давно прошли.

Теперь в ходу другая аппаратура. Лежит где-нибудь на ковре волосок, и контролер снимает с него нужную информацию. Прогресс шагнул далеко вперед.

«Да, надо было посмотреть в машине сканер. Но я сегодня не собираюсь вести здесь какие-то разговоры, которые могли бы привлечь внимание банды Сухобокова. На эту ночь у меня иные планы», — рассудил Галдин.

Он вымыл руки, вышел из номера и спустился на первый этаж.

Ксения улыбнулась ему, но как-то холодно, на служебный манер.

Вадим зашел в ресторан. Он был заполнен наполовину, так что свободных столиков оставалось вполне достаточно, штук десять. Негромко звучала музыка. В центре зала танцевали пары.

Дальше, как и обычно, стойка, за ней бармен. Перед ним официанты, все как один молодые парни.

Девицы, которые выскакивали в туалет, обосновались за двумя отдельными столиками слева от стойки. Они сидели, попивали минеральную воду и рассматривали Вадима, нового посетителя, потенциального клиента.

Галдин опустил на мягкий стул у ближайшего свободного столика, рассчитанного на четырех человек.

К нему тут же подошел официант.

— Здравствуйте, вот, пожалуйста, меню.

Галдин посмотрел на его визитку.

— Добрый вечер, Артем. Ничего, что так обращаюсь?

— Ничего.

— Ты мне, Артем, для начала бокал хорошего красного вина принеси.

— У нас много марок.

— На твое усмотрение. А я тем временем посмотрю меню.

— Хорошо.

Вскоре официант принес вино, действительно очень хорошее, ароматное и, разумеется, дорогое. Вадим сделал заказ. Легкий ужин. После шести часов вечера есть вообще вредно, тем более что ночь он собирался провести не один.

Галдин получил заказ и принялся за ужин, одновременно разглядывая девиц. Он сразу подметил одну, болтавшую больше всех. Впрочем, и самую привлекательную.

Официант пришел забрать посуду.

— Что-то еще, или это все?

— Еще вина. У меня к тебе будет несколько вопросов, если не возражаешь.

— Смотря каких.

— Самых обычных для подобных ситуаций.

Официант кивнул, забрал поднос, удалился и вскоре вернулся с бокалом красного испанского вина.

— Что за вопросы? — осведомился он.

— Скажу прямо, мне на ночь нужна женщина. Это можно организовать?

— Вы сняли номер в отеле?

— Да. Люкс.

— Понятно. У стойки слева сидят девушки. Как выберете одну из них, позовите меня. Остальное — мое дело.

— Превосходно. Я уже сделал выбор. Миниатюрная блондинка за вторым столиком, ближе к проходу.

— Это дорогая девушка.

— Не дороже денег.

— Это верно.

— Организуй мне ночь с ней.

— Без проблем. — Официант вроде все понял, но не уходил.

До Галдина дошло.

Он достал пару тысяч, положил в меню вместе с расчетом.

— Минуту, — сказал официант и отошел.

Ровно через минуту к Галдину подседа та самая болтливая девушка.

— Привет. Я Инга.

— А я Вадим. Заказать тебе вина?

— Здесь нет. Если только в номер. Ты ведь собираешься быть со мной до утра, не так ли?

— До утра, это до сколько?

— До девяти.

— Хорошо. — Он подал знак официанту и проговорил, когда тот подошел: — Мой номер двести семнадцать. Я хотел бы, чтобы туда через двадцать минут доставили пару бутылок того самого вина, которое ты подавал, и что-нибудь из фруктов.

— Через двадцать минут? Хорошо. С вас пятнадцать тысяч рублей.

«Дорого, черт побери», — подумал Галдин, но отступить уже не мог, выложил деньги и повторил:

— Через двадцать минут.

— Да, — сказал Артем и ушел.

— Ну а сколько ты берешь за ночь, красавица? — спросил Вадим.

— Двадцать тысяч.

— У тебя хороший аппетит. Но соответствуют ли твои способности той плате, которую ты запросила?

— Соответствуют. Ты убедишься в этом в первые же минуты.

— Какие услуги оказываешь?

— Любые.

— Так уж и любые?

— Ты что, первый раз снимаешь девушку в элитном кабаке?

— Здесь в первый раз. Ладно, договорились.

— Половину придется заплатить вперед. Не беспокойся, если будешь недоволен и откажешься от меня, то тебе все вернут. Но такого еще никогда не было.

— Пойдем.

Они поднялись в номер Галдина. У девушки в руках оказался пакет. А Вадим сперва его и не заметил. Инга сразу же скрылась в ванной.

Парнишка из холла принес две бутылки вина, корзинку с яблоками, грушами, киви и даже черешней. Бокалы стояли на столике в гостиной.

Инга вышла из ванной. Галдин увидел точеную фигуру в черных чулках и таких же туфельках. Все это привлекающее и доступное великолепие облачено в прозрачный короткий пеньюар.

Она встала в эффектную позу и спросила:

— Ну и как я тебе?

— Хороша! Вот только не люблю я, когда женщина в чулках. Хочу чувствовать тело.

— Никаких проблем, все сниму. Но ты оригинал. Почти все мужчины, наоборот, просят, чтобы на партнерше было кружевное нижнее белье.

— Я не из их числа. Присаживайся.

Он открыл бутылку, плеснул Инге вина в бокал.

— Наслаждайся, пока я тоже приму душ. И разбери постель в спальне.

— Как скажешь, милый! Но десять тысяч вперед!

Вадим отсчитал купюры, бросил на столик.

Потом он стоял под струями контрастного душа и чувствовал, как желание переполняет его. Но кроме близости ему надо было узнать кое-что у этой девицы. Сейчас Вадим думал, когда это сделать. Перед тем как завалиться в постель или после, в перерыве. Галдин решил, что лучше потом, когда девушка будет расслаблена.

Он вышел из ванной совершенно голым.

Девушка увидела его мускулистое тело и воскликнула:

— Ого! Какие мы!

— Что, не подходит?

— Напротив, милый, именно то, что надо. Такое редко случается. Ты идеально подходишь мне.

— Посмотрим, как подходишь ты!

— Не беспокойся. Теперь ты можешь на все сто быть уверенным в том, что не напрасно потратил кучу денег.

Вскоре Галдин убедился в том, что барышня говорила чистую правду. Их забавы продолжались минут сорок.

Потом Вадим развалился на кровати и пытался отдышаться.

— Ну и как тебе я? — осведомилась девица.

— Великолепно. У меня было много женщин, но таких, как ты, — ни одной. — Если Галдин и приврал, то самую малость.

— Я рада. Выпьем?

— Принести вина?

— Это могу сделать я.

— А пойдём-ка лучше к столику, разомнемся немного. — Там Галдин налил вина и сказал: — Пойло, конечно, хорошо, но сейчас было бы неплохо выкурить косячок.

— Ты наркоман?

— Нет. Употребляю лишь иногда, например в таких вот ситуациях. От

анаши оргазм сильнее становится.

— Да? Надо попробовать.

— А здесь наркоту достать можно?

— В принципе, можно, но не сейчас. Дурь продает Руслан, помощник управляющего отелем. Он после восьми уезжает домой вместе с Артуром, его начальником. У них своя жизнь.

— Геи, что ли?

— Да. Они пытаются скрыть это, но удастся плохо.

— Значит, наркотой в отеле разжиться можно?

— Можно. Руслан в основном продает кокаин. Он дороже, да и клиенты предпочитают его. Впрочем, и с другой наркотой проблем нет.

— И не боится продавать в отеле? А если наркоконтроль налетит? За дурь срок немалый.

Девушка усмехнулась и спросила:

— Ты знаешь, кому принадлежит этот отель?

— Откуда?

— Господину Сухобокову Леониду Борисовичу. Это далеко не последний человек в нашем городе. У него все под контролем. Везде связи.

— Молодой?

— Кто?

— Этот Сухобоков.

— Нет. По-моему, ему пятьдесят три года. Баб очень любит. Мы, я имею в виду всех наших девочек, по очереди спим с ним. Но любовник из него никакой. Хватает на полчаса.

— Бесплатно босса обслуживаете?

Барышня посмотрела на Галдина как на марсианина.

— Кто ж с него потребует плату? Он здесь хозяин всего и всех.

— А как человек?

— Если честно, дерьмо полное. Но мне-то до этого какое дело? Дает заработать, вот и славно. Больше мне от него ничего не надо. А раз в месяц переспать с ним, так это сущая мелочь.

— И много зарабатываешь?

— А тебе какое дело?

— Да просто так спросил.

— Мне хватает.

— Живешь одна?

— С предками. Они у меня работяги, всю жизнь то на одну страну пахали, то на другую. В итоге пенсия такая, что я за ночь больше имею!

— Ладно, пей.

Они выпили, посидели, приняли душ и продолжили свои игры.

Галдин проснулся в 7.30, аккуратно убрал с груди руку девицы, которая еще спала, тихо урча. Он прошел в ванную комнату и принял контрастный душ.

Когда Вадим вернулся, девушка сидела на постели.

— Доброе утро, милый! Как насчет утреннего секса? Многие мужчины это любят, — проговорила она.

— Сюда заказать завтрак можно?

— Конечно. В прихожей подвешен телефон. Набери ноль тридцать три, ответит бармен. Сделаешь заказ, и через десять минут завтрак будет в номере.

— Сервис, однако.

— Это лучший отель в городе.

— И самый дорогой.

— За все надо платить.

— Кстати об оплате. Я ведь должен тебе еще десять тысяч.

— Да.

Галдин достал из кармана куртки деньги.

— Забери, заслужила.

— Мы еще встретимся?

— Обязательно. Только знаешь, здесь хоть и уютно, но как-то казенно, не находишь?

— А и не надо здесь. У меня съемная квартира в Железнодорожном районе. Можно встречаться там, предварительно созвонившись.

Галдин указал на ванную комнату и заявил:

— Давай в душ. Потом все обговорим. Я пока закажу завтрак. Что ты будешь?

— Яичницу с беконом и кофе.

— Кофе с чем?

— Просто крепкий черный кофе.

— Ну и я то же самое. Давай в душ.

Инга прошлепала босыми ногами в ванную. Оттуда донесся шум воды.

Галдин нашел настенный телефон, сделал заказ.

Девушка как раз оделась, когда в номер постучали. Вадим открыл дверь.

В коридоре стоял парень с каталкой.

— Ваш завтрак.

— Давай в гостиную.

Парень прокатил тележку, выгрузил с нее тарелки с яичницей, чашки с

кофе, вилки, ножи, ложки, завернутые в салфетки.

— Приятного аппетита.

Галдин сунул ему пятьсот рублей.

— Спасибо! — На физиономии посыльного нарисовалось недовольство.

Видно было, что он привык к более щедрым чаевым. Но ничего, и этого выше крыши.

Парень ушел.

Инга забрала со столика деньги, и голубки приступили к завтраку.

— Ты говорила, у тебя хата в Железнодорожном районе?

— Да, — прожевав кусок бекона, ответила девушка. — Запиши адрес.

— Запомню.

— Улица Беляева, дом четыре, квартира два. Четырехэтажная сталинка, первый этаж, двухкомнатная квартира.

— Насчет этажа я по номеру квартиры понял. А чего на первом сняла?

— Дешевле.

— Ты же много зарабатываешь. Могла бы позволить себе и апартаменты.

— В апартаменты меня клиенты возят. А живу я с предками. Эта хата для встреч. Ну ты понял.

— Понял.

— Запомни, дом в глубине улицы, перед ним сквер. Если остановиться на машине на улице, то можно и не заметить. Так вот, чтобы не катался зря, дом этот прямо напротив воинской части.

— Что за часть?

— А я знаю? Но большая, здания там трехэтажные, целый военный городок.

— Найду.

— Номер телефона тоже запомнишь?

— Да.

— А почему не хочешь забить в свой мобильник? Вдруг забудешь?

— Не забуду. А если и так, то знаю, где найти тебя.

— Мы сможем встречаться только тогда, когда я свободна.

— Часто такое бывает, свободной?

— Бывает, ночь выдается без работы, а иногда сутками пашу. Но с утра, это где-то до десяти, звони, будет шанс. Адрес знаешь.

— Хорошо.

— Но ты реально приедешь?

— Конечно. Мне понравилось.

— Я даже не знаю, когда ты бываешь у нас в городе.

— Теперь буду гораздо чаще.

— Скажи, а ты женат?

— Женат, — солгал Галдин и спросил: — А что?

— Нет, ничего. Жена в постели не такая, как я?

— А вот это, дорогая, не обсуждается.

Барышня усмехнулась и заявила:

— Конечно, не такая. Иначе ты не искал бы секс на стороне.

— Все! — Галдин отодвинул тарелку, допил кофе, взглянул на часы. —

Отдохнули, пора и за дело приниматься.

— А чем ты тут занимаешься?

— Да это я так, к слову. Постель заправила?

— А горничная для чего?

— Ну да. Выходим вместе?

— Это как захочешь. Если не брезгуешь.

— Перестань, пошли.

Они спустились в холл. Инга мигом исчезла то ли в туалете, то ли в ресторане. За стойкой сидела уже другая девушка. Вадим заплатил за завтрак, сдал ключи, обещал еще навеститься.

— Будем только рады, — получил он в ответ дежурную фразу.

Вадим вышел в пустой двор. Ворота открыты. Возле них нет никакой охраны. Да и зачем она здесь сейчас? Двор усердно мели двое то ли таджиков, то ли узбеков.

Галдин с вечера не курил, подпалил сигаретку, жадно затянулся, не спеша двинулся на выход, но свернул не к машине, а в другую сторону. Он перешел дорогу, вернулся назад по противоположной стороне, сел в авто, откинулся на спинку сиденья.

«И что я со всего этого поимел, не считая профессионального секса? — подумал Вадим. — Выяснил, что в отеле бордель. Надо же! А в каком подобном заведении их нет?

Еще я знаю, что какой-то Руслан, человек Артура, приторговывает наркотой. В основном кокаином. Это уже серьезнее. Его не так-то просто достать даже в столице. Значит, имеется канал поставки наркоты.

Что еще? Сюда нередко наведывается Сухобоков, наверняка с товарищами и охраной. Пьянка, сауна, бассейн, массаж. Все, что пожелает всемогущий босс.

Где это все может происходить? Только в правом крыле первого этажа, за железной дверью с домофоном. Окна плотно прикрыты. Там наверняка отдельные кабинеты, бар, сауна. Бассейн может быть в подвале. Важно, что

Сухобоков довольно часто заезжает сюда и остается на ночь.

Пригодится мне это? Пока неизвестно, но никакая информация, как и страховка, лишней не бывает.

Галдин набрал номер Дуневича.

— Привет, Славик.

— Привет. Живой?

— А что мне будет? Ты-то как?

— Ничего. С полчаса назад, с утра пораньше наведывался Гвоздь.

Галдин насторожился.

— Зачем?

— Интересовался, кто это ко мне в гости приехал.

— Донесли уже, значит?

— У нас здесь так. Человека со стороны не утаишь. Он тут как шило в мешке.

— И что ты ему сказал?

— Однокурсник по училищу. Это ведь чистая правда. Спрашивал, где ты сейчас. Я ответил, что поехал в город, продуктов купить, пошла.

— Он знает, на чем я приехал?

— Да. Тачку твою, видимо, у поместья срисовали.

— Где я обретаюсь, чем занимаюсь, спрашивал?

— Как ни странно, нет. Я сказал, что ты холост. Обитаешь где-то в Москве, точно, мол, не знаю. Не нужно мне это. Недельку-другую попьем водки, да и свалишь ты. Гвоздь походил по двору и уехал в сторону поместья.

— Один был?

— С водилой, я из окна видел. Тот все время в тачке сидел.

— Что за тачка?

— Ты мне целый допрос устроил. Может, дома поговорим?

— Ответь, пожалуйста.

— Тачка крутая, японская, хоть и подержанная, но дорогая. «Сузуки».

— Нашел крутую.

— Ну, по сравнению с нашими крутая. На лимон потянет.

— Это смотря какая комплектация. Так, значит, ты сказал, что я поехал за продуктами и пойлом?

— А что я еще мог сказать?

— Ладно. Придется заезжать в магазин. Инспектора ДПС в селе обязательно теперь меня остановят и все проверят. Кружной дорогой ехать смысла нет. Кстати, Гвоздь не спросил, как я мимо поместья незамеченным проехал?

— Нет. Этого не спрашивал.

— Значит, сам понял.

— Да, наверное, так.

— Скоро буду. Не скучай и особо на пойло не рассчитывай. Бросать будем.

— Посмотрим. — Дуневич отключился.

Галдин осмотрел салон. Ничего лишнего и необычного. Даже чудесный навигатор выглядит как дешевка. Документы в порядке. Вперед, к гипермаркету, расположенному на выезде из города.

В 9.40 Вадим заехал во двор друга.

Из дома тут же выскочил Султан и, отчаянно размахивая хвостом, встал напротив дверки. Старший лейтенант вышел из машины. Пес тут же оказался у него на груди, старался лизнуть лицо.

— Султан, что еще за телячьи нежности? Ты же мой боевой товарищ!

Тот все понял, опустился на землю и как-то просительно посмотрел на Галдина. Тот достал печенье, купленное вместе с остальными продуктами, и угостил собаку. Пес проглотил лакомство на лету, не глядя.

Вадим хотел дать еще, но тут от деревни донесся шум двигателя приближающегося автомобиля. Галдин посмотрел в ту сторону и увидел «Форд» ДПС.

«А вот и наши менты, — подумал он. — Они пропустили мою машину на селе. Видимо, не встали еще на пост или отъезжали куда-то, вот и решили в деревне проверить. Как же, приказ Сухобокова. Наверняка через Гвоздя».

Пес напрягся, хвост у него замер, морда опустилась. Султан был готов защищать хозяина.

Автомобиль дорожно-патрульной службы встал впритык к «Рено». Из него вышли двое, лейтенант и водитель-сержант с автоматом в руке. Галдин сразу определил, что оружие стоит на предохранителе, следовательно, к немедленному бою не готово.

Полицейские подошли к Вадиму.

— Инспектор ДПС лейтенант Конин, — представился старший. — Ваши документы, пожалуйста.

Сержант стоял в стороне и с опаской посматривал на пса, который переводил взгляд с него на лейтенанта, ожидал, откуда первой проявится опасность. Султан решил показать, что никому не даст обидеть хозяина, и зарычал.

Инспектор отшатнулся.

— Не бойтесь его, — сказал Галдин, поглаживая пса. — Он у меня

хороший, добрый. До тех пор, пока вокруг все спокойно.

— Я попросил документы.

— Не глухой, лейтенант, слышал, но откуда мне знать, что вы настоящие полицейские? Раз представился, изволь свои документы сначала показать, а то что-то жетонов я на ваших мундирах не вижу.

Инспектор достал удостоверение, открыл его, сунул в лицо Галдину.

Пес зарычал сильнее.

— Фу, Султан, сиди смирно! Это не враг.

Пес перестал рычать, но продолжал внимательно наблюдать за полицейскими. Мало ли что!..

— Этого достаточно? — спросил лейтенант.

— Значит, инспектор Конин Александр Владимирович.

— Да, мой напарник сержант Барько Федор Иванович. Теперь ваши документы.

— Конечно. Мы люди законопослушные. Вот только непонятно, почему вы решили проверить меня, когда я нахожусь вне машины?

— Это наше дело.

— Да? Ладно. — Галдин достал из борсетки паспорт, водительское удостоверение, полис ОСАГО. — Пожалуйста.

Лейтенант посмотрел документы. Он явно запоминал фамилию, имя, отчество и адрес регистрации. Это в паспорте.

На права и страховой полис этот тип взглянул мимоходом и спросил:

— Чем занимаетесь, господин Галдин?

Врать было бессмысленно, все равно по базе данных министерства пробьют. Тем более через связи Сухобокова.

— Служу в отряде гуманитарного разминирования МЧС.

— Да? — удивился инспектор. — Тогда у вас должно быть удостоверение личности офицера.

— Конечно, но вы просили документы, я дал вам паспорт. Удостоверение показывать не обязан.

— Все же я хотел бы взглянуть на него.

— Ну, если только взглянуть! — Галдин достал удостоверение, но в руки полицейскому не дал и даже не раскрыл. — Вот оно. А что внутри, вас совершенно не касается.

Сержант сдвинул фуражку, почесал затылок.

Пес напрягся.

— Собака тоже служебная, что ли? — спросил Барько.

— Нет. — На этот раз Галдин мог лгать. — Личная. Служебных держат отдельно, в специальных вольерах. У них строгий распорядок,

определенный рацион. С ними постоянно проводят занятия. Султана я взял из кинологического центра. Он больным был, но выздоровел. Конечно, до настоящей служебной собаки ему далеко, но кое-чему в плане защиты, я его обучил.

— Заметно. — Сержант посмотрел на лейтенанта, и тот после некоторого замешательства сказал:

— Я должен осмотреть машину.

— На каком основании?

— В районе стала появляться наркота. Понятно, что ее кто-то завозит.

— Да кому тут наркоманить-то, лейтенант? Еще пара лет, и от деревни останутся одни воспоминания. Еще шикарное поместье на берегу озера.

— Все же я должен осмотреть ваш автомобиль.

— Я не против, лейтенант, но ведь закон един для всех, так?

— Да, так. И что?

— А то, что для досмотра автомобиля или физического лица вам необходимо постановление суда либо приказ начальника УВД, если, к примеру, в регионе введен план «Перехват». У вас есть что-то такое?

Лейтенант поморщился и ответил:

— Нет.

— Тогда и говорить не о чем. Еще вопросы ко мне есть? А то надо друга покормить, вывезти его на коляске на улицу.

— Один вопрос, господин Галдин.

— Да?

— Надолго вы здесь?

— Это у участкового узнаете. Я сегодня же поеду к нему и отмечусь. Еще вопросы?

— До свидания. — Лейтенант резко развернулся и пошел к машине.

Сержант пожал плечами и двинулся за ним.

Вскоре полицейский автомобиль скрылся из виду. Он пошел к селу через поместье Сухобокова.

Все это в окно видел Дуневич.

Он распахнул створки и спросил:

— Чего они, Вадим?

— Должны были посмотреть, кто наведася к тебе. Подробнее в доме расскажу. — Галдин достал из машины пакеты с продуктами.

Все они не уместились в его руках.

Он протянул один из них Султану и приказал:

— Апорт!

Пес аккуратно взял в зубы пакет.

— Неси в дом.

Султан пошел рядом с Галдиным.

Увидев друга с поклажей, Дуневич воскликнул:

— На хрена ты столько денег потратил?

— Нормально. Сейчас переоденусь и займусь холодильником, а то пропадут продукты. — Он повернулся к псу, стоявшему с пакетом в зубах. — Дай, Султан.

Пес опустил пакет на пол. Галдин поднял его, переложил на стол.

— Может, сначала расскажешь, что делал в городе и почему к тебе привязались менты Сухобокова? — проговорил Слава.

— Расскажу, но дай хоть переодеться. Кстати, после холодильника у меня запланирован отдых.

Дуневич улыбнулся и спросил:

— Что, ночь бессонной была?

— Все узнаешь.

Вадим переоделся и взялся за холодильник. Оказалось, что фреон весь вытек.

— У тебя случайно фреона нет? — поинтересовался Галдин.

— Чего?

— Жидкость, которая охлаждает камеру.

— Слушай, может, и есть. Отец бережливым был. Ничего не выбрасывал, все складывал в сарае. Этот холодильник раза два ремонтировали и точно какую-то жидкость заливали. Да, надо в сарае смотреть.

Как ни странно, фреон нашелся. Галдин принес в дом емкость, заправил холодильник, включил его, и тот тихо зашуршал.

— Ты смотри! — недоумевал Дуневич. — Работает! Ну ты даешь, Вадим.

— Скажи своему отцу спасибо. А то была бы целая проблема. Пусть поработает. Внутри он чистый, охладится, потом продукты разложим.

— А водку ты привез?

Галдин посмотрел на друга.

— Тянет?

— Есть такое дело. Но я помню, только для тонуса.

— Для тонуса купил. Но не более того.

— Конечно.

Вадим налил Дуневичу сто граммов и заявил:

— До вечера это все!

— Угу.

— Погоди, бутерброд сделаю.
Но Дуневич уже выпил.
Галдин покачал головой, присел на стул, закурил.
— Что, спрашиваешь, делал в городе? Отдыхал.
— А ты говорил...
— Если серьезно, хотел посмотреть, что за заведением владеет там господин Сухобоков. Приличный отель с полным спектром всяческих услуг. Там тебе и наркота, и девки. Все как положено.
— Что это дает?
— Познакомился с одной девушкой.
— Шлюхой?
— Можно и так сказать. Ей понравилось со мной. Договорились встречаться у нее на съемной хате.
— Конечно, тебе это в кайф.
— Не в этом дело, Славик. Девушка эта, Инга, много чего знает о том, что происходит в отеле. Там нередко отдыхает Сухобоков с компанией высокопоставленных друзей. Это может помочь.
Дуневич усмехнулся и заявил:
— В общем, совместил приятное с полезным.
— Уверен, эта девушка пригодится нам.
— Нашел тоже девушку!
— Ладно, о городе все. Теперь по ментам. Галдин передал другу суть разговора с сотрудниками ДПС.
— Вот ведь суки! — заявил Дуневич. — Они и не скрывают, что пахут на Сухобокова. Как их начальство на это смотрит?
— Спокойно, Славик. Начальник райотдела и выделил Сухобокову этих ментов. Наверное, бабки неплохие получил. Теперь мне придется к участковому ехать, вставать на учет. Инспектора ДПС или Гвоздь проверят.
— Не представляю, как ты рассчитываешь свалить самого Сухобокова. Или планируешь только Елену вытащить? Но тогда придется тебе забирать ее с собой.
— Чтобы бандиты на тебе отыгрались? А насчет Елены я не против. Она мне нравится.
— Даже после того, что с ней сделали?
— Вот именно, что сделали. Она же не добровольно обслуживает Сухобокова и его друзей-шакалов. Посмотрим, как и по каким целям работать. Сейчас очевидно одно. В первую очередь надо вытащить Елену и отправить вас в Москву. Там есть где спрятаться. Ни Сухобоков, ни его крыша не найдут. Ну, а дальше время покажет. Вот только мало его у нас.

Ладно, не буду тебя нагружать. Водки больше ни-ни до вечера. Не пытайся выпить, а потом разбавлять водой. Я узнаю и введу табу на спиртное.

— Сказал же, что не буду.

— Вот и отлично. Я на село. Ты до меня побудь дома. Я могу, конечно, вывезти тебя на улицу, но вдруг сильный ветер, ливень? Небо затянуло тучами.

— Побуду дома, — сказал Дуневич.

— Правильно, и продукты в холодильник пока не клади. Если хочешь, возьми что-то готовое.

— Да Мария Алексеевна должна прийти.

— Ей бы отдохнуть, пока я здесь.

— Передам, но она не согласится.

— Что ж, я в Санино.

— Удачи.

Вадим на всякий случай забрел за сарай. Мало ли что могли уронить или поставить менты, присланные Сухобоковым. Он набрал номер участкового.

Тот ответил сразу:

— Лейтенант Борисов, слушаю!

— Галдин Вадим Денисович.

— Привет! А что так официально?

— Подумал, ты не один.

— Я один.

— Где находишься?

— В своем кабинете, бумаги разбираю.

— Насчет визита к Гвоздю не передумал?

— Нет.

— Тогда побудь у себя еще часик. Я к тебе подъеду и встану на учет.

— Кому это надо?

— У меня были Конин и Барько. Я им сказал, что у тебя отмечусь. Значит, надо ехать. В кабинете, пока я не проверю его, о деле ни слова.

— Понял. Буду на месте.

— До встречи, товарищ лейтенант.

Глава 4

Галдин порылся в машине, нашел сканер и выехал со двора. Вскоре он выбрался на хорошую дорогу. Перед КПП, устроенным у поместья Сухобокова, Вадим повернул видеорегистратор в его сторону, сам же смотрел перед собой. Проехав забор, он остановил «Рено» и включил воспроизводство съемки.

Галдин заметил, как камера, установленная на крыше сторожки, поворачивалась вместе с тем, как внедорожник проходил мимо нее.

«Отслеживают бандюки подходы к поместью, но это им не особо поможет», — подумал Вадим.

Через десять минут он остановился у здания сельской администрации. Галдин прихватил с собой свои документы, миниатюрный сканер и прошел в кабинет участкового, дверь которого была открыта.

Борисов сидел за столом и пил кофе. У окна на полу громоздилась стопка папок с бумагами.

— А вот и мы. Не ждали? — спросил Галдин и тут же сменил тон: — Извините, товарищ лейтенант, разрешите войти?

— Так ты уже вошел.

Галдин прижал палец к губам, достал сканер, включил его и обследовал помещение. На корпусе прибора спокойно светилась зеленая лампочка.

— Нормально, — проговорил Галдин. — Извне нас не прослушивают, внутри жучков нет. Вот только дверь открыта. Разговор могут услышать соседи.

— Какие соседи? — Борисов усмехнулся. — Глава администрации поселения господин Морданов Петр Викторович, он же Морда, наверняка торчит на своей стройке, в соседнем районе. У него зарплата восемнадцать тысяч рублей, у жены — двенадцать. Так этот хмырь ухитрился забабахать кирпичный коттедж о двух этажах с мансардой общей площадью двести восемьдесят квадратных метров. Дело идет полным ходом и в этом году должно быть закончено.

— А когда эта Морда начала строить?

— В позапрошлом году.

— Еще есть дом в селе?

— И весьма неплохой. Еще две квартиры в Переславле, обе трехкомнатные, в новостройке в центре, каждая без отделки ценой в семь

миллионов. Умеют же люди делать бабки из воздуха!

Галдин отрицательно покачал головой и заявил:

— Не из воздуха, Миша, а из вполне материальных вещей. Например, с продажи наркоты.

— Наркотики на селе?

— Почему на селе? В городе. И не простой наркоты, а дорогого кокаина. Впрочем, ребята не брезгают торговать и обычной анашой, привезенной из Узбекистана.

— Откуда знаешь?

— Может, кофе угостишь?

— Конечно. Извини.

Участковому пришлось включать электрический чайник и кипятить воду. Кофе у него был не ахти какой, растворимый, из сельского магазина.

Галдин принял кружку, взглянул на лейтенанта.

— Откуда про наркоту знаю? Во-первых, она сейчас в любом крупном городе есть. А во-вторых... — Он рассказал о своем визите в отель «Алые зори». — Так что, Миша, кроме не вполне законного строительства господин Сухобоков занимается совершенно незаконной торговлей наркотиками и организацией проституции.

— Люди от денег совсем с ума сходят.

— Нет, Миша, сумасшедшему в больную голову не придет торговать не только наркотой, а даже помидорами. У него своя жизнь. Она протекает в собственном, весьма ограниченном внутреннем мире. Между прочим, считается, что умалишенные — самые счастливые люди на свете. У них никаких забот. Увидит одуванчик и счастлив, переложит камень из одной кучи в другую, и жизнь удалась. Нет, лейтенант, наркобизнесом занимаются расчетливые люди. Умные, хитрые и совершенно бессовестные. Для них не существует честь, милосердие, достоинство, не говоря уже о патриотизме. Ради денег они готовы уничтожить весь свой народ. Такие мерзавцы делают это по мере сил и возможностей.

— Опять политинформация?

— Воспринимай как хочешь, но разве я не прав?

— Тогда к нам надо подтянуть наркоконтроль из Москвы. Ведь ты можешь это сделать через свое руководство?

— А Лена? Если сейчас начнется суэта, то ее немедленно уберут. Ей наверняка слишком много известно. Успела узнать за время своего заточения в замке Сухобокова. Наша с тобой первостепенная задача — вытащить Елену и обеспечить ее безопасность. Потом можно ударить и по наркоте. Ты готов к встрече с Гвоздем?

- Да.
- Продумал, о чем будешь говорить?
- Конечно.

Галдин подошел к окну, взглянул на улицу и сказал:

- Опять машины ДПС нет. На обед, что ли, подались?

— Нет? — переспросил Борисов. — Недавно была. Если они на обед поехали, то в усадьбу.

- Я не видел «Форд» ни на дороге, ни на площадке у ворот.

— Охрана внутрь пропускает.

— Тогда понятно. Ну все.

— А вот и ДПС, — сказал Борисов, кивая на окно.

Галдин посмотрел туда и заявил:

— Верные псы вышли на службу. Интересно, сколько им платит Сухобоков?

— Он наверняка платит не им лично, а непосредственному начальнику. Тот выделяет этим ребятам, сколько посчитает нужным. Полнейший бардак!

— Не то слово. После разговора с Гвоздевым позвони мне.

— Обязательно.

— Да, как насчет дров?

— Заказал. Подвезут уже наколотые.

— Удачи.

Вадим вышел из здания администрации. Инспектора смотрели в его сторону, из машины не выходили.

Галдин махнул им рукой, сел в «Рено», развернулся и двинулся обратно в Чернуху.

За полтора часа до этого «Форд» ДПС подъехал к воротам поместья Сухобокова. Охрана пропустила его на территорию.

Там к полицейским вышел Гвоздев.

Лейтенант Конин доложил ему:

— Проверили мы этого гостя Дуневича.

— И что?

— Старший лейтенант МЧС. Центр гуманитарного разминирования, особый отряд.

— Сапер, значит?

— И однокурсник Дуневича.

— Это ты по документам определил?

— Да. Я смотрел удостоверение Дуневича, которое он сдал в райвоенкомат в обмен на военный билет. Дата выпуска одна и та же.

— Ладно, оно не столь важно. Приехал бывший однокурсник, в этом ничего странного нет. Но Галдин впервые увидел друга в инвалидном кресле. Он, естественно, задавал ему кучу вопросов и наверняка получил на все исчерпывающие ответы. А это значит, что... — Гвоздев вдруг резко оборвал речь, чуть помолчал и добавил: — Но это вас не касается. Машину посмотрели?

Инспектора переглянулись. Они заранее договорились, что ответят начальнику охраны поместья, дабы не вызвать его недовольство.

— Да, конечно. Обычный «Рено».

— Ничего особенного?

— Нет.

— Номера срисовали?

— Само собой. — Лейтенант протянул бывшему участковому листок. — Вот.

Гвоздев сунул бумагу в карман куртки и спросил.

— Что еще?

— Еще, он, этот старший лейтенант Галдин, должен приехать к участковому и встать на учет.

— В общем, ничего вы не узнали.

— Как же так? Проверили документы, машину, посмотрели, что уже успел сделать этот друг.

Гвоздев усмехнулся и осведомился:

— И что же он уже сделал?

— Подправил и покрасил забор, навел порядок во дворе, скосил сухоцвет. Теперь у Дуневи́ча телевизор работает. Было слышно.

— Смотри, какой мастеровитый этот однокурсник. Ладно, ступайте на кухню, обедайте, потом на пост и по обычному графику.

Инспектора закивали и двинулись в сторону пристройки, где находилась кухня.

Гвоздев же выкурил сигарету, прошел в дом, поднялся на второй этаж, в приемную и спросил секретаршу:

— У себя?

— Да.

— Я зайду?

— Конечно.

У массивных дверей Гвоздев остановился, одернул куртку, постучал.

— Да! — донеслось из глубины.

Начальник охраны приоткрыл створку:

— Разрешите, Леонид Борисович?

— Заходи.

Сухобоков с утра чувствовал недомогание, болело горло, поэтому остался дома. Он принял лекарства и почувствовал себя лучше.

Гвоздев вошел.

— Здравия желаю!

— По-моему, уже виделись.

— Извините, привычка.

— Хреновая привычка. Забудь про нее, тут тебе не ментовка.

— Да, конечно.

— Что пришел?

Сухобоков всегда обращался с подчиненными и прислугой грубо. Она была ниже его по положению и другого не заслуживала.

— Я насчет человека, который приехал к Дуневичу.

Хозяин поместья оживился.

— Да? Присаживайся, докладывай.

Гвоздев выполнил распоряжение.

— Наконец-то стало понятно, что за «Рено» днем раньше проследовал мимо поместья в Чернуху, — проговорил он. — Эту машину следует еще пробить по базе ГИБДД...

Сухобоков прервал Гвоздева:

— Почему приходишь на доклад не подготовленным? Сначала все пробил бы, потом шел.

— Это несложно сделать и сейчас.

— Ну вот, я еще ждать буду! Докладывай, что имеешь.

— К Дуневичу приехал его однокурсник, старший лейтенант Центра гуманитарного разминирования МЧС Галдин Вадим Денисович. У него отпуск на две недели, вот и решил провести друга.

— Что-то он в прошлые годы не навещал Дуневича.

— Об этом я ничего сказать не могу.

— Плохо, Гвоздев. На вопросы хозяина всегда надо иметь ответы. Продолжай.

— Приехал, починил забор, покрасил его, убрал во дворе, наверное, и в доме тоже, исправил телевизор.

Сухобоков уставился на начальника охраны.

— Ты что, издеваешься надо мной?

— Почему?

— На кой черт мне знать, что ремонтирует и чистит какой-то офицеришка в соседней деревне?

— Я пытаюсь по порядку. Думаю, гость сильно удивился тому факту,

что его друг, прежде здоровый молодой человек, сейчас в инвалидной коляске.

— Это очевидно. Как и то, что он заметил отсутствие Елены. Этот тип наверняка спросил, что здесь произошло. Понятно, что Дуневич все выложил ему. Ясно, что сапер шокирован беспределом, творимым твоими людьми.

— Моими?

— Ну не моими же!

— Так это же вы...

— Что я? — вновь прервал начальника охраны Сухобоков.

— Извините, ничего.

— Вот именно. Я что приказывал? Проучить лесника, чтобы пасть не открывал насчет сестры. Что сделали твои отморозки? Искалечили его. Но ладно, от этого старлея угрозы уже нет никакой. Побудет у Дуневича и свалит в свой центр. Но пока он будет здесь, надо смотреть за ним.

— Я пошлю людей в деревню.

— Идиот ты, Гвоздев! Зачем в деревню? Надо отслеживать все его передвижения вне ее. Оттуда можно выехать только мимо поместья и через село. Там патруль. Вот если старлей направится в город, тогда цепляй к нему сопровождение.

— Понял, сделаю, господин Сухобоков. Но, может, проще, от греха подальше, этих друзей того?

— Что того?

— Устроить пожар, из которого выбраться невозможно. Самый обычный случай для деревни.

Сухобоков вздохнул, покачал головой и сказал:

— Да, не зря тебя держали участковым в глуши. Ни ума, ни фантазии. Ты что же думаешь, гибель офицера особого отряда Центра разминирования МЧС не будет расследована? Не дай бог, настоящие спецы установят, что был поджог. Тогда здесь начнется такое, что врагу не пожелаешь. Знаю я эти особые отряды. Они в большинстве своем подчинены напрямую министрам либо самому президенту. А что значит от греха подальше? Ты имеешь в виду Елену? Так она сама напросилась на работу, подписала трудовой договор. Девчонка сама не желает покидать территорию поместья, имеет здесь полное обеспечение. В ведомостях по зарплате она расписывается, как и все другие, я плачу за нее налоги. Насчет же того, что ею пользуются, так это, во-первых, недоказуемо. Во-вторых, она вольна спать, с кем захочет. Молодой бабе нужен мужчина. Чтобы заняться Еленой, надо еще иметь основания. Да и не та она птица, чтобы

ею интересовалась Москва. Но это в том случае, если с офицером особого отряда никакой беды не произойдет. Если же ты имеешь в виду Дуневича, то парень сам виноват, что полез один на браконьеров. У нас есть свидетели.

— Я не то имел в виду, — проговорил Гвоздев.

— А что? — Сухобоков наклонился к нему.

— Вы сами знаете.

— Наркотики?

— Да.

— А где они?

— Откуда мне знать?

— Вот именно. В поместье их нет. В отеле только то, что реализуется постоянным, проверенным клиентам, которым сдавать поставщика — приговорить себя к медленной мучительной смерти. Ты когда-нибудь видел, как мучается наркоман без дозы?

— Нет.

— А надо было бы посмотреть. Тема наркоты вообще не твоя. Забудь о ней.

— Как же забыть, если вы обязали меня принимать партии?

— Принял, передал Артуру и забудь. Понятно?

— Так точно!

— Ну вот, хоть это тебе понятно. — Сухобоков, изображая настоящего барина, взял со стола старинный колокольчик, потряс им.

В кабинет вошла женщина лет тридцати.

— Да, Леонид Борисович?

Это была Регина Агафонова, секретарша Сухобокова. Когда-то она тоже занималась проституцией, но оказалась способна на большее. Регина имела высшее образование, неплохо владела компьютером и даже вполне прилично знала английский язык.

Десять лет назад Сухобоков сделал ее своей секретаршей и ни разу не пожалел об этом. Регина была пунктуальной и исполнительной особой.

— Сделай мне кофе, Регина.

— Только вам, извините?

Сухобоков посмотрел на начальника охраны.

— Ну и ему заодно.

— Минуту. — Она вышла.

Сухобоков спросил у начальника охраны:

— Что по участковому? Все самовольничает?

— Своевольный оказался. С детства его знаю, раньше был другим. В

десантуре оборзел.

— Такой фрукт нам не нужен. Надо его менять.

— Вам достаточно только слово сказать...

Сухобоков повысил голос:

— Может, мне все за всех делать? Не хватало еще участковым заниматься. С ним сам решай вопрос, причем быстро. Видишь ли, своевольный! Будет ему своеволие, когда выкинут из ментовки и никуда больше не возьмут.

— В Москву свалит.

— Ну и пусть валит. Мы его и там достанем, если понадобится.

— Я понял, Леонид Борисович.

— Карим давно звонил?

— Где-то неделю назад. Я вам докладывал.

— Больше не выходил на связь?

— Нет.

— У нас товара на неделю, максимум на десять дней. Надо передать Кариму, чтобы прислал обычную партию.

— Мне сегодня позвонить ему?

— Ты что-нибудь об обычаях мусульман знаешь?

— Оно мне надо?

— Надо. Завтра у нас что?

— Пятница, четырнадцатое октября.

— Вот, а в пятницу у мусульман праздник, самая важная молитва. Они в этот день не работают. Сегодня звонить надо, понял?

— Так точно! Позвоню сегодня.

— Позвони. О результатах переговоров сообщи мне.

— Да, Леонид Борисович.

Секретарша принесла кофе.

Через пять минут начальник охраны ушел.

Во дворе он достал из кармана новый дорогой сотовый телефон, набрал номер, не забитый в память.

Послышались длинные гудки, затем голос с акцентом:

— Слушаю!

— Салам, Карим!

— Николай? Салам! Что-то случилось?

— У нас товара всего на неделю. Подвезти можешь?

— Сколько и чего?

— Как и всегда. Обычную партию.

— Так, погоди немного.

Карим в Фергане, видимо, с кем-то связывался по другому телефону. Гвоздев слышал узбекскую речь, но, естественно, понять ничего не мог.

Потом наркобарон возобновил разговор с ним:

— Значит, дело такое, Николай. Товар смогу отправить немедленно, курьерами через Туркмению на Саратов и дальше напрямиком в Переславль. Значит, в понедельник он будет у вас.

— Раньше ты мог переправлять самолетом.

— Времена меняются, люди тоже. Машины не колонной пойдут, а по одной.

— Мне без разницы.

— Место встречи прежнее?

— Да, заброшенный завод у городской свалки. Там все заберем.

— Оплата на месте. Передай моему другу Лене, что цена повысилась на десять процентов.

— С чего вдруг?

— Так все дорожает, Коля.

— Я доложу твоему другу о новых тарифах. Он может отказаться.

— Нет, Коля, не откажется. У меня цены выросли на десять процентов, у других больше. Рафик в Самарканде поднял аж на двадцать. И ничего. Покупатели повозмущались и согласились взять.

— Ладно, я передам твои слова боссу, ему решать.

— Ты тогда позвони, чтобы я начал готовить товар и курьеров.

— У тебя все на складе?

— Да.

— Хорошо. Перезвоню.

— Жду!

Гвоздев переключился на Сухобокова.

Тот ответил недовольным голосом:

— Что у тебя еще?

— Вы приказали мне связаться с Каримом. Я поговорил с ним.

— Уже? Оперативно. Результат?..

— Он может отправить машины через Туркмению и Саратов. Товар будет у нас в понедельник, семнадцатого числа.

— Хорошо.

— Это не все. Карим просил передать, что цена на товар выше прежней на десять процентов.

— Почему?

— Карим сказал, что все дорожает. Просил сообщить ему, согласны ли

вы на эту цену, чтобы начать готовить курьеров.

— А куда деваться? Другого надежного поставщика у нас нет. Передай, я согласен на десять процентов, но не больше. Пусть в понедельник высылает товар.

— Понял.

Сухобоков отключился.

Гвоздев перезвонил Кариму. Тот обещал в понедельник отправить две машины, подержанные «Жигули» седьмой модели.

— Встречать, как и всегда, ты будешь? — осведомился Карим.

— Да. Если что-то изменится, ты узнаешь.

— Хорошо. Пусть Леня готовит деньги. Мне нужны только доллары, бывшие в употреблении.

— Кто от тебя пойдет старшим?

— Позже скажу. Как отправлю караван.

— Две машины, это караван?

— У нас два осла — караван. Ну все, у меня дела.

— У всех дела.

— До связи!

Гвоздев чуть подумал и звонить Сухобокову не стал. Надо будет, сам вызовет.

Начальник охраны пошел проверить пост. Тот был всего один, в сторожке. Большого не требовалось. Сухобоков никого не боялся, и конкурентов у него не было.

Вот только он терпеть не мог собак, просто не переносил их. О причине этого Гвоздеву рассказывал его помощник Виктор Лазунин. В детстве Сухобоков попал на собачью свадьбу. Сучка бросилась на него, кобели за ней. Они сильно покусали мальчишку, он долго лечился. Поэтому в поместье не было ни одной собаки. Да и всех бродячих псов в округе по его приказу пристрелили.

Гвоздев считал, что собаки охране очень даже не помешали бы. Но против босса не попрешь.

В сторожке находился крепкий парень лет двадцати. Это был охранник первой смены Иван Шутов. Погоняло Шустрый никак не шло ему. Он был медлителен, ленив.

«Сайга» у стены. На столе два монитора.

Только Гвоздев, охранники и, естественно, Сухобоков с помощником знали, что видеонаблюдение ведется всего с четырех камер. Две фронтальные стояли на крыше сторожки и первом углу забора. Одна внутренняя смотрела за парадным входом и двором. Тыловая

контролировала подход к поместью со стороны озера и причала с катерами. Остальные десять являлись муляжами.

Несмотря на огромные доходы, Сухобоков был очень жаден. Лишнюю копейку боялся потратить, установил строгую отчетность за всеми расходами. Он экономил даже на себе. Покупал костюмы в обычных бутиках, хотя мог завести и собственное ателье.

Бизнесмен считал, что тотальный контроль за поместьем не нужен. Он держал здесь всего шестерых охранников. Они по двое заступали на сутки.

Еще два бывших прапорщика сопровождали его «БМВ» на подержанном, но внешне весьма респектабельном «Лексусе». Его друг и партнер по бизнесу депутат Капронов ездил на «Ренджровере», помощник — на «Мазде». Гвоздеву была выделена пятилетняя «Сузуки». Охранники поместья должны были добираться до места службы на своих машинах.

Опять-таки в целях экономии двоих из шести Гвоздев нанял в селе. Им он платил меньше. Но от них и толку особого не было.

А вот Гвоздеву, как ни странно, Сухобоков назначил зарплату в сто тысяч чистыми, весьма высокую для этого региона. Бывший участковый был доволен. Используя свое положение, он брал мзду и с магазина, и с пасечников, чтобы пчелы вдруг случайно не погибли, и с владельца автозаправки, стоявшей на выезде из села.

Тот сначала не хотел платить. Мол, я от фирмы работаю, туда отдаю все доходы, с них и берите. Однако после недолгой беседы как-то вечером, когда владелец заправки задержался на рабочем месте, он согласился платить. Гвоздь пообещал вывезти его в лес и утопить в болоте.

Итого на круг у него выходило больше двухсот тысяч рублей в месяц. Деньги для села просто огромные. Несмотря на высокомерие босса, Гвоздь был весьма доволен своей жизнью.

Галдин вернулся в Чернуху к двум часам.

— Долго ты, — сказал Дуневич и спросил: — Проблемы какие?

— Нет. Да и по времени нормально. Просто тебе одному скучно, вот и тянулись часы так же долго, как сутки.

— Это верно. Хотя твой Султан и пытался не давать скучать.

Пес, лежавший рядом, услышал свою кличку и поднял голову.

— Ты чего это тут делал, Султан? — с наигранной строгостью спросил Вадим.

Пес смотрел в глаза старшего лейтенанта и не понимал, ругается тот или говорит в шутку. Мол, чего это ты, хозяин? Я же ни в чем не провинился. Немножко поиграл с человеком, сидящим в коляске, то стаскивал с его ног тапки, то подносил их.

— Не ругай его. Хороший пес.

— Знаю. И не ругаю. — Галдин погладил собаку. — Молодец, Султан, хороший пес. — Он обернулся к Дуневичу и спросил: — Тебя вывезти во двор? Или, может, к озеру прокатить?

— Дождь будет, Вадим.

— Тучи ходят по небу, но верхний ветер рвет их. Дождя, скорее всего, не будет. Я смотрел за небом. Тоже думал, вот-вот польет, ан нет. В Санино даже солнце проявлялось.

— Узнал что-нибудь интересное?

— Пока нет. Но ожидаю новости к ночи. Сегодня новый участковый должен встретиться с Гвоздем.

— Ты уже говорил.

— Нам остается только ждать. Если не хочешь во двор, то я перекушу и немного отдохну. Устал.

— Естественно. Кувыркнулся с девицей полночи.

— Исключительно ради дела, Слава.

— Само собой. Налей немного.

— Договорились же, что вечером. Отходить надо, Славик.

— Колотит всего, Вадим. Так, в общем-то, вроде ничего, не тошнит, рвать не тянет, но такое ощущение, что внутри все трясется. Мне немного, граммов пятьдесят-семьдесят вполне хватит.

— Ты обедал?

— Да, Мария Алексеевна приходила, накормила.

— Ее тоже просил налить?

— Просил, — признался Дуневич. — Она сказала, что не ее это дело.

— Ладно, пятьдесят граммов налью, но вечером перед ужином будет меньше.

— Пойдет. А как насчет дров?

— Участковый заказал, привезут.

— Я заплачу.

— Не загоняйся, разберемся.

Вадим налил другу полрюмки водки, после чего пообедал тем, что принесла Мария Алексеевна и он сам купил в гипермаркете, ушел в спальню Елены, разделся и уснул.

Галдин проснулся вечером, в начале десятого, Услышал звук работающего телевизора, оделся и вышел в комнату.

Славик ерзал на своей коляске и бубнил:

— Ну и какого хрена? Куда ты пас отдаешь, олух? Ну, блин, понабирали дебилов, в своей зоне мяч теряют!

— Что смотрим? — поинтересовался Галдин.

— Футбол. Наша сборная в Лиге Европы бьется не на жизнь, а на смерть с дворовой командой из страны, название которой и не выговоришь, где населения меньше, чем у нас в районе, и, представляешь, проигрывает. На какой хрен им огромные бабки платят?! Бюджет наш в сотни раз превышает иностранный. У нас профессионалы, которых гнать надо. У них только один игрок, выступающий в предпоследнем дивизионе Испании. Остальные любители. Среди них адвокат, таксист, полицейский. Наши крутые профи, мать их, умудряются им проигрывать. Ладно бы еще гол случайно залетел, так нет, с уголовного головой в самую девятку. Вратарь даже не дернулся. Вот и сейчас!.. Куда ты отдал? Зачем со всей дури бьешь? Нет, я эту порнуху больше не могу смотреть.

— Переключи на другой канал, — посоветовал Галдин.

— Там на одном все те же новости, на другом мелодрама, от которой меня уже тошнит, на третьем детектив, где с первой серии понятно, чем все закончится в двенадцатой. На четвертом так называемая аналитическая программа. Набрали дебилов-политологов, вот они и чешут языки вокруг событий на Украине да в Сирии. Все перед камерой трутся, показывают, какие они умные. А на самом деле тупые, как тот сибирский валенок. Ладно, не мешай. Наши вроде как начали в себя приходить. Угловой.

— Ты ужинать будешь?

— В перерыве.

— Добро.

Галдин вышел во двор. В деревне, как вчера и позавчера, чернели темные строения. Фонари горели только вдали, в поместье Сухобокова.

Он посмотрел на часы. Светящиеся стрелки показывали 21.20.

«Если Гвоздь вернулся домой в восемь, то Борисов должен прийти к нему в половине девятого, под ужин. Если все сложится, то разговор продлится полчаса, а то и сорок минут. Сейчас участковый мне не позвонит. Рано еще», — прикинул Галдин и прикурил сигарету.

Рядом объявился Султан и сел у ног хозяина.

— Ты откуда взялся? Я же закрывал дверь.

Если бы пес мог говорить, то заявил бы, что это не так.

Вадим проверил. Оказалось, что он не закрыл дверь. Толкнул, но защелка не дошла до зала.

— Что, Султан? Скучно тебе?

Пес посмотрел в глаза старшего лейтенанта, наклонил голову.

— Ничего, Султан. Найдется и для тебя работа.

Пес слушал хозяина и вроде бы все понимал. Вдруг он наострил уши,

прислушался, глядя на сарай, но с места не двинулся.

— Кто там, Султан? Чужой?

Пес зарычал.

— Интересно, кто это сейчас здесь ходит?

Из-за сарая с ревом выскочили два кота.

Султан дернулся было, но сдержался. Команды атаковать наглецов не было.

— Вот оно что. Твои закадычные друзья.

Султан оскалился, ясно показал, что он сделал бы с такими друзьями.

— Фу, Султан, не дергайся. Мы здесь в гостях, а они вроде как хозяева.

Коты исчезли в бурьяне. Султан успокоился.

Галдин затушил окурок, взглянул на небо. Мелкие капли дождя тут же ударили ему в лицо.

— Все-таки полило. Домой, Султан!

Они побежали к хате.

С крыльца были слышны голос комментатора футбольного матча и возмущенные возгласы Дуневича. Вадим присел на скамью, Султан устроился рядом. По поведению пса можно было с уверенностью утверждать, что поблизости никого из людей, да и животных не было.

Галдин вновь посмотрел на часы. 21.40. Время тянулось слишком уж медленно.

Дождь усилился и начал захлестывать крыльцо. Человеку и собаке пришлось зайти в дом. Это произошло как раз во время перерыва.

Галдин сварил другу сосиски, привезенные из гипермаркета, подогрел мятую картошку Марии Алексеевны, налил в рюмку сто граммов.

— А ты? — спросил Дуневич.

— Мне сначала собаку накормить надо.

— Так дай ей сосиски.

— Нет, Славик, нельзя. Султан привык к другой пище.

Из отдельного пакета Галдин высыпал в кастрюлю корм для собаки, сварил его, выложил полученный продукт в большую миску и поставил на подоконник остывать. Султан все это время сглатывал слюну. Академик Павлов был прав насчет рефлекса. Когда хозяин поставил миску на пол, Султан подошел к ней и начал медленно есть.

В это время Галдин приготовил ужин себе.

Когда он вымыл посуду, Дуневич воскликнул:

— Слава богу, хоть в концовке не обделались.

— Что наши?..

— Победили. За пять последних минут забили два гола. И то паренек,

которого тренер впервые выпустил со скамьи запасных. Вот тебе и профи. Глаза бы мои на них не смотрели!..

— Не смотри.

— Не могу. И знаю, что проиграют, особенно когда выходят на солидные команды, а все одно жду матча. Это зависимость, Вадим.

— Лучше такая зависимость, чем наркотическая.

— Что-то участковый не звонит. Может, нажрался с Гвоздем вусмерть и забыл обо всем на свете? Такое бывает. Я как-то, конечно, когда еще на ногах был, пошел на село к Володе, напарнику моему. У того день рождения был. Пили самогон. Так, хреновенький. Пол-литра скушали, и ни в одном глазу. Что за хрень, думаю? Добавил еще домашнего вина. Закусили, поговорили, расходиться стали. Пошел и я. Не поверишь, помню только, как добрел до администрации. Потом полный провал. Но что самое интересное, очнулся у себя на хате, правда, в сених. Видимо, дальше идти сил не хватило. На автопилоте добрался. А это шесть километров. Как шел, встречался ли с кем, говорил ли о чем, ни хрена не помнил. Ленка смеялась, рассказывала, как я на крыльцо попасть не мог. То влево меня уводило, то вправо. Так что если Борисов и Гвоздь нажрались, то можно и не ждать звонка.

Галдин покачал головой и заявил:

— Нет. Борисов не похож на алкаша, который может напиться до чертиков. У него задание.

— А я похож был? Да меня пьяным на деревне единицы видели, а на селе — вообще никто.

— Ага. Особенно в тот вечер, когда ты шел со дня рождения.

— Мне, по крайней мере, никто ничего не сказал. А у наших баб языки злые. Значит, шел я тихо.

Минул еще час.

Дуневич засобирался спать.

— Точно нажрались менты, Вадим, — заявил он.

— Посмотрим.

— Я на боковую.

— Конечно.

Галдин помог другу. Он подмыл его, сменил памперсы, накрыл одеялом.

Вадим вышел в комнату, и в это время ожил телефон, заранее переведенный на вибровывоз. Галдин машинально взглянул на часы. 23.35.

— Да?

— Это я. — Голос Борисова, как это ни странно, звучал вполне трезво.

— Понял. Что у тебя?

— Встретились. Гвоздь очень удивился моему приходу...

— Погоди! Тебя никто не может услышать?

— Нет, я в огород вышел, тут обзор прекрасный.

— Продолжай!

— Удивился и спросил, какого черта. Я ему: «Извини Николай Николаевич, вот пришел, чтобы ты меня уму-разуму научил. Не могу больше так служить. — Борисов передавал суть разговора минут пять. — В общем, после второй бутылки, которую выставил сам Гвоздь, он мне сказал, что доверие заслужить надо. Но ты, мол, правильно сделал, что пришел. Иначе скоро оказался бы у разбитого корыта, так как тобой очень недоволен господин Сухобоков. Если же я всерьез думаю работать на босса, то Гвоздь замолвит за меня словечко. Но мне придется делать только то, что прикажет он сам и Сухобоков, иногда выполнять деликатные задания и крепко держать язык за зубами.

— Ты сказал, вы выпили две бутылки?

— Почти, немного не допили.

— Но у тебя голос не пьяный.

— Ну, во-первых, я чуть ли не целую пачку масла съел перед тем как идти к Гвоздю. Во-вторых, в ходе разговора закусывал. В-третьих, у меня организм к водке привыкший. Пузырь выпью, только запах да еще глаза и выдадут.

— Значит, Гвоздь готов взять тебя в команду? — уточнил Галдин.

— Он будет ходатайствовать, а решение примет Сухобоков. Думаю, не погонит. Свой участковый ему нужен, тем более сам напросившийся на дружбу.

— Да, скорее всего, не погонит. Но ты теперь будь предельно внимателен и аккуратен. Тебе придется играть роль подхалима, а это для порядочного человека непросто.

— Я справлюсь.

— У нас мало времени, но торопить события не стоит. Твоя главная задача на первом этапе — получить возможность бывать в поместье, выяснить, где содержится Елена, как и кем охраняется, и что вообще происходит за высоким забором. Пока только это. Глубже, лейтенант, не копай.

— Понял.

— Гвоздь не говорил, как собирается представить тебя Сухобокову?

— Он обещал рассказать ему о нашей встрече и посоветовать привлечь меня в команду. А там как пойдет. Это уже решит Сухобоков.

— Ты постарайся попасть в банду, Миша.

— От меня уже ничего не зависит. Или ты считаешь, что я должен был сделать что-то большее?

— Нет, ты сделал то, что мог. И управился хорошо. Дождемся завтрашнего дня. Думаю, решение вопроса по тебе не затянется. Гвоздь интересую я. Значит, и Сухобокова. Инспектора ДПС в своих возможностях ограничены. Другое дело — участковый. Для того все двери открыты. Но не будем гадать. Молодец. Отдыхай.

— До связи, командир! — сказал Борисов.

— Какой я тебе, командир? — с усмешкой спросил Галдин.

— Самый настоящий, — на полном серьезе ответил участковый и отключил телефон.

Вадим тоже выключил аппарат и задумался.

«Визит Борисова к Гвоздеву удался. Вышло даже лучше, чем я ожидал. Но это и напрягает. Не слишком ли легко Гвоздь согласился привлечь нового участкового в команду? Может, это он по пьянке ляпнул, а завтра скажет Борисову, мол, знать ничего не знаю, не помню?»

Но нет, Гвоздев не тот человек, чтобы попусту болтать даже после бутылки водки. Что ему стоило сразу послать от ворот Михаила, когда тот явился к нему? Нет, участковый им нужен.

Тем более теперь, когда в область прислан новый начальник управления внутренних дел. Возможно, он тоже попадет под влияние Сухобокова и его высокопоставленных региональных друзей.

А если нет? Допустим, этот человек начнет наводить порядок? Он ведь наверняка пользуется покровительством самого министра, который и назначил его на эту должность. А у того отношение к таким персонам, как Сухобоков, далеко не самое позитивное.

Поэтому Борисов и будет взят в компанию. Вопрос в том, насколько Сухобоков и Гвоздь приблизят его к себе. Дадут ли они Михаилу ту свободу действий, которая нужна для успеха общего дела, или станут держать на побегушках?

Время идет, а оно бесценно. Но сейчас гадать бессмысленно. Посмотрим день-два. Если ничего не изменится к лучшему, то придется предпринимать экстренные меры по освобождению Елены.

Справлюсь ли я один? Черт его знает. Основная сложность в том, что у меня нет никакой информации по поместью. Мне неизвестно, где содержится Лена, охраняют ли ее, имеет ли она свободу перемещения. Я много чего не знаю.

Что ж, придется выходить на разведку. Но одному опять-таки это

сделать сложно.

А если привлечь Снегирева? Тот отзовется, не станет слушать возражения жены. Согласятся помочь и другие наши парни. Но они пока не нужны.

Может, связаться с Сердановым, обрисовать ему ситуацию? А что я сообщу полковнику? Мол, друга моего всякая сволочь из окружения местного бизнесмена изуродовала, а сестру его этот негодяй в рабство забрал? Пусть так, хотя бы это. Серданов не тот мужик, чтобы отмахиваться от такого беспредела. Вот только задача у подчиненного ему отряда совершенно другая.

Ладно, насчет Серданова подумаем, а вот с Сеней поговорить надо. Мне нужен надежный, опытный, профессионально подготовленный напарник.

Еще надо, чтобы Борисов как можно быстрее попал на территорию поместья. Он сможет хоть немного прояснить ситуацию».

Галдин выкурил пару сигарет, вернулся в дом, закрыл двери, тихо, чтобы не разбудить Дуневича, прошел в спальню и прилег на кровать. Рядом с ней на коврике устроился Султан.

За окном гудел ветер. По стеклу били капли затяжного дождя.

Утро пятницы, 14 октября началось вполне обычно.

Сначала появилась машина с дровами, и Галдин заплатил за них. Потом пришла Мария Алексеевна, принесла, как всегда, борщ и картошку. В этом тоже ничего необычного не было.

Вместе они подмыли Вячеслава, который сильно стеснялся и краснел во время этой процедуры. Он побрился, умылся, выкатился на коляске в комнату как новенький.

А вот потом из деревни неожиданно донесся шум двигателя автомобиля, приближавшегося к дому.

— Кто это может быть? — проговорил Галдин.

— Похоже, тачка Гвоздя.

— А ему какого хрена тут надо?

— Видимо, остался недоволен работой инспекторов и решил сам тебя проверить.

— Может, морду ему набить? Был бы субъект, а причина всегда найдется.

— Ты думаешь, он один? Этот фрукт наверняка кого-нибудь из быков с собой прихватил.

— Мог, из тех, которые дежурство закончили.

— Ты мне ружье подай, — попросил Дуневич.

Галдин зашел в спальню, вернулся оттуда с наградным «ПМ» и заявил:

— Зачем ружье, Славик, когда есть вот эта штука?

— Откуда ствол? — с удивлением спросил Дуневич.

— Наградной. Видишь табличку? На ней написано: «За личное мужество». Вот так-то, дружище. Понял?

— У тебя на него все документы?

— Даже разрешение на постоянное ношение, соответственно, и на право применения, разумеется, исключительно в целях самообороны, допустимой законом.

— Ты уверен, что у Гвоздя такого нет?

— Такого нет. Но другой, не наградной и левый, вполне может быть. Однако он не успеет им воспользоваться.

Вскоре на лужайке перед домом остановился внедорожник «Сузуки», но вышел из него вовсе не Гвоздь, а лейтенант Борисов.

Галдин следил за машиной из сеней.

Он убедился в том, что участковый один, открыл дверь.

— Миша, привет!

— Привет.

— А чего это ты на иномарке? Или тебе, новому члену банды, уже выделили «Сузуки»?

— Хрен они чего выделяют. В семь утра ко мне домой заявился Гвоздев и спросил: «О чем базарили, помнишь?» Я: «Конечно». Он: «Тогда надо работать. Условия обсудим позже». Я: «Что за работа?» Он: «Надо досконально проверить дружка, который к Дуневичу приехал». Я: «Так ведь он приходил регистрироваться, ответил на все мои вопросы. Да и инспектора ДПС вроде как ездили в деревню». Он: «Толку от них, придурков никакого, как и от беседы вашей. Езжай и все тщательно проверь». Я: «Ладно». При нем стал заводить «УАЗ», а он как мертвый. Движок старый, не инжекторный. Смотрю, крышка трамблера лопнула. И когда? Не могу понять. Вчера все нормально было. Говорю Гвоздю: «Нет машины, Николай Николаевич». Он: «Мою тачку возьми. Подбросишь меня до поместья и заберешь».

Галдин кивнул.

— Понятно. На время, значит, дал порулить. И как иномарка?

— С «УАЗом» не сравнить.

— Ну, это понятно. И что же, Миша, ты должен проверить?

— Все.

— Извини, все о себе даже я не знаю.

— Все, Вадим, это документы, особенно служебные, касающиеся

МЧС. Известно ли тебе о Елене? Если да, то как ты воспринял это? Жаловался ли тебе Слава на отморожков, которые изуродовали его? Не желает ли он искать справедливости в Москве? В общем, все, что так или иначе представляет если не прямую угрозу, то хотя бы потенциальные неприятности для босса.

— Ясно.

— А почему ты без страховки разговор повел: Вдруг Гвоздь жучки в тачку запихал или на меня навесил?

Галдин достал из кармана сканер, на корпусе которого горел зеленый огонек.

— В нашем деле, Миша, без страховки нельзя, — заявил он.

— Ну, ты даешь.

— А как иначе? Проходи в дом, там поговорим.

Участковый зашел в избу.

— Здравствуй, Вячеслав.

— Привет, Миша. Как новая служба?

— Еще не знаю. Но, как видишь, на иномарке езжу. Только, правда, думаю, что в первый и последний раз. Ты насчет заявления подумал?

— Конечно. Вадим о том же все время талдычит.

— Отказ, как и всегда?

— Почему? погоди. — Дуневич уехал в спальню.

Борисов взглянул на Галдина и спросил:

— Он что, написал?

Вадим пожал плечами.

— Не в курсе.

Борисов вернулся, бросил на стол три листа бумаги, исписанных мелким почерком.

— Держи свою заяву, лейтенант, — сказал он. — Хотя я и не верю, что это как-то поможет, но раз ты просил...

Галдин прервал Дуневича:

— Когда успел-то?

— Выбрал момент. — Слава повернулся к Борисову. — Прочитай. Если что не так, я изменю.

— И вслух, Миша, — попросил Галдин.

Борисов начал читать, закончил, положил бумагу на стол и прорычал:

— Суки! Мрази! Да вы за это!..

— Нормально все? — перебил его Галдин.

— Что, Вадим, нормально? То, что сделал Сухобоков?

— Написано правильно? Надо что-то добавить или убрать?

— Нет. Все правильно. Но какой же все-таки подонок Сухобоков!

— Гвоздев несколько не лучше.

— Да там, в этом поместье, все твари.

— Не все! — проговорил Вадим.

— Лену я, естественно, не считаю. Садовника и прислугу тоже, хотя и не знаю, что они собой представляют.

— Вот и надо понять, узнать, разобраться, а для этого придется получить доступ на территорию.

— В поместье я уже сегодня поеду. Гвоздь сказал, что будет там и представит меня Сухобокову.

— Он и сегодня дома?

— Дома, раз Гвоздь хочет ему меня показать.

— Ты смотри, ври так, чтобы и Сухобоков поверил.

— Смотрю, Вадим, в оба глаза. Но мне нужна информация о тебе. Все то, о чем я уже говорил.

Галдин улыбнулся и заявил:

— Какие проблемы, Миша? Для тебя все, что угодно.

— Даже номер пистолета, который ты держишь за ремнем на спине?

— Заметил, черт глазастый!

— Я все же не в штабе служил, а в войсках. И не год, как сейчас, а полтора. Восемь месяцев на Кавказе. Тоже пришлось порошу понюхать. Наш блокпост прикрывал погранзаставу. А там бородатые черти частенько пытались в Чечню пройти.

— Значит, воевал?

— Это громко сказано. Но стрелять приходилось.

— А что молчал раньше?

— Меня никто о службе в ВДВ не спрашивал.

Галдин похлопал лейтенанта по плечу.

— Ну, если стрелял, то я спокоен. По себе знаю, что это такое.

— Так ты же сапер из МЧС!

— Нам тоже иногда приходится пострелять. Кое-кому наша работа приносит большие убытки. Но ладно. Мы познакомились поближе, вот и хорошо. Информация. Первое — документы. Держи паспорт, удостоверение личности, права, бумаги на машину. Хотя данные паспорта ты записывал, когда на учет меня ставил.

— Пусть будут. Гвоздь может проверить или попытаться сделать это.

— Сколько влезет. Результаты ничего нового ему не дадут.

— Даже тачка?

— Я же сказал, ничего.

— Перепишу данные?

— Да хоть сфотографируй.

— Это мысль. Отчет должен быть полным. Ты серьезно насчет фото?

— Конечно.

Борисов быстро закончил с документами и вернул их Галдину.

— Теперь что у нас? — спросил тот.

— Ты.

— Я. Обо мне ты говоришь следующее... или тоже записывать будешь?

— Не буду. Диктофона у меня нет, ни в телефоне, ни отдельно. Вернее, в телефоне, наверное, есть. Но я не знаю, как им пользоваться. Да и Гвоздь ничего о записи не говорил.

— Тогда слушай. — Галдин за пять минут поведал участковому историю о встрече друзей-однокурсников и спросил: — Запомнил?

— Так, погоди, дай собраться. Ты приехал, не зная, что Слава инвалид, так?

— Так.

— Попросил рассказать, что случилось. Славик заявил, что попал в аварию и вспоминать об этом не хочет. На вопрос, где Лена, он ответил, что она уехала из деревни, жизнь обустраивать. Куда, ему неизвестно. Связи с ней он не поддерживает. Впрочем, это соответствует действительности. Поэтому и ты ничего не знаешь о несчастной девушке. Ясно, почему Вячеслав, не поделился с тобой бедой. Он не желает, чтобы стало еще хуже, чем есть. Это мой вывод. Ты работаешь по хозяйству, помогаешь другу. Намереваешься в город съездить, купить продуктов, которых в сельпо нет. В общем, хотел отдохнуть, а вынужден ухаживать за товарищем. У тебя отпуск две недели. Скоро ты отсюда уедешь.

— Верно.

— У тебя собака, но старая, отслужившая свое и списанная.

— Да.

— А может, о собаке не говорить?

— Султана видели менты и Мария Алексеевна.

— Ну да, точно, они расскажут. Сухобокова здесь все боятся.

— А он боится собак.

— Странно, да?

— Очень даже хорошо.

— Тогда все. Задерживаться здесь мне не следует.

— Езжай, Миша, и помни, главное — территория поместья, точное место содержания Елены, система охраны.

— Все, что узнаю, сообщу.

— Удачи!

Глава 5

В пятницу утром Галдин провел обычные процедуры с Дуневичем. Потом он встретился с Марией Алексеевной и коротко поговорил с ней, но не узнал ничего нового.

После этого Галдин решил позвонить участковому. Тот передал сигнал отсрочки вызова. Видимо, он был на докладе у Гвоздева.

Тогда Вадим набрал другой номер.

Послышались длинные гудки, затем раздраженное:

— Да?!

— Привет, Снегирь!

Тон абонента сразу изменился:

— А, это ты, Вадим. Здравствуй.

— Как проводишь отпуск?

— В гробу я его видел!

— Почему?

— При встрече объясню.

— С Людмилой, что ли, поругался?

— Сказал же, при встрече. У тебя как? Природа, свежий воздух, шашлычки под водочку и, конечно же, очередная пассия?

Галдин вздохнул и ответил:

— Нет, Сеня, все гораздо прозаичнее. У меня тут война намечается.

— Не понял.

— Местный бизнесмен, который подмял под себя весь район, изуродовал моего друга. Он теперь на коляске. А его сестру этот подонок забрал к себе в качестве наложницы.

— Погоди, Вадим. Ты ничего не путаешь? Это произошло у нас в России или где-то на Востоке?

— В России, Сеня, в самом ее центре.

— И такой беспредел?

— Считаешь, я обманываю?

— Да, дела. Ты решил освободить девушку?

— Конечно. И наказать тут кое-кого, в первую очередь этого самого бизнесмена.

— Понятно. Веселое дельце.

— Да куда уж веселей. Вот только, Сеня, одному мне не справиться. Объект слишком плотно прикрыт.

— Почему одному? А наши парни? — воскликнул Снегирев.
— Парни в отпуске или при исполнении.
— Ладно, а я?
— Так ты же тоже в отпуске.
— Считай, что уже нет. Говори, как к тебе добратся.
— Ты решил приехать?
— Собственного самолета или вертушки у меня, к сожалению, нет, Вадим. По воздуху, конечно, получилось бы быстрее.

Галдин почувствовал, как теплая волна благодарности наполняла его тело.

— А как Людмила? — спросил он.
— Нормально. Договорюсь. А ты Серданову о ситуации не докладывал?
— Только вчера думал об этом. Ему-то какое дело до проблем какой-то деревни?
— Неужели ты командира не знаешь?
— Пока решил обойтись без его помощи. Нужно провести разведку, а для этого мне требуется напарник.
— Так говори, как доехать. Я переговорю с Людмилой, соберусь и двину к тебе.
— Ты сейчас где?
— Да на даче своей, чтоб ей пусто было.
— Указываю маршрут от Москвы, от нашей базы.
— Давай. Я включил диктофон.

Галдин сообщил другу, как проехать в Чернуху, минуя поместье Сухобокова.

— Чернуха, говоришь. Там сейчас реально грязь? У меня не внедорожник. Как бы я на своей тачке не залез по самые помидоры.

— Залезешь, позвонишь по закрытому каналу. Учти, от Переславля все переговоры вести только по специальному аппарату. Людмиле скажи, чтобы не ругалась на меня. А если будет против, не настаивай, оставайся с ней. Я кого-нибудь другого попытаюсь выпепить.

— Считай, эта тема закрыта. Значит, мне предстоит проехать чуть более двухсот верст по асфальту, а затем по лесной дороге еще с десятков, так?

— Примерно.

Снегирев подумал и сказал:

— Если выеду в десять часов, не попаду в большую пробку и не застряну в твоей чаще, то часам в шести вечера буду у тебя.

— Как подойдешь к населенному пункту, к деревне не выезжай, свяжись со мной. В Чернухе надо появиться как стемнеет, не раньше. Я пока подберу место для стоянки твоей машины.

— Она что, не пригодится?

— У однокурсника есть «Нива», у меня — «Рено», который выделил Серданов. На двоих более чем достаточно.

— «Нива» — это хорошо, на ней везде можно проскочить. Если знать, как ехать.

— «Рено» не хуже.

— Тоже нашел внедорожник.

— Ты позвони, как решишь вопрос с Людмилой.

— Это тебя не касается. Позвоню, когда буду поблизости.

— Добро. Спасибо тебе, Сеня!

— Это тебе спасибо, Вадим.

— Мне-то за что?

— К жизни настоящей вернул. Слушай, может, мне стоит заехать в центр да обрисовать Серданову обстановку?

— Нет. Сначала попробуем сами. Будет нужна поддержка, всегда сможем обратиться к командиру.

— Как скажешь. До связи!

— До связи!

Галдин выключил телефон, услышал сзади какой-то скрежет и поскуливание Султана. Он обернулся и увидел, что Дуневич попробовал сам выехать из дома. Пес пытался остановить его, явно предчувствовал нехорошую развязку этой затеи. Коляска свалилась бы с крыльца, если бы колесо не попало в щель у косяка.

— С ума сошел? — воскликнул Галдин и бросился к товарищу.

— Да вот попробовал сам, — виновато проговорил Вячеслав.

— Сам. А не подумал, что свалился бы с кресла и ударился бы своей дурной башкой о ступени или об землю?

— Рассчитывал потихоньку спуститься.

— Ты вот что. Дай слово, что больше никогда не повторишь подобной попытки. Или я прикажу Султану не выпускать тебя даже в сени. Поверь мне, он так и сделает.

— Слово.

— Ладно. Давай-ка я тебя выкачу. — Галдин спустил коляску с инвалидом на помятую траву.

Вячеслав закурил и сказал:

— Тошно мне, Вадим!

— Не налью. Только вечером перед ужином пятьдесят капель.

— Да не о том я. Не хочу водку. Тошно мне от бессилия. Вот ты что-то делаешь, участковый тоже всюду суетится. Вы хотите вытащить из поганых лап Сухобокова мою сестру. А я сиднем сижу на этом проклятом кресле.

— Лучше было бы, если бы ты лежал недвижимый, полностью парализованный?

— Нет, конечно. Звонил кому?

— Товарищу по отряду. Мне нужен напарник.

— Товарищ твой тоже в отпуске?

— Да. Но что-то там у него не пошло. Он с радостью согласился помочь мне и уже сегодня должен подъехать. Я хотел у тебя узнать, его «Хендай» по лесной дороге пройдет?

— Если снова дождь не вдарит.

— А тот, который был, не затопил дорогу?

— Черт его знает. Вообще-то, в лесу вода быстро впитывается, но сесть машина может. Это еще и от водителя зависит.

— Ладно, если что, я вытащу.

Тут телефон Галдина сработал сигналом вызова.

— Да.

— Это участковый. Извини, раньше говорить не мог.

— Был на докладе?

— И на докладе, и на смотринах.

— Вчера не получилось?

— Подъехал к поместью, Гвоздя нет, прождал два часа без толку, оставил тачку и пошел к себе. В сарае отыскал крышку трамблера, кое-как починил свой «УАЗ». Гвоздь же появился уже на хату поздно вечером. Пьяный. Только и спросил, есть ли результат поездки в Чернуху. Я начал отвечать, он махнул рукой. Мол, все завтра. Ушел, а в семь утра вновь появился у меня. Дескать, едем в поместье. Поехали. По дороге я рассказал ему о визите к вам. Изложил все так, как мы и договаривались.

— Поверил он? — спросил Галдин.

— Его не поймешь, но вроде да. Сказал, пусть, мол, сидят в Чернухе, чтобы греха лишнего на душу не брать. Потребовал письменный отчет.

— Он же бывший участковый, а у вас бумаг больше, чем в любой бухгалтерии.

— Это точно. Вот сейчас собираюсь составить отчет.

— Ты в поместье был?

— Да, но ты не перебивай, а то скачем с места на место. В общем, подъехали к поместью. Охранник на КПП или в сторожке, называй как

угодно, узнал машину и Гвоздя, открыл ворота. Въехали внутрь. Ты не представляешь, какая там роскошь.

— Меня не роскошь интересует, а план поместья.

— С этим нормально. Что увидел, все запомнил. Будет тебе план.

— Хорошо, что дальше?

— А дальше нас хмырь какой-то встречал у парадного входа в гостевой дом. Это был помощник Сухобокова, Лазунин Виктор Ярославович, молодой, лет двадцати семи. Видно, что человек образованный, а манеры лакейские.

— Так он и есть лакей. Там, в поместье, все сплошь шестерки Сухобокова.

— Провел он нас на второй этаж, в холл, оттуда в приемную. Там молодая, очень даже симпатичная блондинка. Костюм строгий, а глаза шлюхи. Она доложила боссу о нашем приходе и пустила нас к нему. Сухобоков сидел в кресле за столом. Глаза пронзительные, черные. Уставился на меня так, что мне даже не по себе как-то стало, потом указал на кресла. Присели. «Что, государство мало платит?» — спросил он. «Мало, — отвечаю. — Но дело не только в этом. Оно гнобит меня как может. А я работать хочу и, естественно, зарабатывать». Он усмехнулся и осведомился: «Какую зарплату ты считаешь хорошей?» «Тысяч пятьдесят, никак не меньше», сказал я. Он усмехнулся, потом опять вонзил в меня взгляд. Тут появился помощник, кивнул и вышел.

— Это они тебя на предмет прослушки проверяли, — сказал Галдин.

— Я догадался. Так вот, Сухобоков и говорит: «Я верным людям не плачу такую мелочь». Прикидываешь, для него пятьдесят тысяч — мелочь! Правда, он тут же добавил: «Но и на ветер деньги не бросаю. Даю их за конкретную работу». Я спросил, что это значит. Он: «Если прикажу завалить кого-нибудь, сделаешь? Безо всяких вопросов, несмотря ни на какие отношения, связи, родственные или дружеские?» «Завалю, — отвечаю, — если это будет хорошо стоять». Он опять засмеялся и проговорил: «Вот это и есть конкретная работа. Оплата по ней рассчитывается и производится отдельно, не считая тех шестидесяти тысяч, которые я буду выплачивать тебе каждый месяц. Но сначала ты должен написать бумагу о согласии работать на меня и отдать ее вот ему. — Он указал на Гвоздева. — Я выделю тебе машину. На новую и дорогую не рассчитывай, но вполне достойную получишь. С Гвоздевым в салоне подержанных автомобилей подберете подходящий вариант. С того момента, как подпишешь бумаги, никто из РОВД тебя прессовать не будет. Для начальства ты станешь лучшим участковым в районе. Проще говоря, о тебе

забудут. Нет, конечно, службу ты будешь продолжать нести, бумаги писать, самогонщиков гонять, бытовуху разруливать. Без этого не обойтись. Но главная работа — это служба мне. Понятно? Условия принимаются?» Я ответил, мол, да, конечно. На этом аудиенция и закончилась. После нее Гвоздь провел меня по поместью. Не знаю, для чего он это сделал, наверное, просто хотел похвалиться. Впечатлений, конечно, масса. Елену, к сожалению, не видел, это было бы чересчур, но расположение зданий и кое-что внутри запомнил. Из охраны в это время был один человек, сидел в сторожке. Некий Анатолий Соменко или просто Сом.

— Ты что, познакомился с ним?

— Нет. Гвоздь про него с водилой Сухобокова говорил, назвал имя и фамилию. Я запомнил, потом по базе данных пробил. Этот Сом служил во внутренних войсках, охранял эков в зоне. Сам местный. После увольнения пьяным избил жену. На него дело Гвоздь завел, потом закрыл. Наверное, тогда он и завербовал этого типа.

— Ясно. Значит, план составить можешь?

— Вадим, по-моему, я уже не раз говорил об этом.

— Гвоздь тебя ничем после визита в поместье не озадачил?

— Приказал под видом поиска самогонных аппаратов обойти Чернуху и аккуратно поинтересоваться, что местные видят на подворье Вячеслава. Обязательно спросить на этот счет бывшую учительницу. Это тяготит. Она же поймет, что мой интерес не случаен. За врага примет. Ведь Слава ей как родной стал.

— Ничего. Езжай в деревню. Расспрашивай местных. Мне тоже интересно, смотрят они за нами или нет. Я не стану предупреждать Марию Алексеевну о том, что ты с нами, но заранее подскажу ей, что тебе ответить. Когда ты намерен двигать в Чернуху?

— После обеда.

— А машину когда брать будете?

— Завтра с утра.

— В какой салон поедете?

— Не знаю. Наверняка в тот, владелец которого связан с Сухобоковым.

— Я вот думаю, как план усадьбы у тебя забрать.

— Если только прийти пешком ко мне на хату. Но не по проулку, а через сад. Забор невысокий, собак я не держу.

— Сегодня план составишь?

— Конечно.

— Тогда ночью, около двух часов, жди гостя.

— Я выйду в сад.

— Хорошо.

— Ты придешь?

— А кто же?

— Да, глупый вопрос. Все, пока.

— Ты молодец. До связи! — Галдин отключил телефон.

Дуневи́ч посмотре́л на него и спроси́л:

— Участковый сильно помог?

— Он был на территории поме́стья.

Дуневи́ч оживи́лся.

— Лену видел?

— Нет. Кто бы ему показал ее?!

— Плохо.

— Все идет по плану, Славик. Найдем мы Лену и вытащим ее. Слово даю. Приедет Снеги́рь, будем работать вдвоем да еще с Султа́ном. Нам ни одна охрана не помешает.

— Снеги́рь?

— Я тебе не называл имя товарища?

— Нет.

— Старший лейтенант Семен Снеги́рев. Кавале́р о́рденов Мужества, «За военные заслуги» и кучи медалей.

— А ты?..

— У меня два о́рдена Мужества и много медалей. Так что мы ребята не простые. Минздрав не рекомендует вступать в открытое противодействие с нами.

— Ну-ну, посмотрим, что вы за профи.

— Ты сомневаешься?

— Извини, если обидел.

— Да ты что, Славик? Может, на озеро тебя отвезти?

Дуневи́ч задума́лся, потом переспро́сил:

— На озеро? В принципе, клев еще должен быть, а я на рыбалке давно не был.

— А снасти есть?

— Всегда ловил только удочкой. Она у меня хорошая, телескопическая.

— Тогда ты сиди, а я пойду накопаю червей.

— Еще возьми хлеб. Лучше, конечно, сварить перловки, но вряд ли она есть, да и долго с ней возиться. Хватит червей и хлеба.

— Сделаю.

Вади́м не успе́л отойти, как во дворе появилась Мари́я Алексе́евна.

— Доброго вам утра, ребята. Гуляете?

— Гуляем, Мария Алексеевна, — с улыбкой ответил Дуневич.

— А я сегодня суп сварила и пельмени. Сама их делала. Вкусные, с магазинными не сравнить. Ну и молочка козьего с хлебушком взяла.

— Вы сильно тратитесь на меня, — сказал Дуневич и потупился.

— Да брось, Слава. У меня почти все свое или соседи дают. На хлеб разве трата. Себе беру, тебе тоже. Пенсия у меня хорошая, так что не думай об этом. Лишь бы на пользу.

— Вы очень кстати, Мария Алексеевна, — сказал Галдин.

— А что такое?

— Нам поговорить надо. Пройдемте в дом.

— Ну, надо так надо.

Вадим взял у нее узелок. Бывшая учительница по старинке умудрялась все переносить именно в нем. Так даже удобнее, чем в сумке. Там кувшин опрокинется, и не заметишь, а в узелке все чувствуешь через платок.

Они оставили Дуневича на улице и зашли в дом.

— Что-то случилось, Вадим? — спросила бывшая учительница.

— Вы знаете нового участкового?

— Знаю, но поверхностно. Я заканчивала работу в школе, он — последний класс. Ничего был парень.

— Почему был? Он и сейчас жив-здоров.

— Вадим, ты прекрасно понял, что я имела в виду. А почему ты спросил меня о Борисове?

— Он сегодня должен обойти деревню. Я случайно узнал об этом.

— Опять поиски самогонных аппаратов?

— Это его работа.

— Да? Он бы лучше проверил, что под видом водки и за немалые деньги продают в магазине. Люди этой мерзостью травятся. Самогон, по крайней мере, метилового спирта в себе не содержит. Устроили борьбу с алкоголем и сигаретами? Получайте результат. Народ опять махорку сажает и бидонами ставит брагу, благо есть из чего.

— Я не об этом, Мария Алексеевна. Конечно, участковый должен за всем следить, но я думаю, что он будет спрашивать вас обо мне.

— Почему?

— Я тут чужой человек.

— Так ведь он уже тебя проверял.

— Этого мало. Но давайте по теме. Если он спросит, чем я тут занимался, говорите правду. Забор, сарай, уборка и так далее. Какие разговоры ведем? Самые обычные, часто вспоминаем училище. О Елене не

говорим. Скорее всего, Вячеслав вообще не упоминал при мне о сестре. Но точно вы не знаете, потому как не подслушиваете. Обстановка здесь гнетущая, это понятно. Я, по вашему мнению, жду не дожусь, когда уеду отсюда. Главное, Мария Алексеевна, в том, что у нас нет никакого интереса к делам в поместье. Пожалуйста, говорите с участковым убедительно. Я с ним встречался. Парень он вроде нормальный. Но вы сами понимаете, что Сухобоков вряд ли даст ему работать самостоятельно. Такие участковые барину не нужны.

— Насчет барина ты верно выразился. Он самый и есть. Помещик-самодур, прямо как в старые времена.

— Так мы договорились?

— Можешь не беспокоиться.

— Хорошо. Договорились. А ты ведь что-то задумал насчет Елены, да?

— Я этого не говорил. Мы закончили разговор.

— Добро, не беспокойся. Но ты что-то задумал. Я долго прожила на этой земле и научилась разбираться в людях.

Галдин усмехнулся и заявил:

— А вот Борисова до конца не раскусили.

— Он не нужен мне, как и я ему.

— Это вопрос спорный. Особенно насчет второй части вашей фразы.

Мария Алексеевна промолчала, выложила на стол кастрюлю, чугунок, кувшин, хлеб и ушла.

А Вадим накопал червей, смял хлебный мякиш, достал из сарая удочку. Она действительно оказалась хорошей, с новой безынерционной катушкой.

Потом он покатил коляску с Дуневи́чем к озеру.

До него было не так близко, но и не особо далеко, километра полтора. Они вышли к так называемому местному пляжу, заросшему осокой. Хорошее место. В двух шагах от берега глубина уже под метр.

— Здесь и порыбачу, — сказал Дуневи́ч. — Ты, Вадим, коляску на тормоза поставь и кури в сторонке. Остальное я сам.

— Хорошо.

Он не только поставил коляску на тормоза, но и подложил под колеса обрубки бревна.

Дуневи́ч приготовил удочку, забросил ее и весь ушел в рыбалку.

Вадим курил в стороне. Он не понимал, что это за удовольствие — смотреть на красный поплавок, легонько качающийся на волнах. Но тот вдруг пару раз дернулся, чуть приподнялся и лег на воду.

Дуневи́ч подсек и начал яростно крутить ручку катушки. Леска из

воды выходила зигзагами, и вскоре в траве забарахтался первый карась. Очень крупный, килограмма на два, жирный и совершенно темный. Но озеро называлось Черным, скорее всего, из-за торфяного дна.

— Есть! — выкрикнул Дуневич. — Видел, как я его? Не перевелась еще рыба в озере. Сейчас вон какая клюет! Даже крупнее, чем в сезон.

«Как же мало человеку нужно для короткого, но все же настоящего счастья», — подумал Вадим.

Дуневич рыбачил второй час. Горка карасей, уже не таких здоровенных, и окуней выросла до приличных размеров. И уху сварить, и пожарить хватит.

Славик был так увлечен рыбалкой, что не обратил внимания на сигнал вызова телефона друга.

— Да, Сеня, — ответил Галдин.

— Время десять двадцать. Только что прошел эстакаду, выскочил на Загородное шоссе. Полет нормальный.

— Хорошо. С Людмилой не поссорился?

— Нет, когда надо, я знаю, чем ее взять.

— Поделишься опытом?

— Когда женишься.

— Ну, до этого далеко.

— А без жены тебе подобные уловки ни к чему.

— Тоже верно. Значит, ты на трассе?

— Да. Иду пока около ста километров в час. Но ты знаешь, у торговых комплексов светофоры, да и посты торчат перед мостом. Там придется сбросить обороты.

— Ты Переславль обойди по новой окружной.

— Это какой? Восточной?

— Да.

— До Переславля еще далеко. У вас как дела?

— Нормально, рыбу вот ловим.

— Рыбу? Сейчас? И что, клюет?

— Еще как.

— Что идет?

— Карась, окунь.

— Вы на озере?

— Да.

— Озеро — это хорошо.

— Давай, Сеня. Следующий сеанс связи после поста ДПС на въезде в Переславль. Я подскажу, как короткой дорогой выйти на объездную.

— Да, сэр. До связи!

Галдин отключил телефон, повернулся и увидел, что Дуневич сматывал удочку.

— Ты чего, Славик? Лови еще.

— Все, Вадим, клев прекратился.

— Так подкорми немного.

— Нет, у нас тут клюет или нет. Если не берет, то ничего не помогает, можно возвращаться домой. Своеобразная рыба в озере.

— Доволен?

— Еще бы! Хоть от мыслей своих на пару часов отключился. Ты завтра привезешь меня сюда? Без тебя я не доберусь.

— Если будет возможность. Сам понимаешь, мне работать надо.

— Да конечно. Тогда я сам попробую.

— Ну уж нет. Хочешь завалиться и лежать на холодной земле без помощи? Говорил же, что Султана к тебе приставлю! Он тебя не выпустит.

— Хороший пес. А чего его списывают?

— Не списывают, а отправляют на заслуженный отдых.

— Ясно.

— Завтра видно будет. Давай пока не загадывать?

— Хорошо. Ты уху варить можешь?

— Не пробовал.

— Придется Марию Алексеевну просить.

— Была бы рыба, Славик, а уж тот, кто приготовит, найдется. А рыбы у нас предостаточно. Сейчас соберу ее в сумку, и покатим домой.

Телефон Галдина вновь сработал сигналом вызова в 13.10, когда друзья уже пообедали.

— Слушаю, — ответил Вадим.

— Проехал пост ДПС на въезде в Переславль.

— Не остановили?

— Нет. Сбросил скорость, жду дальнейших ценных указаний.

— Идешь прямо до поворота на мост, спускаешься с него налево и дальше по главной. Выйдешь на развязку, по шоссе до первого поворота направо. За ним хорошая новая дорога. Там одна такая. Идешь по ней два километра, сбавляешь скорость, смотришь на правую сторону. Увидишь съезд на лесную грунтовку. Тебе на нее. Понял?

— Неужели там есть хорошие дороги?

— Представь себе, есть. Но, пожалуй, одна во всей области. Она ведет к некоему поместью.

— Какой-то шишки?

— Той самой, которая нас интересует.
— Понятно. Два километра, справа съезд в лес, далее по грунтовой дороге.

— Ты записываешь, что ли?
— Наношу маршрут на карту.
— А навигатор на что? — спросил Галдин.
— Он, по крайней мере тот, который стоит у меня, показывает, что до Чернухи надо ехать в обход озера. На нем нет никакой хорошей дороги и лесной грунтовки.

— Понятно. Если что, звони. Я держу «Рено» под парами, чтобы в случае чего тащить тебя.

— Будем надеяться, что этого не произойдет.

— Я понял. До связи!

— До связи!

Галдин отключился.

— Это твой друг, Снегирь? — спросил Вячеслав.

— Приедет, зови его Семен.

— Хорошо. Так это он?

— Да. Въехал в город. Я подсказал ему, как выйти на окружную.

— Слышал. Где-то через час будет.

— Если не застрянет. — Галдин посмотрел на часы. — Да, к Чернухе он выйдет в начале третьего. Это нежелательно, потому как светло. Но ничего, если потребуется, подождет. А я сейчас посмотрю, где можно поставить его «Хендай».

— А что смотреть, — проговорил Дуневич. — За сараем и кустарником поляна. От нее до болота метров пятьсот. Там можно оставить, а ночью в гараж загнать. Туда никто не сунется.

— Надо поглядеть на эту поляну.

— Если тебе делать нечего, то иди.

Вадим прошел за границы участка Дуневича, пролез через полосу высокого, сбросившего листву кустарника, увидел поляну. Она находилась в низине и от участка видна не была.

«Но не будет ли заметна машина? — подумал старший лейтенант. — Высота ее составляет почти полтора метра. Нет, не будет. И в гараж она поместится».

Он вышел во двор, и тут вновь прозвучал сигнал вызова.

Галдин включил телефон.

— Да, Сеня?

— Все же я сел на этой чертовой дороге. Тут лужи одна за другой. Я

сначала объезжал их, а потом решил идти прямо. Грунт вроде твердый. Две лужи прошел, а в третьей правым колесом ахнул в яму. Подергался туда-сюда и сел.

— Это где?

— От поворота меньше километра.

— Найду. Ты устанавливай буксировочную проушину, трос-стропа у меня есть. Выдвигаюсь к тебе.

— Думаешь, бампер разнесем?

— Не факт, посмотрим.

— Я попытаюсь домкратом приподнять машину, подсунуть под нее что-нибудь. Бревен тут полно.

— Давай, выезжаю. — Галдин зашел в дом и сказал Дуневичу: — Сел Снегирев, поеду тащить.

— По идее, должен был проехать.

— Должен был, но не проехал. Сунулся в лужи и попал в яму.

— Это оттого, что первый раз едет. Потом не сядет.

Султан встал перед Галдиным, ожидая команды. В глазах пса застыла просьба взять его с собой.

— Остаешься здесь, Султан! Нам бросать Славика нельзя. Слушай его команды и охраняй. Понял?

Пес лег перед коляской.

— Ну и молодец. Не скучайте. Как стемнеет, мы подкатим.

— Удачи! — сказал Дуневич. — Ты лопату возьми на всякий случай. В сенях она.

Галдин добрался до машины Снегирева в 14:40, вышел из «Рено» и сказал:

— Привет еще раз, Сеня! Что тут у нас?

— Да вот посмотри.

— Ого! По самый бампер сел. Зря дергался, только сильнее застрял. Вырубил бы двигатель сразу, сейчас проще было бы вытаскивать.

— Да я пытался назад сдать, сперва вроде пошло, и тут же влип.

— У тебя автомат?

— Нет, автомат я бы уже порвал, механика. Потому и дергался.

— Проушину вставил?

— Не видишь? На бампере справа.

— Эх, Сеня, интуиция мне подсказывает, что останешься ты без бампера.

— Ну и черт с ним. Лишь бы ты меня вытащил, а то я смотрю, внедорожник у тебя еще тот.

— Да я и сам подумал, что «Ниву» надо было взять. Но теперь поздно об этом. Давай выбираться. А чего ты не поднял передок домкратом?

— Приподнял немного, сколько смог.

— Незаметно.

Галдин достал из багажного отделения трос с карабином. Это была стропа грузовой парашютной системы, крепкая, быстрее машину пополам разорвешь, чем ее.

Он бросил один конец Снегиреву.

— Крепи, — сказал Вадим и сам зацепил карабин за крюк своей проушины, вкрученной еще в деревне.

— Готов, — сказал Снегирев.

— По машинам.

Офицеры сели в автомобили, стоявшие капотами один к другому. Галдин включил зажигание, скорость, медленно стал сдавать назад на полном приводе. Стропа натянулась, колеса внедорожника провернулись.

Галдин остановил машину, тут же чуть подал ее вперед, высунулся из окошка и заявил:

— Придется дергать, Сеня.

— Да понял уже. Дергай!

Но и сильный рывок ничего не дал. Бампер выдержал, машина Снегирева не сдвинулась с места.

Вадим вновь подал «Рено» вперед.

— Теперь держись! — Он ударил по газам и вновь ничего не добился. — Да что за твою мать!

Офицеры вышли из машин.

— Придется копать, — сказал Галдин. — Хорошо, что друг посоветовал лопату взять. Снимай свою тачку с домкрата, он теперь не нужен.

Снегирев убрал домкрат, содрал с себя куртку, бросил ее в салон и буркнул:

— Давай лопату.

Копать по очереди им пришлось около часа. В ходе праведных трудов Галдин излагал Снегиреву суть той проблемы, которую им предстояло решить. Семен был до глубины души возмущен беспределом, устроенным Сухобоковым.

— Да я его, этого шакала, собственными руками на куски порву! — заявил он. — Плевать мне на все его крыши. Потом пусть судят, сажают. По крайней мере буду знать, что одной гнидой на этом свете меньше стало.

— Не горячись, Сеня, — посоветовал другу Галдин. — Ты же

прекрасно знаешь, что в нашем деле главное — спокойствие, точный расчет и выверенные действия.

— Сухобоков не мина.

— Он хуже и опасней.

— С чего начнем работу?

— Пока участковый будет прощупывать ситуацию внутри, мы проведем разведку. Отдохнем и часика в четыре двинемся к озеру, оттуда — к поместью. Было бы неплохо иметь информацию о камерах видеонаблюдения, но вряд ли Борисов быстро ее раздобудет.

— Мы можем своими сканерами пробить территорию.

— А если камеры работают не постоянно?

— Тогда какой в них смысл?

— Он есть. Охранник в сторожке может через каждые пару минут переключать их. Этого достаточно для контроля всей прилегающей и внутренней территории. Мы же реально рискуем пропустить несколько камер. А попадем в поле зрения охранника, и тот поднимет тревогу. По словам Борисова, охрану поместья осуществляет один человек.

— Почему один?

Галдин поежился. Когда лопатой работаешь — жарко, сядешь отдохнуть — пробивает холод.

— Видимо, Сухобоков считает, что находится в полной безопасности. У него два личных охранника плюс Гвоздь. Они живут непосредственно в селе. В доме обитает помощник. Из города люди подтянутся быстро. В случае крайней необходимости силы подбросит начальник РОВД. Все рядом.

— А если атаковать сторожку?

— Охранник успеет подать сигнал тревоги. Незаметно к КПП не подойти. Если даже прорываться на машине, то нажать тревожную кнопку — дело нескольких секунд. Мы не знаем, где содержится Елена. Получим Сухобокова с помощником в заложники, да? В этом случае окажемся преступниками, и против нас будет работать спецназ. Нет, Сеня, надо действовать аккуратно.

Снегирев взял лопату, копнул, остановился и заявил:

— Слушай, Вадим, а если все же к Серданову обратиться?

— Не время. Пока сами поработаем.

— Я в нашем центре капитана Валиева видел.

— Алима? Он-то чего там делал?

— Сказал, что с Северцовым к полковнику по делам приезжал.

— Так и Северцов в Москве?

— Ну где же еще, если я их обоих видел в нашем центре? Впрочем, это было позавчера.

— А ты-то как там оказался? Ведь отдыхал на даче.

— В гробу я видел такой отдых. А как в центре оказался? Людмила меня за продуктами в Москву отправила. Я заехал к нашим, посмотрел Барона, с парнями поговорил.

— Северцов и Валиев реально могли бы помочь. Это управление специальных мероприятий, элитный спецназ. Ладно, проведем разведку, посмотрим, что Борисов скажет, решим, что делать дальше. Давай копай, а то до темноты здесь торчать будем.

Друзья закончили копать в 16.20. Потом Галдин отъехал, нашел место, где можно было развернуться, чтобы не тащить «Хендай» задом наперед. Водители перецепились и медленно поползли к участку Дуневича. Они заехали на поляну, высмотренную Галдиным, заглушили машины и вышли из них.

— Ты хочешь оставить мою ласточку здесь? — спросил Снегирев.

— Нет, сейчас пройдем в хату, потом посмотрим деревню и перегоним твою машину задами к гаражу. Так что не волнуйся. Твой несравненный «Хендай» будет стоять в гараже. Ты возьмешь «Ниву». Черт, ей надо ОСАГО сделать, то есть ехать в город. Но мне и так придется прокатиться в Переславль.

— Позволь узнать, зачем это тебе?

— Нам нужен свой человек в отеле. Кандидатура уже есть. Остается завербовать.

Снегирев усмехнулся и заявил:

— Сто против одного, что это одна из девиц, обслуживающих клиентов отеля. Я угадал?

— А если и так, то что? Девушка из борделя знает гораздо больше всяких там администраторов, официантов, портье.

— Ты не изменяешь себе, действуешь в своем стиле. Без девочек никуда.

— Помолчи, Сеня, и смотри под ноги, а то навернешься и сломаешь руку или ребра. Тогда зачем ты мне будешь нужен? Да и Людмила твоя меня не простит.

— Смотрю.

Они забрели во двор, там осмотрелись и прошли в хату.

Дуневич смотрел телевизор. Он выключил его, когда в комнату вошли Галдин и Снегирев, который нес при себе большую сумку.

Вадим представил Семена и Вячеслава друг другу и спросил у

Дуневи́ча:

— Здесь все спокойно?

— Да.

— А где Султан?

— Я выпустил его погулять. Он очень просился.

Пришлось Галдину выходить во двор.

— Султан! — позвал он.

Пес тут же возник рядом. В тени сарая просматривалась фигура еще одной собаки.

— Ах ты кобель! — проговорил Галдин. — Невесту себе умудрился найти.

Султан виновато прикрыл лапой морду. Сучка тявкнула, подзывая его.

— А ну тихо!

Султан заскулил. Он, естественно, не хотел идти в дом.

Вадим махнул рукой и заявил:

— А черт с тобой, гуляй. Хотя щенки в деревне нормальные появятся.

Султан не стал ждать другой команды и бросился к сараю.

Вадим вернулся в дом.

— Нашел пса? — спросил Дуневич.

— А что его искать. Далеко не уйдет.

— Почему не загнал домой? — поинтересовался Снегирев. — У меня для него пачка печенья припасена.

— Невеста к Султану пришла.

— Весь в тебя, — с ухмылкой сказал Снегирев.

— Очень смешно.

Семен понял, что веселье при тягостном состоянии Дуневи́ча не совсем уместно.

— Ты прости мое веселье, Слава, — проговорил он.

— Да ничего. А что, Вадим до сих пор ни одной юбки не пропускает?

— А он и в училище был таким?

— Там Галдину равных не было. Он у нас чемпион по самоволкам.

Вряд ли кто-то когда-то превзойдет этот рекорд.

— Скажи, а чего теперь в самоход бегать? Сейчас курсанты, как студенты. Отучился, посидел на самоподготовке и пошел в город. Даже наряд по столовой отменили, там теперь гражданские пашут. Осталось для караула межведомственную охрану привлечь. И чему научатся курсанты? Что это за офицер, который не знает, что значит за ночь почистить машину картошки, а потом еще до смены пахать в столовой? Как он подчиненных будет готовить? Или и в частях службу обеспечения отдадут штатским?

— Уже отдали, — сказал Дуневич. — Весной сослуживец по полку письмо прислал, сообщил, что служба особо не напрягает. Из нарядов — караул, парк да патруль.

— Ладно, давайте-ка, ребята, перекусим и отдохнем.

Дуневич посмотрел на товарищей и сказал:

— С ужином понятно. Вы проголодались, намаялись. А чего в такое время отдыхать? Целая ночь впереди.

— Ближе к рассвету, мы, Славик, пойдем к поместью, — ответил Галдин.

— Зачем?

— Разведка. Не забыл еще это слово?

— Не забыл. Но чего разведывать-то?

— Места, через которые можно скрытно проникнуть на территорию.

— Вы сильно рискуете.

— Не беспокойся. Мы знаем, что и как делать.

Неожиданно сигналом вызова сработал телефон Галдина.

— Кто это? — спросил Снегирев.

— Участковый. Только он и может, если не начальство, но тому вряд ли сейчас до нас.

Вадим угадал, звонил Борисов.

— Да, Миша, — ответил Галдин.

— Как дела?

— У нас все нормально. Друга встретил. Теперь нас трое. — Вадим взглянул на Дуневича и поправился: — Четверо со Славиком.

Тот только махнул рукой. Мол, какой из меня вояка.

— А я проверил деревню. О твоём, Вадим, приезде знают все, но никто не в курсе, чем ты конкретно занимаешься, — сообщил участковый.

— Что, не видели, как я забор исправляю, траву скашиваю?

— Все как один заявляют, что ничего не знают. Мол, да, приехал, а что и как, не наше дело.

— Молодцы. Значит, стукачей среди них нет?

— Мне ни один не открылся. Но этот факт не исключает присутствия хотя бы одного такого типа, имеющего личные инструкции Гвоздя.

— Ладно, что бывшая учительница?

— С Марией Алексеевной я поговорил основательно. Никто мне так доходчиво не объяснил, что представляет собой местная нынешняя власть, помещик Сухобоков и его прихлебатели. Отчаянная женщина. А как встретила меня! Это надо было слышать. Сказала только то, что должна была. Ты проинструктировал ее отменно.

— Ну и ладненько. Тебе есть что рассказать Гвоздеву?

— Есть, но мой отчет вряд ли его устроит.

— Пусть сам попробует поговорить с местными жителями. Вот только не получится у него. Эту паскуду никто и на порог не пустит. У тебя все?

— Нет, есть еще кое-что.

— Говори.

— Интересная штука, Вадим. Видеокамер в поместье навешано уйма, а рабочих из них всего четыре. Остальные — муляжи.

— Как четыре?

— Вот так. В сторожке пара мониторов. Каждый разделен на две части. Две камеры фиксируют подъезд к сторожке и дорогу, ведущую от села к деревне. Одна — передний вход. Четвертая смотрит на причал с катерами. Причем перед забором слепая зона шириной метров в пять.

— Почему так?

— Это ты у Сухобокова спроси.

— А Гвоздь как объясняет?

— Никак. Я что, идиот, спрашивать его о системе видеоконтроля?

— Верно. Спрашивать его нельзя. А как в сторожку-то попал?

— Случайно. Привез отчет по деревне, а Гвоздь поехал к каким-то родственникам в соседний район. Я ему позвонил, спросил, что делать с отчетом. Может, в город с собой взять? Ведь мы же с утра за машиной едем. Он в ответ, мол, больше делать нечего, как таскать бумаги. Оставь все на контрольно-пропускном пункте и свободен на сегодня. Я зашел в сторожку.

— Ясно. Что-то часто тебе везет.

— Но и это еще не все. Главное и самое важное я оставил на десерт.

— Не тяни резину, давай свой десерт, — заявил Галдин.

— Я из поместья решил вокруг озера проехать. Гвоздь говорил, ты вывозил Славика на рыбалку, приказал посмотреть, не вышли ли вы еще раз.

— Вот осведомленный черт. Это ему, конечно, кто-то из деревенских скинул.

— Необязательно. Мог и сам Сухобоков видеть. Окна его кабинета выходят как раз в ту сторону.

— А, ну да, точно. Об этом не подумал. Ну, поехал ты, и что?

— Выехал на эту самую правую сторону, и «УАЗ» заглох к чертовой матери. На этот раз катушка зажигания накрылась. Запасная была с собой. Начал менять. Не знаю, чего я вдруг посмотрел на особняк, но вот глянул и увидел кое-кого в одном из окон. Угадай с трех раз!..

— Неужели Лену?
— В десятку. Именно ее.
— В каком окне?
— В крайнем справа на третьем этаже. Там три отдельные комнаты за бильярдным залом. В них ведет металлическая дверь.
— А это откуда знаешь?
— Не поверишь, от жены Гвоздя.
— Погоди, она же повариха в поместье, да?
— Точно так. Видимо, носит еду Елене.
— Она что, сама подошла к тебе и сказала, что та содержится на третьем этаже?

Участковый усмехнулся и ответил:

— Нет, она просто возмущалась в кухне, да так громко, что на улице слышно было. Дескать, как же меня достали подъемы в закрытые комнаты за бильярдной. По три раза в день приходится лазать по внутренней лестнице туда-сюда. А жена у Гвоздя дама пышная, если не сказать толстая. Одышка у нее.

Галдин собрался с мыслями и проговорил:

— Значит, Елена, вероятнее всего, находится в закрытых комнатах третьего этажа, так?

— Да.

— А о какой внутренней лестнице говорила жена Гвоздя?

— Это еще один интересный факт. Парадную лестницу я видел. Она широкая, массивная, но идет только до второго этажа, где кабинет Сухобокова. На третий поднимается ее продолжение, далеко не такое роскошное. Что за внутренняя лестница, я пока не знаю. Думаю, она параллельная, потайная. По ней можно незаметно свалить из дома в сад.

— Так ты докопаешься и до подземного хода.

— А что? Возможно и такое. Ход к причалу или в лес.

— Ты сейчас где?

— У дома стою.

— Объехал озеро?

— Да, сменил катушку и объехал. Лена, между прочим, долго смотрела на озеро, в сторону деревни. Я отъезжал, она еще стояла у окна.

— А где в это время был Сухобоков?

— Наверное, в кабинете. Сегодня он вновь никуда не выезжал. У меня такое ощущение, что в поместье чего-то или кого-то ждут.

— Понятно. Давай на хату, отдыхай. Спасибо тебе за ценную информацию.

— Не за что. Одно дело делаем.

— Это так. До связи.

— До связи.

Глава 6

Как только Галдин отключил телефон, Дуневич и Снегирев одновременно спросили:

— Что, Вадим?

— Участковый составит план усадьбы. Охрана там всего из одного человека, он находится в сторожке. Из десятка видеокамер, установленных в поместье, только четыре работают, остальные — муляж.

— Жадность Сухобокова известна, — проговорил Дуневич.

Галдин же продолжил:

— Две камеры контролируют подъезд к сторожке, третья — парадный вход, четвертая — причал, часть озера и берега. Полоса метров пять шириной от тылового забора — слепая зона. Но главное, Борисов видел Елену.

Дуневич чуть не опрокинул кресло.

— Елену? Где?

— В крайнем правом окне третьего этажа восточной стороны особняка. Участковый узнал, что комнаты, расположенные в той части здания, закрыты металлической дверью. Еду Елене носит повариха, жена Гвоздя. На третьем этаже расположена бильярдная. Еще есть какая-то внутренняя лестница, о ней пока ничего не известно.

— Лена, — проговорил Дуневич, и на глазах у него выступили слезы.

— Не переживай, Слава, — приободрил его Галдин. — Видишь, работа идет, сбор информации начался. Мы знаем, что Елена содержится на третьем этаже. Кабинет и, скорее всего, спальня Сухобокова находятся на втором. Будет у нас и план особняка. Я в два часа мотнусь на село, там Борисов передаст мне его.

— Погоди-ка, — сказал Снегирев. — Ты же говорил, что будем отдыхать до четырех.

— Да. Ты отдыхай, а я съезжу в Санино.

— Успеешь?

— Что тут ехать?

— Не выспишься.

— Как будто в первый раз, Сеня. Ну все, ужинаем, и отбой.

В 1.30, когда Снегирев и Дуневич спали, Галдин поднялся, быстро надел старый камуфляж лесника, взял пистолет. Он тихо вышел из дома, почувствовал рядом дыхание и посмотрел вниз. У его ног, высунув язык и

глядя в темноту, сидел верный пес.

— Султан! — позвал его Галдин, и тот поднял голову. — А ты куда собрался?

Султан прижался к ноге хозяина и вильнул хвостом. Наверное, подумал, что человек задал ему глупый вопрос. Как это куда? С тобой.

— Со мной?

Пес встал.

— Ладно, поехали, охранять машину будешь.

Они прошли до «Рено». Султан, как и всегда, расположился на заднем сиденье.

Галдин завел машину, не включая фар, сдал назад. За сараем он развернулся, практически на ощупь вышел за поворот, там включил фары и двинулся по знакомой дороге. Помня опасения участкового, Вадим оставил машину метров за двести до проулка, откуда ее не было видно от участков Гвоздева и Борисова. Он посмотрел на часы, 1.52. Нормально.

— Охранять, — приказал Галдин Султану и пошел по дороге, прижимаясь к кустам.

Он добрался до изгороди огорода участкового, перемахнул через нее, перебежал в сад, остановился у старой яблони и осмотрелся. Вроде все спокойно.

Тут же от дома донесся какой-то шорох, а потом и тихий голос:

— Гость, ты где?

— Здесь, — ответил Галдин.

Участковый вышел на старшего лейтенанта.

— Кому не спится в ночь глухую, да, Миша? — с усмешкой проговорил Вадим.

— Мне ответить? — спросил Борисов.

— Не надо, давай план.

Михаил протянул ему тетрадный листок и проговорил:

— Сейчас темно, не видно ни черта. Я обозначил забор, озеро, ворота, сторожку, гараж, два гостевых дома, сауну, теннисный корт, хозяйственные постройки, аллеи. Заштриховал слепые зоны видеокамер. Рядом предварительная схема особняка. Все в нем я видеть не мог. Думаю, что смогу уточнить немного позже.

— Меня беспокоит и очень интересует внутренняя лестница, — сказал Галдин, пряча листок в карман.

— Меня тоже. На тебе камуфляж Дуневича?

— Да, а что?

— В нем тебя совершенно не видно, по крайней мере, ночью.

— Он и предназначен для этого. Что у нас по Гвоздю?

— Недавно вернулся. Я услышал звук двигателя, вышел в палисадник. Видел, как Гвоздя буквально выгрузили из его «Сузуки».

— Кто?

— Не местные и не из охраны. Наверное, те люди, к которым он ездил в гости.

— Скорей всего. Значит, крепко набрался?

— Я бы сказал, в хлам.

— Ну и хорошо. Вопрос, сможет ли он завтра ехать с тобой в город?

— Сможет. Как бы ни напивался, а утром встает огурцом и не похмеляется. Здоровый черт.

— Это пока. Все в этом мире проходит. Скажи, ты, будучи в Переславле, сможешь ОСАГО на «Ниву» Дуневича сделать?

— Не знаю. Все будет зависеть от того, останусь ли на время без Гвоздя. А это сомнительно. Впрочем, давай документы, попробую.

— Ты особо не напрягайся. У салонов всегда топчутся личности, желающие продать страховые полисы подешевле.

— Но это же по большей части «липа»!

— Однако на эту «липу» спокойно ведутся гаишники. Им плевать, что за полис, главное, есть и не прострочен. Когда авария произойдет, тогда проблемы с липовым полисом возникнут. А мы не собираемся попадать в такие истории.

— Ладно. Ничего не обещаю. Если будут продавцы левых полисов, то куплю.

— На, возьми. — Галдин протянул участковому банкноту в пять тысяч рублей. — Этого должно хватить.

— На липу уж точно хватит. Если что, я добавлю.

— Все, Миша, спокойной тебе ночи и плодотворного завтрашнего дня. Поехал я.

— На разведку сегодня выходите?

— Конечно. Твоя информация очень ценна, но мы сами должны посмотреть объект, как говорится, почувствовать его.

— Дело ваше.

— А ты не забывай про внутреннюю лестницу. Возможно, по ней нам удастся незаметно попасть к Елене.

— Стоит ли вам ночью мотаться?

— До связи, лейтенант.

— До связи. Ступай, я посмотрю.

Галдин дошел до машины тем же путем, глянул на Султана.

Пес был спокоен. Он поднял морду и посмотрел в глаза хозяина, ожидая команды. Значит вокруг все спокойно. Собака надежнее любого сканера, какой угодно прослушки. Галдин бросил Султану печенье, которое мигом исчезло в пасти.

Вадим сел за руль и завел автомобиль, не включая фар. Он помнил, что в трех метрах сзади и слева от него. Там Галдин развернулся и пошел к Чернухе.

Со всеми этими делами он управился за полчаса.

Вадим оставил Султана во дворе, приказал ему охранять дом и вошел в комнату.

Снегирев был уже на ногах, увидел Галдина и воскликнул:

— И где мы такой симпатичный камуфляж нашли, господин поручик?

— А ты чего раньше времени поднялся?

— Вадим, какая разница пятнадцать минут больше или меньше. Да выспался я. Мне бы этот камуфляж.

— Извини, второго такого же у Славика нет, только зимний. В нем спаришься сейчас.

— Ладно, придется свой вытаскивать.

Галдин посмотрел на Снегирева и спросил:

— Взял?

— Да и не только его. Про ствол я тебя спрашивать не стал. И так понятно, что надо запастись на всякий случай.

— И где же ты взял пистолет? Насколько я помню, тебя оружием не награждали.

Снегирев усмехнулся и заявил:

— Ты же опытный офицер, а задаешь детские вопросы.

— В смысле?

— Где можно взять ствол? Получить, как оно и положено, в оружейке нашего центра, купить у китайцев, которые подсунут дерьмо за бешеные деньги, либо воспользоваться знакомствами.

— Ты давай прямо, чего мутняк разводишь?

— Я же говорил тебе, что встретил в центре Валиева.

— Говорил, и что?

— Мы перетерли данную тему. В ходе разговора выяснилось, что у Алима, разумеется, совершенно случайно, под рукой оказалась одна стрелялка, нигде не зарегистрированная, да не простая, а именно такая, какая нам и нужна.

— Я тебе сейчас в морду дам!

— Ладно. Дал он мне «Винторез», который его парни у духов отбили.

К нему два магазина по двадцать патронов. Отличная вещь, пристрелянная. Я проверял, когда отъехал от центра.

Галдин посмотрел на Снегирева и протянул:

— Так у тебя «Винторез»?

— А у тебя, Вадим, по-моему, со слухом что-то не так.

— «Винторез», это хорошо.

— А я о чем. Особенно если он засветился у игиловцев в Сирии или в Ираке.

— Но откуда у них «винторезы»?

— Я думаю, из Саудовской Аравии. Россия же продает туда оружие.

— Возможно. Ладно, давай изучим план, который передал участковый.

Офицеры прошли за стол, включили небольшую лампу.

— Так, забор. Кирпич со столбами из камня, на них светильники, но я что-то не видел, чтобы они все горели. Только с фасада да по углам, внутри.

— Их, наверное, включают, когда высокопоставленные гости приезжают.

— Не исключено. Сухобоков же экономит на всем, на чем только можно.

— Кроме себя.

— И на себе экономит. Такая натура. Ладно, ворота и сторожка. Внутри единственный охранник, перед ним мониторы. Он может видеть дорогу, идущую от деревни в село, и всю площадку перед воротами. Слабое место в том, что он один. Это опять-таки результат жадности Сухобокова. На сутки заступают двое. Один сидит ночь, второй — день. Тот из них, который свободен, наверняка отдыхает в сторожке либо в правом от фасада гостевом доме. Если пара охранников из села, то у себя дома. Дальше мощный двор с фонтаном, который сейчас не работает, слева гаражи на четыре машины. В центре особняк. С востока от него еще один гостевой дом, с запада сауна с мансардой. За ней закрытый теннисный корт и хозяйственные постройки. От мощеного двора отходят аллеи, ведущие к сауне, теннисному корту, гостевым домам, хозяйственным постройкам, тыловой калитке и далее, к причалу. Повсюду, где только можно, сосны, ели, пихты, туи. Между ними высокий разросшийся можжевельник. Слева от особняка скважина в отдельной закрытой будке. ЛЭП к помещению не идет, значит, проложен кабель. Светильники внутри и на каждом столбе забора. Крестиками помечены работающие камеры. Сам видишь, где они установлены. Все остальные — муляжи.

— А что это за заштрихованные участки? — спросил Снегирев.

— Слепые зоны камер видеонаблюдения.

— Это получается, что охранник не видит ни восточное, ни западное направления. Но там лес, через него идет дорога.

— По ней участковый объезжал озеро. Контролируются фасадная площадка и двор перед особняком. Тыл поместья с теннисным кортом, садом, задней аллеей, хозяйственными постройками, калитку и северную полосу шириной до пяти метров охранник не видит. Он может разглядеть причал с катерами, пляж, большую часть озера. Странная система безопасности. На территорию можно спокойно войти сразу с трех направлений. Почему Сухобоков так беспечен? Может, у него есть дублирующая система охраны, которой он пользуется сам? Или муляжи — это сказка Гвоздя? Работают не четыре камеры, а все?

— Мониторы!

Снегирев посмотрел на Галдина и уточнил:

— Что мониторы?

— Их в сторожке только два, экраны разделены напополам. Следовательно, картинки идут с четырех камер.

— Это в сторожке. А если в доме сидит другой наблюдатель? С десятью мониторами?

— Все может быть. Для проверки информации участкового мы и выходим на разведку. У нас есть сканеры, которые точно узнают, какая электроника работает в поместье. Нам, Сеня, интересна тыловая сторона усадьбы. Оттуда и пойдем.

— А каким может быть наше итоговое решение? — поинтересовался Снегирев.

— Будем работать вместе с парнями Валиева. Я ведь и до тебя рассматривал варианты привлечения спецназа. Но для того чтобы убедить в этом начальство, нужны веские доводы. Так что до штурма особняка далеко. Но об этом позже. Время 3.59. Надевай свой камуфляж и выходи во двор. Я буду там.

— Султана берем с собой?

— Возьмем. В поместье нет собак.

— Почему?

— Потом расскажу.

— Лады, я быстро. А как насчет «винтореза»?

— Оставь тут. Хватит моего пистолета.

— Смотри.

— Давай, Сеня, поторапливайся! У нас мало времени.

В 4.10 офицеры вышли на тропу, ведущую к озеру. Их сопровождал Султан, который внимательно отслеживал обстановку и замечал то, чего не

мог уловить человек. Через сорок минут они уже были на углу восточного и северного заборов.

Друзья видели причал, катера, пришвартованные к нему и похожие на небольшие моторные яхты, пляж из белого песка, явно привезенного сюда. На берегу ни одного человека.

Они одновременно включили сканеры. Галдин принялся проверять северную часть забора, Снегирев — восточную. На это у них ушло десять минут.

Потом Галдин сказал:

— У меня, как и говорил участковый, работает только одна камера, смотрящая на причал, пляж и участок перед озером.

— У меня ни одной. Сканер не может ошибиться, он очень чувствительный.

— Значит, большинство камер и в самом деле дешевые муляжи. Идем к калитке.

Стараясь не выходить из пятиметровой слепой зоны, офицеры прошли до металлической плиты в заборе. Три отверстия в ней указывали на то, что замки там установлены солидные, сейфовые, отмычкой их не возьмешь. Работая камера мигала красным огоньком и поворачивалась через каждые две минуты градусов на пять.

Галдин указал Снегиреву на дверь и заявил:

— Крепкая калиточка. Такую только миной направленного действия рвать.

— А нам обязательно ее открывать?

— Нет конечно. Можно забраться на крышу теннисного корта или какой-то хозяйственной постройки, оттуда и действовать.

— Вдвоем не пробраться. Тыловой вход в особняк тоже наверняка накрепко закрыт. К парадному же незаметно не подойти. Охранник увидит на мониторе либо в окно. Если только крышу не прикрывают сосны с елями. Есть другой вариант. От большого забора до сторожки метров двести. Как раз расстояние для «винтореза».

— Предлагаешь снять охранника?

— Тогда он уж точно не подаст сигнал тревоги.

— Это не вариант. В дом без шума не пройти.

Султан тем временем начал копошиться под забором. Офицеры переглянулись и уставились на него.

— Ты что, Султан? — спросил Галдин.

Пес сел, взглянул на хозяина и наклонил голову. Мол, что же тут непонятного-то? Вам ведь надо внутрь, а забор высокий, вот я и делаю

подкоп.

— Нельзя, Султан!

Пес отошел в сторону.

Снегирев задумчиво посмотрел на яму, выкопанную этим умником.

— Что задумался, Сеня? — спросил Галдин.

— Там, где не пройдет человек, проберется собака. Мой Барон уже доказывал это.

— Ты о случае с заложниками в Эль-Нугуре?

— Именно. Барон через небольшую дыру проник в подвал и нейтрализовал террористку Софи Келли. Если бы не он, нам пришлось бы применять усыпляющий газ. Черт его знает, чем это закончилось бы. А так Барончик слегка покусал американку-наемницу, и заложники не пострадали.

Галдин взглянул на Снегирева и заявил:

— Сеня, а это же хорошая мысль.

— Ты о чем?

— Одежда Елены осталась в доме. Если дать Султану понюхать ее, привести его сюда, прорыть проход и запустить на территорию, то он, не привлекая внимания, проберется в особняк, более того, выйдет к комнатам, где содержится Елена.

— Допустим. Я даже согласен с тем, что он выйдет на третий этаж. Но ведь двери в комнаты закрыты.

— А жена Гвоздя?

— Что жена Гвоздя?

— Как, по-твоему, она передает пищу Елене? Через закрытую дверь?

— Нет конечно.

— Правильно, она открывает дверь и вряд ли захлопывает ее за собой, пока находится внутри комнат. Этим моментом может воспользоваться Султан.

— Хорошо, допустим, пес пройдет к Елене, а дальше что?

— Нам надо установить с ней связь. Подвесим к ошейнику Султана телефон, записку с сообщением о том, что мы ее друзья. Мол, позвони по такому-то номеру.

— Позвонит и будет просить вытащить ее отсюда. На что она еще способна, Вадим? Нет, это не пойдет. Так мы можем сами засветиться, пса погубить и провалить все дело. Мое мнение такое. Надо связываться с Сердановым и обговорить проблему с ним. Можно позвонить и Валиеву, если он еще в Москве.

— Хорошо, свяжемся. Черт с ней, с этой наркотой. Главное — Лену

отсюда вытащить и предать огласке все, что натворил Сухобоков. Если за него возьмутся ребята из антитеррористического управления, то этому подонку уже никакая крыша не поможет. А там, глядишь, и расколют по полной этого нувориша. Но ты представь, насколько проще будет работать ребятам из спецназа, если они получают связь с Еленой. Она же знает особняк как свои пять пальцев. Снегирев вздохнул и заявил:

— По-моему, Сухобоков спокойно воспримет появление спецназа. Ты говоришь, что надо предать огласке его преступления. А где доказательства? Елена в заложницах? Чушь, она по доброй воле остается в поместье. Люди Сухобокова изуродовали Славу? Тоже ложь. Неужели им больше делать нечего, кроме как заниматься каким-то лесником?

— Тебя, Снегирь, не понять. То одно говоришь, то другое.

— Размышляю, Вадим. Разведка — это не только тупой осмотр объекта, но и поиск вариантов действий. Пока у нас таковых нет, есть только сомнения. Давай закопаем яму, вырытую Султаном, и двинем обратно. Из дома свяжемся с Сердановым, послушаем его мнение. Иначе, Вадим, мы при всем желании ничего путного не сделаем.

— Хорошо, я свяжусь с Сердановым. Но если он прикажет прекратить самодеятельность и возвращаться в Москву, то я с Султаном пойду сюда и попытаюсь освободить Елену. В конце концов, не так уж и непреступен этот особняк. Да, у меня возникнут крупные неприятности, но и хрен с ними. Я Славику обещал, а слово свое держу всегда.

Снегирев улыбнулся и заявил:

— Иного я от тебя и не ждал. Если Серданов решит отозвать нас, то я пойду с тобой! Если отправляться под суд, то веселее вместе.

Когда офицеры вернулись в дом Дуневича, тот уже проснулся. Часы показывали 7.20. Галдин переоделся, помог ему привести себя в порядок, приготовил завтрак для людей и собаки. Друзья перекусили, выпили кофе.

День обещал быть ясным, относительно теплым, безветренным.

Дуневич выслушал рассказ Вадима о том, что дала разведка, и попросил вывезти его во двор. Галдин сделал это и на всякий случай оставил пса рядом с бывшим однокурсником.

Потом он прошел обратно в дом, выложил на стол рабочий сотовый телефон и проговорил:

— Восемь часов. Вроде рано еще звонить.

— Самое то, — сказал Снегирев. — В это время Серданов дома либо на дороге в центр. Ответит в любом случае. А вот позже, когда начнутся бесконечные совещания, планерки, доклады, ему будет не до тебя.

— Ладно, посмотрим, что из этого получится.

Галдин набрал номер командира отряда.

Тот ответил сразу:

— Серданов слушает.

— Старший лейтенант Галдин. Здравия желаю, товарищ полковник.

— Галдин? Не ожидал. Здравствуй. Что-то случилось?

— Так точно! Вы имеете возможность меня выслушать?

— Имею. Я только отъехал от дома, до центра добираться долго, не меньше часа. Выкладывай, что у тебя.

Галдин говорил около пятнадцати минут.

Серданов выслушал его, затем спросил:

— Как, говоришь, фамилия бизнесмена?

— Сухобоков Леонид Борисович.

— Так, ситуация мне понятна. Ясно и то, для чего ты вызвал к себе Снегирева. Вы собираетесь силой вытащить сестру твоего друга.

— Так точно!

— Ты хочешь, чтобы я дал на это «добро»?

— Я хочу, чтобы в спецслужбах знали, что вытворяют господин Сухобоков и его покровители, в том числе и в столице.

— Где-то я уже слышал о Сухобокове. Но сейчас не вспомню. Теперь насчет самостоятельности. Я запрещаю любые противоправные действия. Пока не разберусь, насколько серьезна проблема. Ничего не предпринимать, находиться в Чернухе! Я перезвоню.

— Понял, жду вашего звонка.

— Удачи! — Полковник отключил телефон.

Галдин сделал то же самое, посмотрел на Снегирева и заявил:

— Ну и что? Противоправные действия нам запрещены. Ситуация полковнику ясна. Он хочет оценить угрозу. Как разберется, перезвонит. Нам же пока велено не покидать участок Дуневи́ча. Вот так, Сеня.

— Еще не вечер. Нам пока неизвестно, какое решение примет Серданов в течение дня. А в том, что он разберется с ситуацией во взаимодействии с другими силовыми структурами, у меня нет никаких сомнений. Серданов — человек слова.

— Тогда мы с тобой сидим на этом хуторе?

— Придется. Но торчать тут будешь ты. Тебе светиться нельзя, а я свожу Слави́ка на рыбалку. Прими Марию Алексеевну, хотя она уже здесь, — сказал Галдин, глядя в окно.

Бывшая учительница не пошла в дом. Она поговорила с Дуневи́чем на улице, передала ему узелок побольше прежнего, тяжело вздохнула и пошла к деревне.

Офицеры выбрались во двор.

Дуневи́ч поднял узелок и сказал:

— Вот, Мария Алексеевна принесла. Это уже не на одного. Неудобно как-то. Я ей сказал, что у нас есть продукты. Она заявила, что такой борщ нам никто не сварит. А у самой денег в обрез.

— За это, Славик, не беспокойся. Заплатим.

— Не возьмет.

— А банки на что? Откроем счет и положим деньги туда. Но это потом. Ты как смотришь на то, чтобы еще разок прокатиться до озера?

Дуневи́ч оживился.

— С удовольствием.

— Мне копать червей, мять тесто или все же сварить перловку?

— Хватит червя. Сегодня на тесто и перловку рыба не пойдет.

— А ты откуда знаешь? — осведомился Снегирев.

— Ребята, я здесь родился, вырос, с малых лет рыбачил. Еще с дедом, потом с отцом. Знаю, когда и на что клевать будет.

— Ладно. Снегирь, заberi узелок и займись обедом. Мы пару часов посидим у озера. Султана я оставлю с тобой, он обеспечит охрану.

— Хорошо, — сказал Снегирев, забрал узелок и ушел в дом.

Галдин накопал червей и покатил коляску с Дуневи́чем к озеру.

На берегу он заметил, что Вячеслав смотрит на особняк, и спросил.

— Тоже надеешься увидеть Елену?

— Почему нет, если ее видел участковый?

— Возможно, она и выглянет, но ты не акцентируй внимание на особняке. Сейчас нас могут видеть Сухобоков или его помощник. Окна кабинета выходят на нашу сторону.

Дуневи́ч вздохнул, взялся за удочку и занялся рыбалкой. Сегодня клев был не такой интенсивный, как в прошлый раз, но за час Дуневи́ч сумел вытащить на берег пяток приличных карасей и тройку окуней.

Пока он занимался любимым делом, Галдин прогуливался по берегу и бросал взгляды на окна третьего этажа. Но они были закрыты плотными шторами, которые не шевельнулись.

Через два часа клев оборвался так же внезапно, как и раньше. Дуневи́ч был доволен. Он наловил рыбы и на уху, и на жаркое.

Галдин покатил коляску назад. С момента разговора с Сердановым прошло более двух часов, и тот пока не перезванивал. Обычно командир отряда делал все быстро. Что сейчас тормозило его? Проблема являлась куда более серьезной, чем казалась из Чернухи?

Серданов позвонил в 13.25, когда офицеры собрались обедать.

Галдин вытер руки о полотенце, взял сотовый телефон.

— Да, товарищ полковник?

— Вы все в деревне?

— Так точно!

— Поместье?..

— А что поместье?

— Обстановка там вам известна?

— Недавно был на берегу озера, возил друга на рыбалку, два часа скрытно наблюдал за объектом. Все тихо, по крайней мере на двух верхних этажах особняка, которые видны от озера. Нет никакого движения машин.

— Нам надо встретиться.

От этих слов Галдин едва не поперхнулся.

— Встретиться? Хотите сказать, что вы и я?..

— Да! — прервал старшего лейтенанта полковник. — Ты и я в укромном месте, чтобы ни одна посторонняя душа не узнала об этом.

— А где?

— Это определи ты.

— Могу выехать в Переславль.

— Чтобы засветить машину? Нет, это не пойдет.

— Тогда остается одно. Вам придется приехать к нам.

— В Чернуху?

— Ну, зачем? Есть место по дороге, где можно встать.

— Давай координаты этого места.

— У меня обычная туристская карта.

— Тогда объясняй по ней.

Галдин быстро сориентировался. Он растолковал Серданову, что тому надо будет проехать от Переславля до поворота в лес и встать на широкой поляне, которая будет справа, перед небольшой балкой.

— Ты уверен, что это самое безопасное место? — спросил полковник.

— Так точно! От деревни два километра, от села метров шестьсот, от поместья километр. Главное в том, что проезжих дорог от названных пунктов к этому месту нет. Этой дорогой вообще практически никто не пользуется, особенно осенью. Да и некому, по большому счету. Народ бросает деревни. Почти все мужики в городах работают. А отморозки Сухобокова в лес носа не кажут, чего-то побаиваются. Они мастера только на то, чтобы толпой калечить одного.

— Хорошо, повторяю маршрут. — Серданов сделал это и спросил: — Все верно?

— Так точно!

— Думаю, где-то к девятнадцати двадцати мы будем на месте.

— Разрешите узнать, кто это мы?

— Я, Холин, Валиев.

— Командир группы управления спецмероприятий?

— Да. Только не спрашивай, что и почему. С восемнадцати пятидесяти жди на этом самом месте. Снегирева держи при себе, ему контролировать северные подходы к дороге и поляне.

— Понял.

— Все! До встречи!

— До встречи!

Полковник отключил телефон, то же самое сделал Галдин. Дуневич и Снегирев смотрели на него.

— Так, мужики, неожиданный поворот дела, — сказал он.

— Что такое? — спросил Снегирев.

— А ты по моим словам не понял?

— Понял, что Серданов интересовался, как скрытно доехать до Чернухи.

— Он, Сеня, сам выезжает сюда.

— Что? Сам Серданов к нам?

— Не только Серданов и не только к нам. — Вадим довел до друзей суть разговора с командиром отряда.

— И капитан Валиев с ним? — спросил Снегирев.

— Именно.

— Что это за капитан такой? — поинтересовался Дуневич.

— Это, Славик, командир боевой группы управления специальных операций.

— Тот самый элитный спецназ, который поддает жару игиловцам в Сирии?

— И не только в Сирии. Эти ребята способны решить любую боевую задачу в какой угодно части земного шара.

— А спецназ-то при чем в наших делах?

— Вот и я пока не пойму. Но если сам Серданов решил сюда приехать, то это, парни, не шуточки. Видимо, назревает большая игра. Но что могло так задеть командира в моем разговоре с ним? Ведь он не мог выдернуть Валиева без разрешения полковника Северцова, командира отряда управления спецопераций.

Снегирев пожал плечами и сказал:

— Значит, мы многого не знаем.

— А что нам знать? — воскликнул Галдин. — Мы должны вытащить

из беды Елену и наказать всех тех негодяев, которые виновны в инвалидности Славика и в убийстве соседа Марии Алексеевны.

— Гадать бессмысленно. Приедет Серданов и все расставит по своим местам.

— Да, он расставит. Так напряжет, что будем сайгаком прыгать вокруг поместья, а то и внутри.

Дуневич улыбнулся и заявил:

— В нашей полосе сайгаки не водятся.

— Да? Ты их увидишь, — ответил Галдин. — Двое уже сейчас перед тобой. Да еще какие сайгаки. Забор поместья перемахнем на раз-два. Но ладно, обедаем.

В 15.20, когда Галдин проверял и заправлял машину, его сотовый телефон сработал сигналом вызова. На экране высвечивался номер участкового. Раз прошел вызов, значит, Борисов поставил в окончании звездочку. Из этого следовало, что можно говорить свободно.

— Привет, Миша!

— Здравия желаю!

— Что у тебя?

— Я еще в городе.

— С чем тебя и поздравляю. Взяли машину?

— Да, «Мицубиси Аутлендер», четырехлетний, но хороший, пробег...

— Вот что меня сейчас больше всего волнует, так это пробег твоей новой тачки, — перебил его Галдин.

— Извини. Я, конечно, по другому поводу звоню. Тачку мы брали в автосалоне «Южный», владелец которого напрямую зависит от Сухобокова. Он двести тысяч скинул по первому его звонку. Потом мы поехали в отель «Алые зори».

— Ну и как тебе там?

— Нормально. Но главное в том, что Гвоздь в ресторане встречался с администратором отеля и еще каким-то мужчиной. Кстати, на это время из зала был удален весь персонал, включая бармена.

— Тебя что, оставили?

— Мне подали обед. Я сидел через несколько столиков от компании и кое-что слышал.

— Что именно?

— Разговор шел о наркоте. Я по обрывкам фраз понял суть. У Артура, администратора этого, голос громкий, да и сам он человек крикливый. Я врубился, что Гвоздь и Сухобоков ждут крупную партию наркоты. Мужик, который сидел рядом с Артуром, возмущался, что подорожал кокс. Тут и

так, мол, запредельные цены. Артур успокоил его. Дескать, не волнуйся, продадим. Наркота — это не сигареты. Их втридорога не возьмут, купят махры, а без кокса наркоманы жить не могут. Это все, что я слышал. Потом они уже не нервничали, говорили тихо. Меня же, когда пообедал, попросили выйти. Я теперь на улице.

— Ты в зоне видимости видеокамер отеля?

— Нет, я прошел через арку к дороге.

— Это правильно. Насчет наркоты ты ничего нового не сообщил. Я знал, что там можно взять и кокс, и марихуану. А вот о крупной партии, которая ожидается людьми Сухобокова, информация важная и интересная. После отеля собираетесь домой?

— Не знаю. Скорее всего, да. Но у Гвоздя могут быть и еще какие-то дела.

— А насчет ОСАГО?

— Сделал. Вернее, купил. Страховая компания мутная, но реально существующая. Полис у меня. Заплатил три тысячи. Сдачу и бумагу отдам при встрече.

— Ты на эти две тысячи бензина заправь. У нас кончается.

— Понял, сделаю. Но это уже по пути в Санино.

— Как получится.

— Так, Гвоздь вышел из отеля, связь прекращаю.

— Удачи!

Участковый отключился.

В 18.30 Галдин оставил Султана охранять Дуневича и вместе со Снегиревым осторожно выехал с участка. Через десять минут они были на месте. Семен, вооруженный «Сайгой» Дуневича, зашел в лес. Задачу ему по дороге поставил Галдин.

Вадим отвел внедорожник немного левее. Поляна, расположенная у края болот, лежала перед ним. Он осмотрелся и присел на пенек.

Ожил сотовый телефон. Вадим перед выходом поставил его на вибровывоз. Звуки по темноте да в безветрие разносились далеко. Не как по воде, но все же.

Он увидел номер Серданова и ответил:

— Слушаю!

— Мы в двух километрах от места, обозначенного тобой.

— Ну а я на этом самом месте. Снегирь в лесу.

— Добро.

Связь прервалась.

Вскоре в лесу запрыгали огни фар, переключенных на ближний свет.

После чего на поляне появился мощный джип. Галдин вышел на середину дороги, показал рукой направление. Джип свернул и остановился. Двигатель замолчал, фары погасли. Из машины вышли полковник Серданов, капитаны Холин и Валиев.

Галдин подошел к ним.

— Еще раз здоровья желаю, товарищ полковник!

— Здравствуй, Вадим. — Серданов осмотрелся и заявил: — Да, местечко ты выбрал действительно дремучее. Тут поблизости случайно кот ученый по цепи кругом не ходит? Русалки на ветвях не сидят?

— Никак нет, товарищ полковник. Тут только леший бродит в лице старшего лейтенанта Снегирева.

— Понятно. А прохладно.

— Сырость, болота рядом. Да и температура всего градусов пять.

— Тогда, может, в машине устроимся?

— Я только за.

— Идем в джип.

Галдин пожал руки Холину и Валиеву, опустился на переднее сиденье. Рядом с ним устроился Холин, сзади — Серданов и Валиев.

— Чем вызвана наша встреча? — осведомился Вадим.

— Ты не спрашивай, а слушай, — ответил полковник.

— Слушаю.

— Как ты позвонил, я связался с ФСБ, потом с Главным управлением по контролю за оборотом наркотиков МВД и узнал следующее. Наркоконтроль уже год пасет отель «Алые зори». Им известно, что товар туда поступает из Узбекистана, от Карима Мурадова, известного наркодельца, организовавшего целую сеть по торговле дурью и оружием. Он переправляет наркотики в Россию, страны Восточной Европы. Его люди закупают оружие на Украине и переправляют морем в Турцию, оттуда оно идет в банды ИГИЛ. По Мурадову активно работают спецслужбы Узбекистана и Туркмении. До сих пор в отель поступали небольшие партии отравы, остальные проходили мимо. Сейчас ситуация изменилась. По данным, полученным из Узбекистана, Мурадов и его помощники решили не распыляться, оставить один путь, по которому пойдет их товар. Через Переславль и Сухобокова, который пока об этом не знает. Он ожидает партию, но для себя. А придет груз, который надо будет гнать дальше.

— Как Мурадов мог принять решение, не согласовав его с Сухобоковым? — спросил Галдин.

— Наверное, есть причины. Весьма вероятно, что Сухобоков отказался от такого предложения. Одно дело — покупать наркоту для

распространения среди клиентов отеля. Совсем другое — участие в крупном трафике. А так, когда прибудет солидная партия, ему просто деваться будет некуда. Придется принимать правила игры, продиктованные Мурадовым.

— Это ладно. Но мы-то здесь при чем, Леонид Андреевич? Пусть наркоконтроль берет дурь и торговцев. Тогда наша проблема разрешится сама собой.

Серданов покачал головой и сказал:

— Не все так просто, Вадим. Конечно, наркоконтроль возьмет и курьеров, и груз, и покупателей при его передаче. Они, естественно, сдадут своих боссов, но обязательно предупредят их о провале сделки. У них наверняка предусмотрен, допустим, сигнал с мобильного. Пройдет он, и Сухобоков будет знать, что акция провалилась. Даже если к этому времени поместье будет окружено, он постарается избежать захвата, прикроется заложником. А кто у него есть?

Галдин выдохнул и сказал:

— Елена.

— Вот. Посему мы, руководители спецподразделений, посоветовались, получили соответствующие разрешения и решили использовать тебя, Снегирева и Валиева. Ваша задача — не дать Сухобокову укрыться в поместье.

Галдин посмотрел на Серданова и спросил:

— Это значит, что вы даете «добро» на проведение акции по освобождению Елены не совсем законным способом?

— Пусть этот грех остается на моей совести.

— Так это совсем другое дело! С нами уже работает новый участковый, лейтенант Борисов, который по моей просьбе вошел в доверие к начальнику охраны поместья. Он передал мне схему этого элитного гадюшника, определил, где находится Елена. Нам известна система охраны, точнее сказать, мы знаем, что таковая практически отсутствует.

— В смысле?.. — спросил полковник.

Галдину пришлось объяснять Серданову, как охраняется поместье.

Тот аж присвистнул и проговорил:

— Странно. Похоже, этот самый бизнесмен действительно уверен в своей полной безопасности и неприкосновенности.

— У него солидная крыша. При необходимости он может быстро подтянуть человек шесть-семь. Большого ему пока и не требовалось. Он до сих пор спокоен только благодаря тому, что по нему не работают на федеральном уровне. Его люди чуть ли не открыто обсуждают скорое

получение товара.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Холин.

— Участковый сегодня ездил в город вместе с начальником охраны... — Галдин озвучил информацию, полученную от Борисова, и добавил: — Так что бандюки реально не видят никакой опасности в предстоящей сделке.

— А не специально они завели этот разговор при участковым? — спросил Валиев.

— Нет, капитан, — ответил Серданов. — В этом нет никакой необходимости. Вадим прав, бандиты не знают об угрозе, которая нависла над ними. Это результат кропотливой работы наркоконтроля.

— Мы можем немедленно начать подготовку акции по освобождению Елены Дуневич? — спросил Галдин.

Полковник улыбнулся и заявил:

— Готовить можешь. Валиев остается с вами. При необходимости он вызовет своих подчиненных.

Серданов взглянул на Валиева и спросил:

— У тебя сейчас в Москве вся группа?

— Нет, двое. Те самые парни, с которыми я работал в сирийском городке Эль-Нугуре. Но их вполне достаточно для решения поставленной задачи. Плюс Галдин с напарником и собакой. Будем смотреть и думать, как отработать поместье.

— Смотрите и думайте, но никаких действий без моего личного приказа!

Валиев взглянул на Серданова и поинтересовался:

— А что, товарищ полковник, я уже подчинен вам?

— Да, Алим. Можешь запросить подтверждение у своего непосредственного начальника полковника Северцова.

— Зачем же. Я вам верю.

— Это не все. Заместитель начальника наркоконтроля генерал-майор Харанов Андрей Сергеевич просил прозондировать отель «Алые зори» на предмет внедрения туда своего человека либо вербовки кого-то, уже работающего там. Это возможно, Вадим?

Галдин улыбнулся и ответил:

— Да я уже практически завербовал человечка в отеле. Был я там. Зашел посмотреть, что это за заведение. Снял люксовый номер. Ничего, вполне приличный. Забрел я в ресторан, а там ко мне девица местная подсела. Слово за слово, в общем, ночь вместе провели. Эта барышня влетела мне в копеечку, но она того стоит.

— Ты и тут успел отличиться.

— Не потехи ради, работы для.

— Ну и что? Снял девицу. Дальше?..

— Разговорчивой она оказалась, рассказала много интересного. Я спросил, можно ли наркоту в отеле найти. Она ответила, что запросто, через Руслана.

— Что это даст нам?

— А то, что эта девушка, Инга Крутова, предложила мне встретиться. Но не в отеле, где у нее половину выручки отнимают, а дома.

— Дома? — Серданов задумался. — А это хорошая мысль. Адрес известен?

— Конечно. Улица Беляева, дом четыре, квартира два. Напротив войсковой части.

— Так ты, значит, можешь там с ней встретиться?

— Да, когда она будет свободна.

— Ты должен сначала позвонить?

— Да. Если барышня не занята, то заехать.

— Отлично. Готовься встретиться с девушкой у нее дома.

Галдин посмотрел на Серданова и заявил:

— А чего тут готовиться-то? Для этих дел я всегда как юный пионер.

— Тебе надо будет только встретиться с ней, пробить хату через сканер и подать сигнал об отсутствии опасности.

— Это значит, что к нам придут ребята из наркоконтроля и обломают мне все удовольствие, не так ли?

— Не будут же они ждать, пока вы там всласть накувыркаетесь!

— Могли бы и подождать.

— Ты понял задачу?

— Так точно. Когда начинать?

— Завтра.

— Понял.

— Как договоришься, звонок мне. Далее по плану. Определяешь время встречи, являешься к мамзели, сканируешь хату, подаешь сигнал и уходишь, когда придут парни, которые займутся ею.

— Как-то нехорошо получается, Леонид Андреевич.

— Нормально. Нам нужен свой информатор в отеле. Для этого придется самую малость припугнуть эту девицу. Все, этот вопрос больше не обсуждается!

— Понял. — Галдин вздохнул и заявил: — Представляю, сколько нелестных слов будет сказано Ингой в мой адрес.

— Тебя это волнует?

— Да, волнует. Но я подчиняюсь.

— И правильно делаешь. Серданов повернулся к Валиеву и распорядился: — Завтра же подтянешь сюда, на подворье Дуневи́ча, своих людей.

— Ясно, — ответил командир боевой группы. — Есть один вопрос.

— Давай.

— Экипировка, оружие?

— С собой иметь все необходимое. Галдину будет достаточно наградного пистолета, который сейчас при нем.

Вадим удивился. Как полковник узнал про пистолет. Или увидел выпуклость под курткой?

— А что насчет Снегирева? — спросил полковник.

— У него есть оружие, — ответил Галдин.

— Откуда? В центре он не получал, наградного не имеет.

Валиев взглянул на Вадима, тот быстро сориентировался и сказал:

— Он взял «Сайгу» Дуневи́ча. Для акции в поместье она годится.

— Согласен. Теперь о прикрытии. Действовать будете самостоятельно. Задача — освободить Елену Дуневи́ч и заблокировать Сухобокова. Чтобы у прокуратуры не возникло никаких вопросов, на время вашей работы в поместье рядом будет находиться подразделение Росгвардии. Его курирует полковник Тагуров Виктор Михайлович. Как решите задачу, гвардейцы войдут в поместье и заменят вас. Елену на время придется изолировать, спрятать получше.

Галдин посмотрел на Серданова и заявил:

— Через огонь и воду пойдем мы, а медные трубы, как и всегда, достанутся другим.

— Чем ты недоволен, Галдин?

— Ну что вы, Леонид Андреевич, доволен всем.

— Участковому полностью доверяешь?

— Да.

— Тогда неплохо было бы, если бы он тоже участвовал в акции.

— Как получится.

— Еще раз повторяю, пока работает наркоконтроль, вы занимаетесь только подготовкой акции.

— У меня связь с командиром подразделения Росгвардии будет?

— Решим. Завтра работай по девице.

— Да, понял.

— А если понял, то совещание объявляется закрытым.

Галдин и Валиев с большой сумкой вышли из джипа. Тот развернулся и пошел в сторону выезда на дорогу, ведущую к Переславлю.

— Снегирь! — позвал Вадим.

— Я! — Тут же отозвался старший лейтенант.

— Не замерз?

— Нормально.

— Выходи, домой едем.

Глава 7

Султан настороженно отнесся к появлению капитана Валиева, но тут же сменил гнев на милость.

— Свой! — сказал ему Вадим, и пес спокойно лег у кресла Дуневича. Он не получил приказа, отменяющего охранные функции.

Галдин познакомил Дуневича с Валиевым, и друзья решили отметить начало настоящей совместной работы. В сумке у капитана лежали не только боевая экипировка и оружие — такой же «винторез», как и тот, который он передал Снегиреву, и пистолет с глушителем. Там хватило места еще и для двух бутылок водки.

Снегирев взялся за приготовление ужина. Султан уже принял норму, положенную ему, отошел к двери, где и развалился на полу. Валиев принялся названивать подчиненным.

Сотовый телефон Галдина сработал сигналом вызова.

Старший лейтенант подумал, что полковник забыл что-то сказать, но звонил участковый.

— Привет, Вадим!

— Привет.

— Я на селе.

— Вы только что вернулись?

— Да. Гвоздь заезжал к своему старому товарищу. Они когда-то служили вместе или учились, я точно не понял. В общем, надрался Гвоздь как свинья. Выгрузил я его у дома, дотащил до крыльца, жена Нинка приняла груз.

— Ясно.

— Я чего звоню-то. Залил три канистры. Как передать бензин и страховку на «Ниву»?

— Придется опять ехать в лес.

— Что значит опять?

— Да были там дела. Ты-то сможешь?

— Прямо сейчас, без проблем.

— Ну и отлично. Давай встретимся на дороге перед поворотом, если смотреть от подворья Славика в твой проулок. Заодно кое-что обсудим.

— Понял, буду на «УАЗе».

— Что, жалко новую тачку?

— Не хочу, чтобы в ней запах бензина остался.

— Что ж, тоже верно. — Галдин отключил телефон.

Снегирев от электроплиты поинтересовался:

— Далеко собрался?

— Борисов бензин привез. У него же и страховой полис на «Ниву».

— Это хорошо. Сколько ждать?

— Вы не ждите, ужинайте. Я потом перекушу. Мне еще надо ввести участкового в курс дела.

— Как скажешь. А водочки тебе оставить или как?

— Оставить.

— Будет сделано.

Галдин вновь выехал на лесную дорогу. «УАЗ» участкового он увидел загодя. Рядом с ним стоял Борисов.

Вадим вышел из машины, а Михаил достал из багажника три канистры. В баке «Рено» еще осталось литров пятнадцать. Галдин залил туда полторы канистры, столько же оставил на «Ниву».

Борисов передал ему документы.

— Спасибо, Миша. Что бы мы без тебя делали?

— Поехали бы в Переславль и купили полис вместе с бензином.

— Нет, нам лишний раз по дороге шастать противопоказано.

— О чем хотел поговорить?

Галдин довел до участкового суть разговора с полковником, сообщил ему о приезде командира боевой группы элитного спецназа и завтрашнем прибытии двух его подчиненных, описал общую задачу.

— Во как? — удивился участковый. — Такой приказ отдал твой начальник?

— Да. Так что теперь наша деятельность вполне законна. По крайней мере таковой она будет выглядеть в отчете, и ни один прокурор не подкопается. Мне дано распоряжение привлечь тебя, разумеется, по возможности и с твоего согласия.

— Я согласен.

— Тогда старайся почаще заходить на усадьбу. Надо, чтобы все там к тебе привыкли.

— Но Елена ничего не знает. А ее надо бы предупредить.

— Я думал об этом. Если не представится случая, попробую запустить Султана.

— О каком случае ты говоришь?

Галдин покачал головой и ответил:

— Пока не знаю.

— А если не представится, ты пошлешь пса прямо в дом, да?

— А где еще, по-твоему, он может найти Елену?
— Извини, глупость сказал. Ладно, пока все?
— Да, пока все. Еще раз спасибо.
— Да прекрати ты благодарить.
— Да, конечно, одно дело делаем, — с улыбкой проговорил Галдин.
— Не вижу ничего смешного.
— А я и не смеюсь. Давай!.. Завтра мне в город, а ты суетись, Миша.
От тебя зависит многое. Но сейчас отдыхай.

— Разрешаешь?
— Приказываю.
— Что-то у меня начальников слишком много стало.
— Это ненадолго. Скоро останется только обновленное руководство
РОВД и УВД.

— Будем надеяться. Удачи!
— Давай!
Галдин проехал к дому Дуневича. Там еще продолжалось застолье. Он выпил сто пятьдесят граммов, закусил.

Пошла мирная беседа. О работе парни не говорили. Нечего о ней болтать, ее делать надо.

Воскресным утром Галдин накормил Султана, позавтракал вместе с товарищами и попросил Снегирева заправить «Ниву». Сам же он прошел к сараю, где лучше работала связь, и там набрал номер Крутовой, особо не надеясь, что она так рано ответит.

Но барышня отозвалась:
— Да. Кто это?
— Привет, Инга!
— Я спросила, кто это?
— Шикарную ночь в номере двести семнадцать отеля «Алые зори» уже забыла?

— Вадим? — Девушка явно удивилась.
— Да, как и обещал, вновь приехал. Не поверишь, но меня сильно тянет к тебе.

Инга была явно польщена. Вряд ли кто-то говорил ей подобное.
— И я не забыла ту сладкую ночь. Хочешь повторить?
— Да, за этим и приехал, но давай не в отеле. Там все хорошо, но как-то казенно. Ты ведь говорила о квартире, да?

— Нам повезло. Я освободилась в два часа, выспалась и до девяти вечера свободна, как ветер. Ты где сейчас?
— В двадцати километрах от города. Из машины звоню.

- Так давай ко мне. Адресок помнишь?
- Улица Беляева, дом четыре, квартира два, так?
- Да, Железнодорожный район. Подсказать, как быстрее проехать?
- Не надо. По навигатору найду. Скоро буду. Все, дорогая, до встречи.
- До встречи.

Галдин тут же набрал номер Серданова и доложил:

- Договорился о встрече с девушкой из «Алых зорь» у нее дома.
- На какое время?
- На самое ближайшее. Я сказал, что подъезжаю к городу и скоро

буду.

— Так, у нас сейчас девять десять. Подъедешь к дамочке через двадцать минут! Купи вина, цветов, хотя это на твое усмотрение. Сделай так, чтобы входная дверь осталась открытой.

- Если Инга сама не захлопнет ее.
- Захлопнет, ничего страшного. И не вали ее в постель, чтобы потом не испытывать дискомфорта.
- Об этом могли и не говорить!

— Ну а как прибудут офицеры наркоконтроля, уезжай. Проинструктируй людей капитана Валиева, которые сегодня подъедут.

- Я все помню, товарищ полковник.
- Тогда отбой.
- До связи.

Галдин отключил телефон, принял душ во дворе, несмотря на не самую жаркую октябрьскую погоду, потом отправился в дом, побрился, переоделся. Он вышел из спальни в свежей майке, джинсах, начищенных туфлях, пахнувший дорогой туалетной водой.

- И куда это мы собрались? — спросил Валиев.
- На свидание, Алим!
- Что, удалось зацепить девушку из отеля?
- Как ни странно, да. У тебя с подчиненными как?
- Будут после обеда. У нас с этим без проблем и лишних вопросов.
- На чем подъедут?
- У Стурова «Мицубиси Паджеро».
- Неплохо вам платят.
- Вам тоже жаловаться грех.
- Ладно, парни, мне надо выезжать. Не скучайте тут без меня.

Галдин тронулся в путь в 9.15. На районной дороге и в самом Переславле пробок не было. Он успел купить бутылку вина и букет цветов. Пусть хоть это успокоит Ингу. Прессинг ее ждал еще тот. Но ей же на

пользу.

Вадим позвонил в дверь и осмотрелся. Подъезд обшарпанный, как и дом снаружи. Ремонт здесь делался очень давно, еще, наверное, во времена брежневского застоя.

Девушка открыла и воскликнула:

— Ой, розы! Боже мой, Вадим, я уже забыла, когда мне дарили цветы. По-моему, на выпускном после восьмого класса. Проходи, дорогой, не стесняйся.

Он зашел в квартиру. В ней ремонт был сделан недавно, причем очень даже неплохой. Белоснежные потолки, бордовые и синие обои в голубую полоску. Дорогая мебель. Портьеры на окнах.

Инга была в прозрачном пеньюаре, под которым просматривалось совершенно голое тело. Она понесла цветы в гостиную, и Галдин тяжело вздохнул, глядя на нее.

Инга достала из стенки большую вазу, прошла мимо Вадима на кухню и сказала:

— Поставь шампанское на стол и иди в ванную. Там есть все, что надо, халат в том числе.

Он поставил шампанское, но в ванную не пошел. Присел в кресло.

Инга вернулась с вазой, до половины наполненной водой, опустила в нее букет, расправила цветы и заявила:

— А аромат-то какой! Удивил, не скрою. А ты чего сидишь?

— Не спеши, Инга. Устал я что-то в дороге.

— Так душ и снимет усталость. Могу дать таблеточку, от которой ты возбудишься, как взбесившийся бык.

— Я и так уже возбужден. Но давай посидим немного, выпьем шампанского. Всего минут десять.

— Ладно. А в спальне уже все готово.

— Чуть позже. Давай посуду.

Она достала из той же стенки бокалы.

Он открыл шампанское, разлил и сказал:

— За тебя, Инга!

— Какой необычный день сегодня. Мне дарят цветы, за меня поднимают тост!

— Да, день сегодня еще тот, — заявил Галдин и отпил глоток.

Инга пересела на подлокотник его кресла, распахнула пеньюар. Он видел ее манящее тело. Голова у него закружилась.

Но тут произошло то, что и должно было. В гостиную вошли двое мужчин в штатском. Но по их внешнему виду было件нятно, что эти люди

имеют прямое отношение к армии либо к какому-то другому силовому ведомству.

Галдин оставил дверь открытой. Барышня при виде цветов забыла о ней.

— Ой! Кто вы? — спросила она и прижалась к Вадиму. — Кто это? Неужели?..

Он посмотрел в ее глаза и сказал:

— Нет, это не люди Артура.

— Да? А ты откуда?..

— Старший лейтенант, вы свободны, — заявил один из незваных гостей.

Галдин осторожно отстранил от себя Ингу, встал.

Ее глаза округлились от испуга.

— Вадим? Это что? Ты отдаешь меня им?

— Не беспокойся, эти люди не причинят тебе вреда.

— Какая же ты сволочь!

— Думаю, скоро ты изменишь свое мнение обо мне.

Галдин, стараясь не смотреть ни на девушку, ни на офицеров наркоконтроля, вышел на лестничную площадку, захлопнул дверь и прикурил сигарету.

«Да, подло получилось, — подумал он. — Я реально подставил девушку, которая так радовалась моему приезду, цветам. Но работа есть работа».

Он вышел на улицу, выбросил недокуренную сигарету, сел в машину, хотел было сразу двинуться в деревню, но изменил решение. Время у него было. Заезжать некуда, пожалуй, только за продуктами в гипермаркет, расположенный на выезде из города. Офицеры генерала Харанова провели в квартире Крутовой больше часа. Наконец-то они выбрались оттуда, не глядя по сторонам, прошли к стоянке, оборудованной у соседнего дома, там сели в «Лексус» и уехали.

«Неплохо оснащены ребята», — подумал Галдин.

Теперь он мог вновь зайти к Инге, но только для того, чтобы услышать о себе нечто весьма неприличное. Вадим сплюнул в открытое окно, завел «Ниву» и двинулся в сторону выезда из города. На окраине он закупил продукты в гипермаркете и благополучно доехал до Чернухи.

В это же время внутренний телефон Сухобокова сработал сигналом вызова.

Тот поднял трубку.

— Слушаю.

— Это Регина, босс.

— Чего тебе?

— Тут Нина Гвоздева. Говорит, с Еленой плохо.

— Что? Впусти ее.

Гвоздева вошла в кабинет.

Сухобоков повернулся к ней на кресле и осведомился:

— В чем дело, Нина?

— Понимаете, Леонид Борисович, я в половине третьего, как и всегда, понесла обед Елене, открыла дверь. Обычно она находилась в центральной комнате, где я и накрывала стол. А сегодня ее там не было. Я позвала и вдруг услышала стон из правой спальни. Я туда. Она лежит в постели, накрывшись двумя одеялами. Я к ней, мол, что произошло? Она стонет. Я потрогала ее, горит вся. Высокая температура. Стала смотреть, сняла одеяла. Елена за живот держится. Рядом с постелью лужа рвоты. Попыталась узнать, что произошло, она показала на бутылку колы, которую я принесла ей на завтрак. Она полупустая. Потом я под кровать посмотрела и нашла вот это. — Гвоздева положила на стол упаковку из-под таблеток, которые прописал пленнице личный доктор Сухобокова.

— Что, все выпила?

— В том-то и дело. Я было подумала, что она отравиться хотела, но в упаковке не было всего двух таблеток. Одну из них она вчера после ужина выпила.

— Черт побери! Что за ерунда? Она больше ничего выпить не могла?

— Нет. Я все проверила. Не было у нее ничего.

— Где доктор?

— Алексея Васильевича сегодня не было.

— Ты звонила ему?

— Нет, к вам пошла.

— Дура, твою мать! — Сухобоков схватил сотовый телефон, набрал номер. — Алексей!

— Да, — ответил врач.

— Немедленно ко мне в поместье!

— Но это невозможно, я в Москве. Вы же сами разрешили мне отъехать на один день.

— Совсем голова кругом.

— А что случилось-то? — спросил доктор.

Сухобоков передал трубку поварихе.

— На, объясняй!

Гвоздева, как уж смогла, обрисовала ситуацию и тут же вернула

телефон Сухобокову.

— Что делать, Алексей? — спросил он.

— Срочно Елену в больницу.

— Какую к черту больницу? Что с ней?

— Похоже на отравление.

— Но от чего?

— В воде могло быть вещество, вызывающее сильное недомогание.

Вы же знаете, кто делает у нас эти фирменные напитки. Гастарбайтеры в подвалах.

— А лекарство не могло быть не тем?

— Еще как могло! У нас и подпольных фармацевтов полно.

— Помнишь, где покупал пилюли?

— Нет, конечно. Я много лекарств беру и чеки не сохраняю.

— Вот это плохо.

— Вы сами разрешили до тысячи рублей. Не медлите! Елену надо срочно везти в больницу или вызвать «Скорую».

— Ты охренел? Какая может быть «Скорая»? В какую больницу везти?

— В городскую клиническую. Там главный врач Маревич Лев Владимирович. Я сейчас же свяжусь с ним. Бригада токсикологов будет ждать. Не медлите. Иначе все может закончиться очень плохо.

— Этого, вашу мать, мне еще не хватало! — Сухобоков отключил телефон и крикнул Гвоздевой: — Где муж?

— Только что на дворе был.

— Быстро... хотя нет. — Он вызвал начальника охраны по телефону. — Гвоздев!..

— Я, босс!

— Слушай внимательно. У Елены, похоже, сильное отравление. Кто кроме охранника и помощника находится в поместье?

— Участковый вот зашел.

— А охранник кто?

— Шустрый... извините, Шустов Иван.

— Он у нас не местный?

— Нет. Местные, Коровин и Ледин, заступают завтра.

— Вызывай их. Бери с собой участкового и помощника, поднимайтесь по внутренней лестнице в комнаты Елены, тащите ее во двор, грузите в твою машину и везите в городскую клиническую больницу. Знаешь, где она находится?

— Знаю, конечно.

— Там вас будут ждать врачи. Смотри, если девка помрет, голову с

тебя сниму!

— А я-то при чем?

— Выполняй, идиот!

— Слушаюсь!

После разговора с боссом Гвоздев подозвал к себе Борисова, зашедшего в поместье с документами на купленную машину и паспортом самого начальника охраны, оставленным в ней по пьянке.

— Елене Дуневич хреново, она чуть ли не при смерти. Повезем ее в больницу, — заявил он.

— А что произошло?

— Все потом. Шустрый, срочно вызывай Шеста и Коня. Пять минут им на прибытие в поместье.

— Понял, звоню!

Тут из дома вышел Виктор Лазунин, помощник Сухобокова.

— Всем на третий этаж по внутренней лестнице! — крикнул Гвоздев и побежал в обход дома.

Участковый и помощник кинулись за ним.

В 15.47 «Сузуки» Гвоздева с Еленой, Борисовым и Лазуниным вылетел с территории поместья. Его сопровождал «Форд» с Коровиным и Лединым, они же Шест и Конь. До больницы машины добрались за двадцать минут, нарушая все правила дорожного движения. Но их никто не тормозил. Инспекторы знали номера этих неприкосновенных автомобилей.

Елена была доставлена в отделение реанимации. Дальше ни Гвоздя, ни всех остальных врачи не пустили. Но и этого было достаточно. Гвоздев, Лазунин, Борисов и охранники уселись на стулья у двери. Никто не мог пройти в кабинет незаметно для них.

Начальник охраны доложил Сухобокову о доставке заложницы в больницу.

Хозяин поместья выслушал сообщение и приказал:

— Как только доктора обследуют девку, везите ее обратно в поместье. Никаких палат! Понятно?

— Так точно, босс! А если?..

— Никаких «если»! Ты скажи там главному, заплачу хорошо, лишь бы спасли девку.

— Скажу. Он как раз зашел в отделение.

— Давай, вся ответственность на тебе!

Сухобоков отключил телефон, но ненадолго. Ровно через минуту тот опять издал сигнал вызова.

— Да! — выкрикнул бизнесмен.

— Это Гвоздев.
— Говори.
— Только что звонил Карим.
— Ну?..
— В понедельник ничего не будет.
— Что? Почему?
— У Карима возникли проблемы с техникой.
— Черт бы его побрал. Когда обещал?
— В четверг, двадцатого числа.
— Хоть так. Что за день сегодня такой?
— Это да.
— Узнай у Артура, ему товара до четверга хватит?
— Уже узнал. Продержимся, босс, есть заначка.
— Ладно. А Кариму позвони и передай, раз нарушает договор, то должен заплатить штраф. Это как раз те самые проценты, которые он накинул.

— Может, не стоит так резко? Ведь мы полностью зависим от него.
— Ты скажи, а сдать назад никогда не поздно.
— Понял.

Сухобоков отключил телефон, прошел до бара, достал коньяк, плеснул в бокал, сделал несколько глотков.

«В последнее время что-то пошло не так, — подумал он. — Где-то затаилась угроза. А вот где? Но, может, это все напраслина? У страха, как говорится, глаза велики.

Но почему сердце иногда схватывает страх? Неужели кто-то повел игру против меня? Нет, это невозможно. Никто не решится посягнуть на мой бизнес. Если бы и нашелся такой смельчак, то я уже знал бы об этом.

Я просто устал. Вот придет товар, все устаканится. Потом я заберу Елену и улечу с ней в Сочи. Там есть друзья, при солидных деньгах можно отдохнуть ничуть не хуже, чем на турецких курортах.

Кстати, почему я так привязался к этой девчонке? Ответ на этот вопрос весьма прост. Только с ней я чувствую себя мужчиной.

Дело еще и в том, я просто захотел иметь собственную наложницу. Арабские шейхи их держат десятками, отчего бы не завести и мне?»

В 17.20 из реанимационной палаты вышел врач.

Гвоздев тут же подошел к нему и спросил:

— Что, доктор?

— Жизни вашей девушки ничего не угрожает. Хорошо, что спохватились вовремя и привезли ее сюда.

— А что с ней?

— Отравление.

— Чем?

— Это узнаем после экспертизы. Предположения делать бессмысленно. Пока ясно лишь то, что отравляющее вещество находилось в бутылке. Скорее всего, ее элементарно не вымыли. Очевидно, что эта вода — продукт подпольного производства.

Гвоздев потер переносицу и сказал:

— Вы правы, сейчас половина продуктов — левак.

— Если не больше. Мы отправим бутылку на экспертизу, и тогда станет ясно, чем конкретно отравилась девушка.

— Вы вызовете полицию?

— Конечно. Надо же найти и прикрыть это производство, убивающее людей.

— Подождите минуту.

— А в чем, собственно, дело?

— Я сказал, минуту!

Врач пожал плечами, но подчинился. Он знал, что имеет дело с бандитами.

Гвоздев же отошел в сторону, вновь набрал Сухобокова и доложил:

— С девкой порядок. Откачали, жить будет.

— Каков диагноз?

— Отравление. Какая-то гадость была в бутылке с колой.

— Везите Елену обратно.

— Сделаем, но тут проблема.

— Что еще за проблема? — Сухобоков повысил голос.

— Врач говорит, что вызовет полицию, так как колу явно делали нелегалы в каком-нибудь подвале. Еще он намерен требовать проведения экспертизы. Но это и без него менты сделают. И тогда...

Сухобоков прервал начальника охраны:

— Никакой полиции и экспертизы! Лекарю скажи, чтобы молчал. Пусть парни посмотрят за ним. Сам найди главного врача и передай, чтобы о Елене в больнице никаких бумаг не составляли. Не было ее там, понял? За это он получит такую сумму, которая его вполне устроит. Все понятно?

— Так точно!

— Решайте вопрос быстрее.

— Да, босс. — Гвоздев выключил телефон, подошел к доктору и спросил: — Как поговорить с вашим главным?

— По телефону. — Врач кивнул на стол, за которым сидела молодая

миловидная медсестра. — Девушка подскажет номер. У нее есть и мобильный.

— Хорошо, а ты, доктор, постой-ка пока тут.

— Но мне надо работать.

— Главную работу ты уже сделал, отдохни.

— Что вы себе позволяете?

Гвоздев кивнул Коровину и Ледину и приказал:

— Шест, Конь, посмотрите за ним!

— Без вопросов.

— Мне что делать, Николай Николаевич? — спросил участковый.

Гвоздев бросил ему ключи от машины и заявил:

— Спустись вниз, подгони тачку прямо к дверям и будь в ней. Тут тебе торчать нечего.

Это было то, чего Борисов и хотел.

— Понял, Николай Николаевич.

Через пять минут сотовый телефон Галдина сработал сигналом вызова. Он увидел на экране, что звонит Борисов, и немного удивился, с чего бы это.

— Да, Миша? Что-то случилось?

— Слушай меня внимательно.

Еще через пару минут Галдин знал все о том, что произошло в поместье и в больнице.

— Так, понял. С Еленой точно все в порядке?

— Врач говорил, что да, вовремя привезли.

— Гвоздь намерен не оставлять ее в больнице, а везти в поместье?

— Да. У него сейчас разговор с главным врачом. Сухобоков не хочет, чтобы делу был дан ход. Реаниматолог говорил о полиции и экспертизе.

— Понятное дело, это совершенно не нужно Сухобокову. Ты сейчас в машине?

— Да. Гвоздь приказал ждать у выхода. Вадим, эта прекрасная возможность отбить Елену.

— Ты занимайся тем, что тебе приказал Гвоздь, а мы тут обсудим тему.

— Да, я не сказал, что Елену из особняка вынесли по той самой внутренней лестнице.

— Ты знаешь, где она?

— Да, теперь знаю. Но это не телефонный разговор. Скажу лишь, что на эту лестницу можно попасть со двора. Она ведет прямо в комнаты Елены, минуя бильярдный зал.

— Отлично. Но давай поговорим позже. Работай. Ты молодец, Миша.

— Знаю.

Галдин отключил телефон.

Дуневи́ч понял, что произошло нечто неладное, и спросил:

— Что с Еленой?

На Галдина смотрели и Снегирев с Валиевым.

Герасин и Стуров, подчиненные капитана, приехавшие после обеда, в это время устраивались на житье в пристройке.

— Дело такое, Славик. Елена отравилась колой, которую ей дали на завтрак.

Дуневи́ч побледнел и спросил:

— Она жива?

— Да. Жена Гвоздя понесла ей обед и подняла шум. Лену быстро доставили в больницу. На данный момент ее жизнь вне опасности.

Дуневи́ч выдохнул и прикурил сигарету.

— Значит, сейчас девушка в больнице? — спросил Валиев.

— Да, в городской клинической. Там ее не оставят, повезут обратно. Таково распоряжение босса. При ней Гвоздь, помощник Сухобокова Лазунин и наш участковый. В другой машине два быка из охраны. Те, которые живут на селе. Превосходная возможность освободить девушку.

— Так чего вы тут сидите? Через пятнадцать-двадцать минут будете у дороги, в паре километров от села. Там лес, с Леной участковый! — заявил Дуневи́ч.

Галдин подошел к нему и сказал:

— Мы понимаем тебя, Славик, но имеем приказ провести акцию одновременно с захватом наркоты и задержанием людей Сухобокова. Раньше мы действовать не можем.

— Да на хрен эту наркоту! Мне Лена нужна.

— Это понятно, но ты же офицер и знаешь, что такое приказ. Успокойся, все будет нормально. И Лену твою вытащим, и Сухобокова за жабры возьмем. Это вопрос времени. Кстати, Борисов знает, где находится внутренняя лестница. Он утверждает, что на нее можно попасть с улицы, и ведет она прямо в комнаты, где содержится Елена, мимо бильярдной.

Валиев кивнул и заявил:

— Хорошая новость. Когда мы получим всю информацию по этой лестнице?

— Как только участковый сможет сбросить ее нам, а ему еще придется вернуться из города.

— Ты его напряги, чтобы не тянул резину. Нам надо выработать план действий и согласовать его с полковником Тагуровым из Росгвардии. Я

сейчас пойду посмотрю, как парни мои устроились. — Валиев взглянул на Галдина. — А ты все же свяжись с Тагуровым, обрисуй ему обстановку. Кто знает, может, он разрешит отработку цели, пока еще есть время? Впрочем, мы это сделаем и непосредственно у поместья. Поговори с ним, Вадим.

— Вообще-то, он сам должен выйти на нас... — Галдин что-то вспомнил, набрал номер участкового и спросил:

— Ты один?

— Пока один.

— Слушай, Миша, если будет возможность, скажи Елене, что над ее освобождением работают друзья брата, ты в том числе. Если вдруг в комнате в любое время появится овчарка, пусть не пугается, а снимет с ошейника или достанет из сумки, прикрепленной к нему, то, что там будет находиться.

— Ты все же решил пустить Султана?

— Планирую. Главное, передать ей телефон, чтобы координировать действия и знать, что происходит с ней. Но сама пусть никуда не звонит. Впрочем, с аппаратом будет инструкция.

— Если смогу, передам.

— Ты постарайся.

— Не все зависит от меня. Елена может находиться не в том состоянии, чтобы адекватно воспринимать действительность.

— И все же попробуй.

— Добро. Что-то задерживается Гвоздь с компанией.

— Это ненадолго. Свяжись со мной, как окажешься дома, либо по необходимости, в любое время.

— Принял.

После этого Вадим набрал номер полковника Тагурова и начал докладывать ему обстановку, но тот прервал его:

— Я в курсе, что заложница, захваченная Сухобоковым, отравилась и находится в городской клинической больнице. Сейчас ее готовят к транспортировке обратно в поместье. А ты хотел предложить провести акцию освобождения немедленно?

— Я просто докладываю вам, какая у нас обстановка. В принципе, мы готовы освободить Елену.

— Ни в коем случае. Пусть люди Сухобокова спокойно доставят ее в поместье.

— Понял.

— Информация к сведению.

— Да?..

— Сделка по продаже крупной партии наркотиков в Переславле должна была состояться в понедельник. Но по техническим причинам, как сообщили мне из наркоконтроля, она перенесена на четверг, двадцатое октября. Тогда и будем работать. Я жду от вас план.

— Будет вам план. Есть у меня одна задумка.

— Ох, Галдин, знал бы ты, как я не люблю, когда подчиненные, пусть и временные, проявляют совершенно не нужную инициативу.

— Все же выслушайте меня.

— Валяй.

Выслушав Галдина, Тагуров спросил:

— Ты уверен, что твоя авантюра не закончится полным провалом?

— Вы же, товарищ полковник, прекрасно знаете, что в ходе подобных акций может произойти все, что угодно. Но я думаю, что мы справимся.

— Хорошо. Контакт с заложницей нам не помешает. Действуй.

— Понял. Благодарю вас.

— Не за что. Доклад о результатах акции немедленно мне. До связи.

— До связи. — Галдин выключил телефон и заявил. — Ну и денек!

Снегирев посмотрел на него и спросил:

— Султан пойдет к Елене?

— Если Борисов сделает то, о чем я его просил.

— Как он поедет?

— Сеня, я же сказал, об этом позже. Да и акция пройдет ориентировочно в четверг, двадцатого числа.

— Еще три дня здесь маяться.

— Не маяться, а готовиться.

— Что в нашем случае одно и то же.

Вернулся Валиев и сказал:

— Мои отдыхают. — Он взглянул на Галдина. — Звонил Тагирову?

— Да. Он, как ни странно, в курсе всех дел.

— Ничего странного. Агентура работает.

Вадим поделился с капитаном идеей насчет использования Султана.

Тот посмотрел на Галдина, потом на psa и поинтересовался:

— Это выполнимо?

— Вполне.

— Если сам полковник дал «добро», то действуй.

— Пока рано. Надо дождаться звонка Борисова.

Время тянулось медленно. Сотовый телефон Галдина сработал сигналом вызова только в 22.47.

Тот схватил его.

— Да!

— Наконец-то я дома.

— Привезли Елену?

— Привезли.

— Как она?

— Слаба, нет аппетита, но реальность воспринимает адекватно.

— Тебе удалось сделать то, что я просил?

— Ты не представляешь, как это было сложно.

— Значит, сделал?

— Сделал, не волнуйся.

— Как ухитрился?

— В поместье Гвоздев доложился Сухобокову. Тот вызвал его и помощника к себе. Гвоздев приказал Коровину, Ледину и мне доставить девушку в ее, как он выразился, апартаменты. Он бы еще ключ от двери, которая ведет на внутреннюю лестницу, дал. Нет, сам открывал. Я посмотрел, замок так себе. В общем, повели мы Елену. Коровин с Лединым дошли до второго этажа, а дальше подниматься не пожелали, поленились. Мол, ты, участковый, води девку и возись там с ней. Когда мы с Леной поднимались по лестнице, я все ей передал. Она сначала удивилась, потом обрадовалась, но на эмоции у нее не хватило сил. Девушка спросила, можем ли мы подать ей сигнал, перед тем как запускать пса? И как он найдет ее? Я ответил, что это решишь ты, а пес отыщет Лену по запаху.

— Правильно, молодец! А ты не интересовался, для чего ей сигнал?

— Она ответила, что откроет дверь, выходящую на внутреннюю лестницу.

— Опа! — воскликнул Галдин. — У Лены есть ключ от этих дверей?

— А как еще она могла бы открыть их? Сказала, что жена Гвоздя принесла ей еду, случайно уронила ключ и не заметила этого. Уходя, она просто захлопнула дверь, замок сам защелкнулся.

— Вообще прекрасно. А где входная дверь?

— В глубине зала первого этажа, где Сухобоков устраивает приемы своих гостей.

— Значит, Султану надо сначала попасть в зал через парадный вход? — спросил Галдин.

— Необязательно. На лестницу можно попасть и другим путем. В самом углу первого этажа, с восточной, ближней к деревне стороны есть окошко. Открыть его не составит труда. Вот только пес сам недотянется. Надо будет подсаживать его.

— А через парадный вход?

— Слишком рискованно. Да и камера видеонаблюдения зафиксирует собаку.

— Ладно, будем думать. Спасибо тебе огромное, Миша.

— Не за что, Вадим. Так, вижу в окно, Гвоздь направляется к себе. Что-то видок у него невеселый. Сто против одного, дома нажрется до поросячьего визга.

— Пусть пьет. Для нас это только плюс. Все, Миша?

— Да.

— До связи.

— До связи.

Галдин отключил телефон.

— Что, Вадим?.. — спросил Дуневич.

— Елена в порядке. Борисову удалось поговорить с ней. Она сначала удивилась, что кто-то занимается вопросом ее освобождения, потом обрадовалась, привет тебе, Славик, передавала, сказала, что соскучилась.

Галдин солгал, но это во благо.

Лицо Дуневича просветлело.

— И что теперь? — осведомился он.

— А теперь будем думать, как забросить пса в поместье.

Пес, лежавший у двери, поднял голову, посмотрел на Галдина, Снегирева, Валиева.

— Вокруг поместья трехметровый кирпичный забор. Там фундамент с полметра глубиной и шириной сантиметров сорок, — сказал Дуневич.

Галдин прикурил сигарету и проговорил:

— У тыловой ограды слепая зона. Можно подставить доску, пес сам переметнется по ней на ту сторону. А вот дальше? Ему надо взять след. Сделать это он сможет только там, где когда-то находилась Елена и сохранился ее запах. То есть в особняке да во дворе. Султан пойдет туда. Ему не объяснишь, что там есть камеры видеонаблюдения. От человека он скроется, а на них не обратит внимания. Охранник увидит его и просто пристрелит, зная ненависть Сухобокова к собакам. Значит, Султана надо ввести в дом. Сделать это должен участковый. Для этого ему самому надо ночью быть на территории. А в это время Борисова туда не пускают.

— А если ремонт?.. — проговорил Снегирев.

Все устали на него.

— Чего? — протянул Валиев.

— Ремонт, говорю. Допустим, участковый затевает его у себя дома. Он просит Гвоздева поговорить с Сухобоковым, чтобы на время ему

разрешили пожить в одном из гостевых домов. Хотя бы в том, где находится резервный охранник. Даже не пожить, а просто ночевать в усадьбе.

— А что? Интересная мысль, — сказал Валиев.

— Гвоздь может предложить участковому перекантоваться у него, — заметил Галдин.

— Нет, Гвоздь к себе даже близких людей редко пускает, — возразил Дуневич. — А вот Сухобокову ничего не стоит разрешить участковому ночевать в поместье. Лишний человек на помощь в случае чего. Он же считается теперь их кадром. Вот только неувязочка одна с ремонтом.

— Что за неувязочка? — спросил Галдин.

— Борисов в том году делал ремонт. Об этом знают все. Причем капитальный. Крышу менял, стены покрывал утепленным сайдингом, вставлял пластиковые окна. Мелочь какую-нибудь, конечно, всегда можно устроить, но при этом нет нужды покидать дом.

— Какая система отопления у участкового? Печка? — поинтересовался Снегирев.

— Нет, печка разобрана, установлен котел. Теперь у него как в городе, все удобства в доме.

Снегирев улыбнулся и проговорил:

— Помнится, как-то мой сосед по даче тоже ремонт сделал. У него там настоящий коттедж. Бригада от какой-то фирмы провела ему систему отопления, трубы, радиаторы, установила котел немецкий, дорогой. Дело примерно в это время года было.

Галдин посмотрел на него и осведомился:

— Ты думаешь, здесь кому-то интересна история твоего соседа?

— А ты послушай, Вадим, не торопись. В октябре ночи холодные, надо топить. Сосед включил свой котел. Сперва вроде все нормально было, а потом труба в двух местах лопнула. Да и котел накрылся. В общем, стал сосед искать ту бригаду, а ее и след простыл. Пришлось новую нанимать и мастеров из газовой службы вызывать. Они котел забирали, что-то меняли в нем. Я в таких делах ни хрена не понимаю. Думаю, что кроме специалиста в них никто не разбирается. У Сухобокова, может, и есть такой человек, но только не для какого-то участкового. Уверен, если провернуть аварию с системой отопления, то это прокатит. Почему бы тогда Сухобокову не разрешить участковому ночевать в гостевом доме, рядом с охранником, которого усыпить можно запросто?

— У нас с собой боевые аптечки. А в них есть капсулы со снотворным, — сказал Валиев.

— Ну вот!

Галдин кивнул и заявил:

— Ладно, как вариант принимается. Но с одной оговоркой. Согласится ли Миша выводить систему отопления своего дома из строя? Ремонт немалых денег стоит. Если ему придется и котел менять, то это уже слишком дорого будет стоить.

Снегирев усмехнулся.

— Не думаю, что Росгвардия или наши в МЧС не найдут такую сумму.

Дуневич неожиданно сказал:

— У меня есть три тысячи долларов. Еще в армии начал откладывать с зарплаты на учебу Елены. Я отдам их Борисову на ремонт.

— Да ладно, Слава. Если что, мы сбросимся. Так, Снегирь?

— Без базара.

— Мы тоже в стороне не останемся, — заверил Валиев.

— Значит, принимается этот вариант. Я его еще с Борисовым согласую. Но надо иметь в запасе хотя бы еще один, резервный. Так что думайте, господа офицеры. С утра начинаем готовить Султана. Где одежда Елены? Лучше бы та, которую она надевала перед самым устройством на работу к Сухобокову.

— Подойдет ее домашний халат. Вечером она всегда только в нем и ходила. Старый, латаный, но он ей нравился.

— Где он?

— Сейчас покажу. — Дуневич проехал на коляске в спальню Елены, где сейчас кроме Галдина разместились Снегирев и Валиев, покопался в шкафу и вернулся с голубым в цветочек халатом. — Вот. Он наверняка сохранил запах ее тела.

— Хорошо. Ну а теперь можно и на массу придавить.

Глава 8

В понедельник, 18 октября Галдин поднялся в шесть утра, умылся и вызвал на связь участкового.

— Да, — ответил тот сонным голосом.

— Это Вадим. Доброе утро, Миша.

— Что случилось, почему так рано?

— Надо встретиться сегодня, где-то в обед.

— Место?

— Там, где ты передавал мне бензин и документы.

— Гарантировать не могу, неизвестно, что за день предстоит, но постараюсь.

— Позвони, когда определишься.

— Хорошо. Другого времени для звонка не нашел? Ты мне такой сон перебил!

— Жить надо в реальности, а не во сне. Давай, поднимайся.

— Да, теперь уж придется.

— Жду звонка. — Галдин отключил телефон, вывел из дома пса. — Гуляй, Султан! — сказал он и пошел готовить ему кормежку.

Продуктов в пакетах хватало. После выгула Султан поел.

Потом Галдин взял халат, дал его понюхать собаке и приказал:

— След, Султан.

Пес сразу же взял след, да и немудрено. Елена здесь была повсюду. Султан закружил карусель. Он то забегал в дом, обитателей которого разбудил, то выскакивал во двор, к сараю, гаражу, огороду, дернулся было к озеру.

— Стоять! Ко мне!

Пес подчинился, подошел к старшему лейтенанту, сел у ноги, поднял морду и посмотрел в глаза. Он как бы спрашивал, мол, чего ты, хозяин, заставляешь меня искать то, чем все пропахло здесь, не пускаешь к озеру, куда уводит след?

— Все, Султан, запах ты запомнил. Этого пока достаточно. А теперь потренируемся перелезть через стену.

Подумав, Галдин решил использовать для этого сарай. Высота стен самая подходящая, почти три метра.

Он приставил к стене доску, взял палку, забросил ее на крышу.

— Апорт, Султан!

Пес быстро сообразил, как достать предмет, брошенный хозяином. Он поднялся по доске на крышу, взял в зубы палку и спрыгнул так ловко, что умудрился не воткнуться мордой в землю.

— Дай! — скомандовал Галдин.

Султан сунул ему палку.

— Молодец, лови! — Хозяин бросил псу печенье.

Они повторили упражнение несколько раз.

Потом Галдин положил доску на землю, бросил палку, отвел пса метров на двадцать.

— Лежать!

Пес лег.

То же самое сделал и старший лейтенант.

— Рядом!

Они поползли, сблизившись с сараем.

Галдин поставил доску на место и скомандовал:

— Вперед!

Султан мельком взглянул на офицера и забрался на крышу.

— Ползи!

Султан не понял, куда ползти.

— Вперед! — подал прежнюю команду Галдин, поднялся и обошел сарай.

Пес понял его и прополз по крыше.

— Вперед! — повторил Галдин.

Султан спрыгнул.

— Лежать!

Пес замер, распластавшись на земле.

— Ползи! Вперед!

Султан прополз.

— Стой! Ко мне!

Пес вскочил, подбежал к Вадиму.

Тот достал очередное печенье.

— Лови!

Вадим присел перед собакой и проговорил:

— Все это, Султан, надо будет сделать в другом месте. Мы вместе пойдем. А потом тебе предстоит работать с другим человеком. Я тебя сегодня с ним познакомлю. Понял, друг мой?

Пес наклонил голову. Понял он или нет, можно было только догадываться.

— Ладно, сообразишь.

Они вернулись домой.

Участковый позвонил в 11 часов и сказал:

— Вадим, у меня два часа свободных. Потом надо будет съездить с Гвоздем в город. Ненадолго, лекарства для Елены купить.

— Что за лекарства?

— А я знаю? Какие доктор прописал.

— Что хоть за доктор?

— Я знаю только его имя — Алексей. Он из Переславля. Личный врач Сухобокова. Надо, уточню фамилию.

— Не надо. Значит, через полчаса встретимся на прежнем месте.

— Быть на машине?

— Ты можешь и пешком пройтись. Меньше внимания привлечешь.

— Добро, в одиннадцать тридцать буду на месте.

— Я с Султаном отправляюсь на встречу с Борисовым, — сказал Галдин Дуневицу.

— Может, мне позвонить ему? Обещать, что заплачу?

— Это лишнее.

— Меня с собой взять не хочешь? — спросил Снегирев.

— Это тоже, Сеня, лишнее.

— Вот так! — Семен повернулся к Дуневицу. — Хочешь узнать человека, дай ему немного власти над собой.

— Тебе заняться нечем, Сеня? — спросил Галдин.

— Вот именно.

— Не волнуйся, думаю, сегодня ночью тебе будет не до отдыха. Так что пока есть время, набирайся сил.

— Давай, езжай!

Галдин вышел во двор.

Там занимались разминкой парни группы Валиева. Они отрабатывали рукопашный бой. Вадим улыбнулся, увидев, с каким интересом наблюдал за этим его пес.

— Султан! — крикнул Вадим.

Пес вскочил.

— Ко мне! Рядом!

Они пошли к сараю, за которым стоял «Рено».

Галдин открыл заднюю дверцу, и пес запрыгнул на сиденье. Вадим сел за руль, завел машину, дал движку немного прогреться и двинулся по объездной дороге.

На поляне Вадим встал, вышел из авто, огляделся. Все тихо. Где-то на селе блеяли овцы, мычали коровы, но так и должно было быть.

Тут он услышал сзади шорох, улыбнулся, достал пистолет, резко повернулся и выставил ствол перед собой. Галдин немало удивился, застав в той же позе участкового с пистолетом в руках.

— Поприкалываться захотел? Или проверить? — спросил Борисов.

— Посмотреть. А ты молодец, не всякий так быстро среагирует.

— Это у меня еще с ВДВ.

Они убрали оружие, пожали друг другу руки.

— Что за дело, Вадим? — спросил Борисов.

— Не совсем приятное для тебя.

Участковый не без удивления взглянул на Галдина и осведомился:

— Что ты имеешь в виду? Решил обойтись без меня?

— Наоборот. Но ты слушай.

— Говори.

— Как ты думаешь, Миша, если у тебя дома, скажем, после обеда, когда ты включишь систему отопления, вдруг разорвет трубу или выйдет из строя котел, Гвоздь сможет на время ремонта устроить тебя ночевать в гостевом доме поместья?

Удивление участкового только усилилось.

— А с чего у меня должно прорвать трубу или сломаться котел?

— Давай представим, что это произошло.

— Тут и представлять нечего. Мастера из солидной фирмы систему проводили. С гарантией.

— Я не о том. Сможет ли Гвоздь по твоей просьбе пристроить тебя на пару ночей в поместье Сухобокова?

— Сможет, наверное. Но почему у меня должна произойти авария?

Галдин взял участкового под руку.

— Миша, так надо.

— Ни хрена не понял.

— Объясняю!.. — Вадим изложил участковому план действий.

Он уже понимал, что ничего другого они не придумают.

Михаил выслушал его, тяжело вздохнул и проговорил:

— Обидно, черт возьми! Так все хорошо сделали. И котел удачный.

— Ничего, сделают еще лучше, и котел купишь новый. Кстати, его вовсе не обязательно выводить из строя. Достаточно трубы продырявить.

— Эти трубы практически не лопаются, Вадим.

— Ты где живешь, Миша?

— В смысле?

— В прямом. Ты живешь в России, а у нас возможно все, даже самое невероятное.

— Ладно, согласен. Что-нибудь придумаю.

— Да, конечно. У меня сомнения другого характера. Сможешь ли ты уже сегодня ночью остаться в поместье?

— Черт его знает. Хотя подожди-ка. По-моему, сегодня Сухобоков собирается в Переславль. Да, точно. Гвоздь говорил, что в понедельник босс поедет в город.

— Но тогда и Гвоздев с ним?

— Нет. Гвоздев — начальник охраны поместья. Он останется там. С Сухобоковым едут водитель Соменко и личная охрана — Щербак и Хохлов. Эти в «шестом» «БМВ». Следом на «Лексусе» Колесов, Крылов, помощник Лазунин и секретарь Регина.

— Значит, решения будет принимать Гвоздев?

— Если Сухобоков действительно уедет.

— Ты должен решить этот вопрос.

— Да, придется. Только как я справлюсь с твоим псом, если он слушает только тебя?

Галдин улыбнулся и ответил:

— А вот этим мы сейчас и займемся. Не беспокойся, Султан умный пес. Тренировка не затянется.

— Ты с собакой?

— Конечно. Пойдем к машине, она на поляне.

Офицеры подошли к «Рено». Галдин выпустил Султана. Тот уже знал участкового, понимал, что он свой, и спокойно сел у ног Вадима.

Тот погладил его, ткнул носом в ногу Борисова и заявил:

— Свой!

Султан недоуменно посмотрел на хозяина. Мол, я в курсе.

Но Галдин повторил еще раз:

— Свой, Султан.

Пес вильнул хвостом. Дескать, да чего ты заладил, хозяин? Я давно это понял, ни разу не дурак.

Вадим надел на Султана ошейник, чему тот сильно удивился, прицепил к нему поводок и передал его в руки участкового.

— Прикажи ему стоять рядом, — сказал Галдин.

— Рядом! — проговорил участковый, тоже изрядно ошарашенный.

— Не так! Резче.

— Рядом! — подал команду Михаил.

Султан сел у его ног и жалобно поглядел на Галдина.

Вадим присел перед собакой и проговорил:

— Султанчик, друг, я не отдаю тебя этому человеку. — Он указал на

Борисова. — Ты просто должен понять, что теперь обязан исполнять его команды так же, как и мои.

Пес поднял морду, посмотрел на участкового. Он вроде бы понял, что от него требуется.

— Вот так. Мы скоро пойдем туда, где ты рыл землю, помнишь?

Пес наклонил голову. Он внимательно слушал хозяина.

— Там ты перелезешь через забор и будешь исполнять команды вот этого человека. — Галдин вновь указал на Борисова и спросил: — Тебе понятно?

Пес продолжал слушать.

— Он возьмет тебя на руки и посадит к окну. Понимаешь?

Султан посмотрел на Галдина умными глазами.

— А ну-ка попробуем, — сказал Вадим.

— А не укусит? — с явной опаской спросил участковый.

— Поводок в твоих руках. Тебе его передал я, значит, определил Султану временного хозяина. Нет, кусаться не должен.

— Успокоил. Не должен!.. А если хватанет? Он запросто полруки мне отхватит. Да и тяжелый, наверное.

— Не отхватит. Если только обозначит укус, да и то вряд ли. А вес у него действительно солидный — шестьдесят кило. Поднимешь?

— А куда я денусь?

— Поднимай.

— Боязно, Вадим.

— Давай! Я рядом.

Участковый обхватил Султана, напрягся и поднял его. Тот вопреки опасениям Михаила вел себя спокойно, не дергался.

— Тяжелый. Не потяну.

— Отпусти.

Борисов поставил пса на место и спросил:

— Что теперь?

— Вставай к машине. Поза такая же, как при аресте.

Участковый подошел к «Рено», встал, раздвинул ноги, положил руки на крышу, прислонил к ней голову.

— Отличная поза, — с усмешкой проговорил Галдин.

— Мне не до смеха.

— Извини. Это учения. — Вадим подозвал Султана, указал на участкового и заявил: — Доска!.. Вперед!

Пес непонимающе посмотрел на хозяина.

Галдин вновь присел перед ним и проговорил:

— Султан, помнишь, ты лазал по доске на крышу сарая? Теперь тебе надо сделать почти то же самое. Понял?

Пес вильнул хвостом, и Вадим скомандовал:

— Вперед!

Султан в два прыжка взобрался по спине участкового на крышу машины и повернулся к хозяину в ожидании дальнейших команд.

Михаил выпрямился, и Вадим спросил:

— Сколько там до окна?

— Метра два, наверное.

— Султан пролезет?..

— Запросто.

— Высота «Рено» — сто шестьдесят пять сантиметров. Если Султан обопрется о твою голову, то достанет окна. Нормально.

— Ничего себе, вот это нормально! Шестьдесят килограммов на голову.

— Вес распределится. Он только оттолкнется, ничего тебе не сломает. Но ты все равно надень на голову что-нибудь покрепче и втяни ее в плечи.

— Ладно.

— А теперь повторим.

Султан проделал это упражнение еще два раза и вроде бы все понял.

— Ну и отлично, — проговорил Галдин. — Гуляй, Султан, но недалеко.

Пес махнул хвостом и пошел метить территорию.

— Теперь, Миша, главное, это авария в доме и получение разрешения на ночевку в поместье.

— А может, не делать ничего, просто сказать Гвоздю, что мне нужен срочный ремонт и место для ночевки. Ночью-то холодно.

— А если он решит проверить?

— Да, тогда полная хрень получится.

— Вот именно. А у нас на кону жизнь Елены. Да и Славика.

— Ладно, все будет натурально. Но дело провалится, если Гвоздь решит не пускать меня в поместье, а предложит электрообогреватель.

— Тогда замкни еще и проводку.

Участковый посмотрел на Галдина и спросил:

— А может, мне бригаду шабашников позвать да разворотить на хрен весь дом?

— Оценил юмор. Занимайся. Сообщи, как решится вопрос с жильем. Ночью мы попытаемся доставить Султана к Елене.

— Да понял я! Сделаю все, что в моих силах, но обещаю, что поможете

мне потом сделать нормальный ремонт.

— Слово!

— Пошел я.

— Удачи. Жду звонка.

— Погоди, совсем забыл. Допустим, все получится. Мне возвращаться обратно или помогать Султану?

— Возвращайся. Он останется с Еленой.

— А как ты ему это объяснишь?

— Это уже мое дело.

— Нет, в натуре, Вадим, неужели собака поймет тебя?

— Я постараюсь, чтобы поняла.

— Ну-ну! Я таких умных собак еще не видел.

— Как-нибудь после акции, в свободное время приедешь в наш центр.

Я проведу экскурсию. Увидишь много очень умных собак разных пород. Кстати, можно договориться, забрать себе какую-нибудь.

— Не помешало бы.

— Я помогу. Давай!

— Угу! — Участковый ушел.

Султан посмотрел ему вслед, потом уставился на Галдина, как бы спрашивая, мол, мне-то что делать, хозяин?

— Султан, с ним ты будешь работать ночью. Слушайся его и еще одну девушку, запах которой тебе известен.

Пес зевнул и поднял переднюю лапу.

Галдин бросил ему печенье.

— Лови!

Султан проглотил любимое лакомство.

— В машину!

«Рено» приехал к подворью Дуневичей как раз к обеду. Борща Марии Алексеевны на всех не хватило. Валиев с подчиненными ей не показывались. Но оказалось, что старший лейтенант Герасин профессионал не только в военном деле, но и в поварском. Он сварил такой суп, что пальчики оближешь.

После обеда все разошлись по комнатам и завалились отдыхать. В большой, гостевой, остались только Галдин и Дуневич.

Вячеслав посмотрел на друга и спросил:

— Вадим, ты точно уверен, что у вас все получится?

— Точно уверен. Иначе и быть не может.

— Но разве можно исключить, что Сухобоков успеет прикрыться Еленой?

— Нельзя. Я этого не исключаю.

— Тогда как?..

— Тогда, Слава, за работу возьмутся парни из управления специальных операций. Они знают, что делать в подобных случаях. На крайняк применяют газ или отработает снайпер. Ты не ломай голову над этим.

— А если Султану не удастся прорваться в дом?

— Тогда пойдем на штурм. Но я просил тебя не ломать голову. За работу взялись профи. У них это не первая подобная операция.

— Тебе легко говорить. Не твоя сестра там в заложницах.

— А ты чего раньше, сразу же, как Лена попала в лапы Сухобокова, не сообщил мне об этом? Ведь у тебя есть мой номер!

— Не подумал.

— Вот, не подумал. Иначе все решилось бы в тот же день.

— Но ты же то в Суринаме, то в Сирии, то хрен знает где.

— Ну и что? А начальство мое всегда в Москве. У него есть возможность решить любые вопросы такого рода. Позвонил бы сразу, я сообщил бы о проблеме полковнику, он — генералу. Тот пробил бы номер Сухобокова, позвонил бы ему и настоятельно потребовал во избежание крупных неприятностей отпустить девушку. Елена тут же оказалась бы на свободе. А сейчас у Сухобокова пути назад нет.

— А как Елене, если вы освободите ее, жить после этого?

— С тобой будут заниматься нейрохирурги, или как там называются спецы по позвоночнику, с ней поработают психологи. Они быстро вернут ее к жизни. С тобой, если честно, сложнее, но шансы, думаю, есть. Сейчас главное, удастся ли Борисову обвести вокруг пальца Гвоздева. Остальное уже будет делом техники.

В 16.30 сотовый телефон Галдина издал сигнал вызова.

Вадим готовил еду для Султана, оторвался от этого дела, протер руки полотенцем, достал телефон, посмотрел на экран и ответил:

— Да, Миша.

— Сделал, как ты просил.

— Получилось, значит?

— Не то слово. Перетянул гайку тройника. Труба на хрен трещинами пошла, вода в потолок ударила, залила пол и стены. Но самое интересное, что дисплей на котле показывает ошибку, которой в инструкции нет. Теперь мне следует обратиться в сервисный центр. Короче, вырубил я напрочь всю систему. Ремонт по моим прикидкам обойдется тысяч в двести, если с заменой котла.

— Отлично, Миша, поздравляю.

— Он еще смеется!

— Я на полном серьезе. Но черт с ней, с системой. Что по поместью?

— Пошел к Гвоздеву, объяснил, что да как. Он захотел посмотреть, я тебе говорил. Этот Гвоздь еще тот перец.

— Ну, убедился?

— Ржал, сука.

— Дальше что?

— Посоветовал человечка, который все может исправить. Дал его телефон.

— По поместью что?

— С этим все нормально, только я зашел к Гвоздю с другой стороны, попросил его приютить меня у себя дома. Тот отмахнулся. Мол, никак нельзя. Предложил мне перекантоваться в администрации. А там, не поверишь, Морда тоже ремонт затеял. С утра бригада из Переславля приехала. Тогда Гвоздь сам предложил мне пожить в гостевом доме в поместье. «А босс против не будет?» — спросил я. «Он даже не узнает. Мой мастер сделает все быстро, дня за два, так что переезжай, но обретаться будешь вместе с отдыхающим охранником в его комнате», — ответил он. А сегодня заступили местные, Шест и Конь, который на ночь домой свалит. Ему разрешается. Он же сельский.

— Превосходно, Миша, просто замечательно. А боялся, что не получится.

— Я не боялся, а опасался.

— Ну да. Значит, ночью в охране будет один Шест, или как там его?

— Да, Коровин. Мужик здоровый, но ленивый, хотя службу бдит, на дежурстве не спит.

— Да и хрен с ним.

— Ты прав. Когда вас ждать?

— Давай так. Когда меньше всего напряжен охранник?

— Сразу после смены. Пока заступает, в журнале отметки делает.

— Правильно. А это примерно в девять часов вечера. Но здесь другая проблема. Сухобоков, помощник и секретарь еще наверняка бодрствовать будут.

— Босс со своими людьми приедет только утром.

— Seriously?

— Так Гвоздь сказал, а он-то знает.

— Да, он должен знать. Ну что ж, все складывается очень удачно.

— Не слишком ли удачно?

— Бывает и так. Значит, в двадцать один час я с Султаном буду у внешнего забора напротив промежутка между хозяйственными постройками и вторым гостевым домом. Как подойдешь, бросишь камешек, только небольшой.

— Нет, я тебе кирпич запущу!

— В ответ его и получишь. Но шутки в сторону. Елена просила знак ей от озера подать.

— Я сейчас со Славиком быстро выйду к водоему. Дотемна успею. Но вот будет ли она в это время смотреть в окно?

— Этого я не знаю.

— Миша, надо сделать так, чтобы Елена через полчаса смотрела в окно!

— Слушай, Вадим, не много ли ты от меня требуешь?

— Ровно столько, сколько нужно для дела.

— И как мне это устроить?

— Тот же камешек. Или до окна третьего этажа не добросишь?

— Я сейчас дома, собираю вещи.

— Так хватай все, что тебе надо, и лети в поместье. Полчаса у нас, понял?

— Понял. Не удивляюсь, что британцы несмотря на все пакости не смогли выиграть у вас в Суринаме. Вы же кого угодно уделаете своими напряжениями.

— Работаем, Миша! До связи.

— До связи.

Галдин отключил телефон, повернулся к Дуневичу и заявил:

— Срочно катим на берег озера.

— Я увижу Елену?

— Скорее ее силуэт.

— Катим.

— Может, и мне с вами? Сухобокова и его прислуги в доме нет, охрана восточную часть берега не видит, а я помогу быстрее добраться, — проговорил Снегирев.

— Ты не учитываешь Гвоздя. Эта сволочь может оказаться в особняке в любое время. Он знает только обо мне, увидит двоих и тут же забьет тревогу. Сами справимся.

— Хоть до поворота давай помогу.

— До выезда из леса.

Снегирев взялся за коляску и покатил ее к входу. Они перемещались бегом, дважды едва не опрокинули Дуневича.

К озеру коляску выкатил Галдин, не забывший прихватить с собой удочку. Это произошло в 17.03. На округу уже опустились сумерки, но на расстоянии в сто метров, а именно столько оставалось до поместья, еще можно было разобрать лица.

— Окно третьего этажа!.. Лена! Господи, сестричка! — воскликнул Дуневич.

Галдин бросил взгляд на окно, увидел Елену. Она махнула им рукой.

— Ты, Славик, рыбу лови. Не исключено, что на нас не только Лена смотрит. Я все, конечно, понимаю, но скоро ты ее дома обнимешь, так что потерпи. А вот как сообщить ей время переброски пса? — проговорил Вадим.

— На песке начерти.

— Но это может увидеть и Гвоздь.

— На третьем этаже плотные портьеры. Вряд ли он находится в бильярдной. А со второго, из левого окна край пляжа не виден. Елена же разглядит.

— Молодец, верно. — Галдин оставил Дуневича, который забросил пустую удочку, отошел к краю пляжа, нарисовал на песке «21.00» и посмотрел на окно.

Девушка махнула рукой. Потом она четыре раза раскрыла всю пятерню и показала один палец.

«Половина дела сделана. Теперь можно и порыбачить, — подумал Галдин. — Вот только если кто нас увидит, то наверняка подумает, мол, идиоты какие-то. Кто сейчас ловит рыбу?».

Он подошел к коляске и спросил у Дуневича:

— Ну что, Славик, клюет?

— Смеешься?

— Почему бы и нет. У нас все получилось. Правда, пока на пятьдесят процентов, но самое сложное позади. Теперь дело техники.

— Долго мы будем сидеть здесь? Елена ушла.

— Полчаса, не меньше. Это для Гвоздя, если смотрит. И ты сиднем-то не сиди, изображай рыбалку, подсекай, вытаскивай леску, смотри на крючок, иногда имитируй смену наживки, опять забрасывай, а я покурю.

— Лады!

Друзья таким вот манером ловили рыбу, пока не стемнело, потом отправились домой.

Там Галдин покормил Султана, а затем провел еще одну тренировку. После этого он положил в небольшую сумку сотовый телефон с мощным аккумулятором и инструкцию по пользованию этим аппаратом.

Капитан Валиев, наблюдавший за всем этим, предложил:

— Может, ствол ей передадим? У нас есть «ПМ» с двумя обоймами.

Галдин повернулся к нему и спросил:

— А парочки оборонительных гранат у вас нет?

— Оборонительных нет, есть наступательные. Дать?

Вадим улыбнулся.

— Я пошутил.

— Ствол девушке не помешал бы.

— Ты думаешь, она умеет им пользоваться? По бумаге этому не научишь. Да и потом, чтобы выстрелить в человека, сам знаешь, надо быть психологически готовым сделать это. Елена скорее отдаст оружие, чем воспользуется им. К тому же у нее будет оружие, которое куда грознее пистолета.

— Твой пес?

— Да. Сомневаешься?

— Ничего не могу сказать. Не знаю, насколько он обучен.

— Я знаю. Это мой пес. Он не подведет.

— Да, тебе виднее. Будем надеяться на него.

— Все пройдет нормально.

В 20.00 Галдин сделал попытку вызова участкового. Тот сбросил ему сигнал отсрочки переговоров.

Вадим подозвал Султана, закрепил на его груди сумку и вывел во двор. Там их уже ждал Снегирев с трехметровой доской, на которой были набиты бруски для удобства лазанья.

Галдин кивнул и сказал:

— Это ты очень хорошо придумал. Жаль, нельзя приколотить такие ступеньки на спину Борисову.

— А ему зачем? — осведомился Снегирев.

— Султан будет взбираться в окно по его спине.

— Вот не завидую участковому. Пес ему всю спину раздерет.

— Ничего, Мишка молодой, до свадьбы заживет, лишь бы все получилось. Что-то он не ответил на вызов.

— Значит, не смог.

— Логично, — сказал Галдин и улыбнулся.

Он взял с собой халат Елены. Султан, конечно, запомнил ее запах. Но перед запуском пса внутрь усадьбы надо было напомнить ему его.

Они двинулись к восточной части поместья, прошли метров двести, и телефон Галдина сработал сигналом вызова.

— На связи, — ответил Вадим.

— Извини, не мог раньше говорить, провожал Коня, то есть Ледина.
— Сейчас свободен?
— Как птица в бреющем полете.
— Охранник?..
— Сидит у себя в сторожке.
— Мы идем.
— Я жду.
— Очередной сеанс связи в двадцать пятьдесят пять.
— Принял.
— Надень на спину и на голову что-нибудь плотнее.
— Я уже приготовил ватник и зимнюю шапку.
— Охранник через окно сторожки не будет видеть тебя, или его надо отвлечь?

— Я выходил к стене дома. Там он меня с Султаном затемно не увидит точно. Из окна просматривается небольшой, всего метра в два, участок между гостевым домом и особняком, но там посредине сосна и освещение слабое, тень от дерева. Проскочим. У забора же все нормально.

— Гвоздь?..

— Свалил вместе с Конем. Утром ему придется встречать хозяина, а надо еще выпить и протрезветь.

— Что-то он часто пить стал.

— Гвоздь всегда так пил. Если ты беспокоишься о его здоровье, то после акции попроси свое начальство устроить его в клинику, этак на полгода.

— Да на хрен он нам сдался. Все, до связи. Будь аккуратен!

— До связи.

Галдин с Султаном и Снегирев шли, соблюдая все необходимые меры безопасности. В поместье оставался всего один охранник, но что мешало вернуться туда тому же Гвоздю или Коню? А то и обоим? Такое вполне могло случиться.

Они подошли к забору в нужном месте в 20.50, залегли, осмотрелись. Тихо. Небо закрывали тучи.

«Видимо, скоро дождь пойдет, — подумал Галдин. Что ж, это нам только на руку. Дождь, как говорится, смывает все следы».

В 20.55 он вызвал участкового и спросил:

— Что у тебя?

— У меня все нормально. Мы можем и без телефона говорить. Я слышу твой голос за стеной.

— Обстановка?..

— Прежняя.
— Третий этаж?..
— Темно.
— Окно?..
— Ты имеешь в виду внутренней лестницы?
— Да.
— Пока закрыто.
— Ждем. Готовлю пса.
— А я с нетерпением жду его. Надеюсь, ловить Султана, когда он будет прыгать с забора, мне не придется?
— Да, не надо.
— Понял. Так, минуту.
— Что?
— Подожди! — Участковый замолчал, но уже через мгновение возобновил связь: — Вадим, окно на внутренней лестнице приоткрылось.
— Отлично. Молодец Елена. Все поняла и делает как надо.
— Ну что? Пора запускать пса?
— Жди и отойди в сторону, а то он своей массой собьет тебя.
— Уже отошел.
Галдин встал рядом с Султаном, положил перед ним халат. Пес ткнулся в него носом, поднял морду, посмотрел на старшего лейтенанта.
— Запоминай, Султанчик. — Галдин кивнул Снегиреву, и тот прислонил доску к ограде. — Сейчас ты по этой штуке залезешь на забор и спрыгнешь за него, усвоил?
Султан наклонил голову, вильнул хвостом.
— Там будет человек, к которому ты лазал на спину. В лесу, помнишь?
Ответом были те же движения. Пес вроде бы все понимал.
— Ты должен по запаху найти девушку. — Галдин поднял халат. — Быть с ней, охранять и слушать ее, как меня.
На этот раз пес какое-то время оставался недвижим и внимательно смотрел в глаза офицеру. Потом он в очередной раз наклонил голову, вильнул хвостом и встал.
— Ты понял, дорогой. Молодец! — сказал Галдин, отстегнул поводок, подвел пса к доске, вызвал участкового и спросил: — Готов?
— Как юный пионер.
— Обстановка?..
— Спокойная.
— Запускаю!
— Принимаю.

Галдин указал псу на доску и приказал:

— Вперед!

Султан быстро взобрался на гребень ограды и исчез за ним.

Снегирев убрал доску, офицеры противоминного центра залегли.

Султан приземлился в нескольких сантиметрах от Борисова, едва не задел его лапами и мгновенно отпрыгнул.

— Ух ты, ну и зверюга!

Пес сел и поглядел на участкового. Теперь он видел в нем хозяина.

— Рядом!

Султан пристроился к ноге Михаила.

— А теперь вместе, вперед! — приказал Борисов и рванул к дому.

Султан бежал рядом с ним, не обгоняя и не отставая.

Борисов показал псу на окно и заявил:

— Тебе туда, дружище.

Султан посмотрел на окно, затем на Борисова.

— А, ну да, я же тебе как лестница. — Михаил встал к стене, уперся в нее руками, раздвинул ноги, втянул голову в плечи.

— Вперед, Султан!

Пес мигом вскарабкался по спине участкового, оттолкнулся от его головы одной лапой, второй пихнул форточку и прыгнул внутрь.

Раздался изумленный женский вскрик, и наступила тишина. Форточка закрылась, последовал щелчок изнутри.

Борисов осмотрелся, никого не увидел, пригнулся и метнулся к забору.

Оттуда он вновь посмотрел на сторожку, выдернул из кармана телефон и доложил:

— Вадим, Султан внутри.

— Отлично. Тебе на сегодня все, закрывайся в гостевом доме и отдыхай. Спрячь подальше шмотки, которые сейчас использовал.

— А то я не догадался бы.

— Спасибо, Миша.

— На здоровье.

Султан оказался у ног Елены. Она ждала его появления, но не удержалась, вскрикнула и тут же закрыла рот ладошкой.

Султан отряхнулся, взглянул на нее и толкнул в ногу мордой. Мол, чего застыла, командуй. С этой минуты он должен был подчиняться этой хрупкой девушке, издающей знакомый запах.

— А ты не кусаешься?

Султан вновь ткнулся носом в ее ногу.

— Нам надо идти наверх? Да, конечно. А как тебя зовут? — Лена

поняла, что сморозила глупость, и проговорила: — Дура я.

Султан внимательно посмотрел на это создание. Он должен был подчиняться ему и защищать его.

Девушка побежала наверх. Султан двинулся за ней.

В крайней правой комнате она включила свет и увидела мешочек, прикрепленный к ошейнику. Лена протянула к нему руку и тут же отдернула ее.

Султан лег, положил морду на лапы. Он чувствовал, что девушка боится его.

Елена все же набралась смелости, сняла мешок с ошейника, вытащила оттуда телефон и инструкцию. Она быстро прочитала ее, включила аппарат, набрала номер, указанный в бумаге.

Сотовый телефон Галдина провибрировал сигналом вызова.

— Лена? — спросил он.

— Да, это я, а вы друг Славика?

— Да, ты должна помнить меня. Я Вадим Галдин.

— А я все думала, кто же это на берегу со Славой. Вроде знакомое лицо.

— Как тебе пес?

— Страшный, большой.

— Ты его не бойся. Он очень умный, знает, что должен охранять тебя и выполнять все твои команды.

— Какие именно?

— На бумаге написано. Но ты можешь просто говорить ему, что надо сделать. Не бойся его. Он твой друг и если будет надо, то жизнь отдаст за тебя.

— Правда?

— Правда. Но не будем терять время. Пса зовут Султан.

— Но его ведь надо кормить, поить, да? Я поделюсь с ним.

— Вода, надеюсь, в твоих апартаментах есть?

— Да, конечно.

— Ну а сухой корм в отдельном пакете, лежащем в том же мешочке.

Девушка проверила, так ли это, и подтвердила:

— Да, есть.

— Раздели его на четыре части и давай собаке утром и вечером. Этой еды хватит на двое суток.

— Так мало для такого большого пса?

— Бывало и такое, что он по несколько дней не ел. Ты, главное, воду ему давай.

— Да, конечно.

— Теперь дальше. У поместья, в вашем доме находится боевая группа, которая освободит тебя не без помощи Султана. Акция ориентировочно состоится в четверг. Время уточню и вообще буду держать тебя в курсе дел. Сама мне звони только в крайнем случае и прячь телефон. Инструкцию изучи и уничтожь. Корм держи под ванной или там, где его не сможет найти жена Гвоздева.

— Вы и о ней знаете? Хотя я зря спрашиваю. Новый участковый ведь с вами.

— Да, он с нами, и нам известно многое. Но на сегодня достаточно. Пообщайся с Султаном. Я уверен, вы быстро подружитесь. До утра Сухобокова и его подельников в особняке не будет.

— Будет Нинка. Жутко противная баба! Я раньше как-то не замечала, что она такая злая и неопрятная.

— Черт с ней. Вопросы ко мне есть?

— Да. А со Славиком я поговорить смогу?

Галдин погладил подбородок и проговорил:

— Мы сейчас уйдем от усадьбы. Как будем в доме, решим этот вопрос. Ты прочитай в инструкции, что надо нажать, чтобы передать сигнал о невозможности говорить. Это на случай, если телефон завибрирует, когда я буду вызывать тебя, а ты не сможешь ответить. После, когда возможность говорить появится, сама вызовешь меня.

— Ты говоришь со мной как с ребенком. Я уже не маленькая, Вадим. Мне двадцать первый год пошел, разберусь как-нибудь.

— Ну и разбирайся. Все, конец связи.

— Это значит, что я выключаю телефон, так?

— Да, Лена, — тихо проговорил Галдин. — Нажми красную кнопку. — Вадим отключил свой телефон, повернулся к Снегиреву и заявил: — Ну вот, Сеня, а ты говорил купаться.

— Чего? Кто говорил?

— Ты, не я же.

— Когда?

— Не врубаешься? Это же прикол.

— Да, время для приколов ты выбрал самое то. Нам сваливать отсюда надо.

— В чем проблема? Забирай доску, и вперед.

Снегирев взглянул на Галдина и спросил:

— А доску-то зачем?

— Оставим здесь? А утром, перед приездом босса Гвоздь решит

обойти периметр и увидит эту самую доску, очень даже напоминающую лестницу. И что тогда?

— Ладно, умеешь ты быть убедительным.

— Забирай доску, и двинулись.

Обратно они дошли быстрее, в 22.15 ввалились в комнату, где за столом сидели офицеры боевой группы капитана Валиева.

Но первым подал голос Дуневич, коляска которого стояла в углу:

— Ну и что, ребята?

— Все хорошо, Славик, — сказал Галдин и улыбнулся. — Султан охраняет Елену.

— А телефон вы ей передали?

— Конечно, — сказал Вадим. — Я сразу же поговорил с ней. Она держалась молодцом, обрадовалась.

— А мне с ней можно поговорить?

— Что, сильно хочется?

— Что за вопрос, Вадим? Сам-то как думаешь?

— Держи аппарат. Номер найдешь в памяти. Звони.

— Вы извините, парни, но выкатите меня на улицу.

— Там дождь начался, — сказал Снегирев.

— Пустяки, выкатите, а? А то я сам дальше сеней не смогу.

Старший лейтенант Герасин поднялся и предложил:

— Давай я выкачу.

— Накидки возьмите, — сказал Валиев.

— Возьмем.

Герасин выкатил Дуневича на улицу.

Отсутствовали они довольно долго, почти двадцать минут, вернулись мокрые. Дождь заметно усилился, поднялся ветер. Но лицо Вячеслава буквально светилось.

— Ну что, наговорился? — спросил Галдин.

— Нет. Разве наговоришься по телефону? Я спросил, сильно ли издевался над ней Сухобоков. Она сказала, что хотела и даже пыталась покончить с собой. — В глазах Вячеслава показались слезы.

Галдин подошел к нему и сказал:

— Слава, успокойся.

— Теперь там более-менее нормально. После того как Лена вскрыла себе вены, этот урод больше не беспредельничал и своим друзьям не давал.

— Зачем же тогда держать девчонку в плену? Чтобы правду не рассказала? — спросил Валиев. — Но ведь Сухобоков вроде как никого не боится, у него все схвачено.

— Она ему теперь как заложница нужна, — проговорил Стуров. — Чует, наверное, пес старый, что лафа кончается, его наркобизнес может накрыться, готовит пути отхода. С заложницей это гораздо безопасней и, в принципе, осуществимо даже в ходе боевой операции против него.

— Никуда он не свалит, — стиснув зубы, сказал Галдин. — Предупреждаю сразу, Сухобоков мой. Когда пойдем на объект, я сам этого козла на куски порву. И никто мне не помешает. В том числе и вы.

Валиев пожал плечами и заявил:

— Если так хочется, да еще и может, то рви. Начальство предъявит претензии, мы заявим, что Сухобоков был убит во время попытки ликвидации заложницы и прямого вооруженного нападения на офицера противоминного центра. Только, Вадим, ты рви его аккуратно. Чтобы не походило на действия маньяка. На не слишком мелкие, аккуратные куски.

Галдин поднялся и сказал:

— Обещаю, я его нежно порву. А теперь, парни, давайте спать. Завтра здесь появится Сухобоков. Хрен его знает, с чем он приедет.

— И с кем, — добавил Снегирев.

— Именно.

— Завтра же принятие окончательного решения на действия. Ну а в четверг с божьей помощью пойдем в гости к господину Сухобокову.

— Аминь! — сказал Снегирев и сложил ладони перед грудью.

Глава 9

В среду, 19 октября Галдин проснулся в шесть утра и тихо вышел из дома. Он сполоснулся холодной водой, растерся полотенцем, набросил на себя куртку, присел на скамью у подправленного крыльца, достал телефон, набрал номер участкового.

Вадим думал, что тот не ответит в такую рань, но тут же услышал:

— Да, Вадим.

— Извини. Я, наверное, тебя разбудил.

— Нет, знаешь, на новом месте спится плохо. Я привык дома ночевать.

— Тогда доброе утро.

— Доброе, Вадим.

— Что в поместье?

— Пока все тихо. Охранник на посту, бодрствует, напарник его на селе.

Султана твоего не слышно.

— А его и не должно быть слышно. Он подает голос только по команде, причем по моей.

— Слушай, давно хотел спросить тебя, почему твой пес почти не лает?

— Это так интересно?

— Для меня да.

— Хорошо, отвечу. Султан — минно-разыскная собака. Он натаскан именно на обнаружение мин, которые могут иметь разные взрыватели, в том числе и звуковые.

— В каком смысле?

— В прямом. На собак и расчет. Пес обнаружит мину и подаст голос. Что будет дальше? Правильно, взрыв. Поэтому наши собаки, найдя взрывное устройство, садятся рядом с ним и молчат.

— Теперь понятно.

— Значит, в поместье ничего нового?

— Думаю, эта тишина ненадолго. Если прием груза у бандюков назначен на завтра, то Сухобоков появится здесь, и не один. Если что, то он не при делах, дома сидел, смотрел телевизор.

— Да, скорее всего, так и будет. Господин бизнесмен подставляться не станет. Ему надо иметь алиби, даже здесь, в регионе, где у него все схвачено. Подставить могут и поставщики, а депутат прикрыть не успеет. На этот случай Сухобокову алиби жизненно необходимо. С ним его не зацепит ни одна спецслужба.

— Но мы-то зацепим.

— Мы — да, еще как. Потому и будем работать в поместье.

— А как работать, ты уже решил?

— Окончательное решение будет принято позже. Ты обязательно о нем узнаешь, так как являешься членом группы.

— Хорошо, я на связи.

— Да, Миша. Все.

— Погоди. В крайнем правом окне третьего этажа зажегся свет.

— Это одна из комнат Елены. Почему она не спит?

— Наверное, волнуется.

— Да, конечно. Но если она не спит, то это значит, что ей можно позвонить?

— Да. Сейчас это безопасно.

— Я понял тебя, спасибо, до связи!

— Отбой, командир.

Галдин отключил телефон, прикурил сигарету.

На крыльцо вышел Снегирев и спросил:

— Чего ты так рано встал, Вадим?

— Нормально. Смотрю, тебе тоже не спится.

— Ты поднялся и разбудил меня, а Валиев и его ребята спят как убитые. Славика тоже не слышно.

— Пусть отдыхают.

— Я сейчас.

Снегирев пробежал до туалета. На обратном пути умылся, присел рядом с Галдиным:

— Побриться, что ли?

— Побрейся, пока все не встали.

— А ты?

— Я думаю Елене позвонить.

— Хочешь разбудить девушку?

— Она не спит.

— Откуда знаешь?

— Недавно говорил с участковым, он видел свет в ее окне.

— Беспокоится.

— А ты бы не беспокоился?

— Сравнил. Я мужик, офицер, для меня война — работа, а она?

Галдин взглянул на товарища и заявил:

— А она сделала то, чего от нее никто не ожидал. Показала себя, окно открыла и двери распахнет, когда на штурм пойдем. Так что, конечно,

Елена беспокоится, но на нее положиться можно.

— А ты ее давно знаешь?

— Познакомился с ней, еще когда приезжал сюда курсантом вместе со Славиком, не видел три года. Она красивая девушка и очень душевная, если так можно сказать. В общем, хорошая.

Снегирев процедил сквозь зубы:

— А этот шакал Сухобоков ее в наложницы, прямо как султан какой-то.

— Ленке жизнь испортили до него, в Москве. Не понимаю, почему Славик не сообщил мне, когда она в столицу приезжала на заработки. Уж помог бы я как-нибудь.

— Из нас помощники весьма хреновые. Мы сами-то дома бываем без года неделю.

— Не утрируй. Сам знаешь, что помогать можно по-разному. Не надо постоянно опекать. Достаточно было устроить Лену на работу в центр или в какую-то приличную организацию, обозначить, что за ней стоим мы, и жила бы она спокойно. Но сейчас поздно об этом говорить. Что вышло, то вышло.

Снегирев улыбнулся.

Галдин посмотрел на него и спросил:

— Ты чего лыбишься?

— Мне почему-то кажется, что если все пройдет удачно, то группа лишится последнего холостяка.

— О чем это ты?

— Не о чем, а о ком. О тебе и Елене. Вот только сможешь ли жить с ней, после того, что произошло?

Галдин затушил окурок и заявил:

— Снегирь, не о том базаришь!

— О том, Вадим, о том! — Семен ушел в дом.

Галдин посмотрел на часы. Семь ноль-две. Он набрал номер телефона Елены.

Она ответила немедленно:

— Да.

— Лена, это я, Вадим.

— Конечно, кто же кроме тебя еще может позвонить мне?

— Славик.

— А, ну да. Здравствуй, Вадим.

— Привет. А ты чего тихо говоришь?

— Не знаю, наверное, так на меня действует гробовая тишина, которая

стоит в доме.

— В нем нет никого. Как там Султан?

— Твой Султан — примерный пес. Слушается меня во всем, но заметно, что напряжен. Я легла, он устроился рядом, у кровати. Повернулась, Султан тут же голову поднял.

— Охраняет. Такая ему поставлена задача.

— Но вот только корма ему мало. У меня осталось мясо с ужина, хотела дать, он отвернулся.

— Не возьмет ничего, не пытайся.

— Но ему надо что-то есть.

— Главное, воды давай вдоволь. Он сейчас, если можно так сказать, находится в режиме ожидания активных действий. Без еды трое суток легко обойдется, без воды — нет.

— Воду я ему постоянно свежую даю.

— Вот и хорошо. Почему ты рано проснулась?

— Захотела кое-куда, а потом, как ни пыталась, уснуть так и не смогла. Сон как рукой сняло. Султан тоже бодрствует. Я в правую комнату, он за мной. Сейчас сидит рядом, смотрит, слушает. Если приложить телефон к его уху, он твой голос узнает?

— Нет.

— Жаль. По-моему, он еще и скучает.

— Султан на службе. Конечно, он привык быть рядом со мной, но все понимает. Да, скучает, но это не мешает ему выполнить задание.

— Какие они все же умные, эти овчарки.

— Их, Лена, специально готовят два года. Ты бы прилегла, может, уснешь.

— А ты почему не спишь? Лег-то поздно.

— Скорее рано. Но мне достаточно двух-трех часов на восстановление. У нас тут подготовка к работе.

— Слава тоже с вами?

— Да, он сейчас приводит себя в порядок, — соврал Галдин.

— Обманиваешь?

Он изобразил удивление:

— С чего ты взяла?

— Если Славик проснулся, то он сам поговорил бы со мной.

— Не торопись. Вот привезем тебя домой, тогда и наговоритесь.

— А ты уверен, что все пройдет именно так, как задумано?

— Зачем же я к тебе Султана послал?

— Один Султан ничего не сделает.

— Ты о хорошем думай. Все у нас получится. И тебя освободим, и Славику поможем, и Сухобоков получит все, что заслужил, по полной программе.

— Тебя нам Господь послал.

— Может быть, хотя я еще в Сирии собирался к вам. Но все, Лена. Тут напарник мой идет. До связи. Не исключено, что нам сегодня еще не раз говорить придется.

— Странное словосочетание, «до связи».

— У нас так принято.

— Ну, раз принято, то до связи, Вадим.

— Не волнуйся.

— Постараюсь.

Галдин отключил телефон.

К нему подошел Снегирев. В руках пена для бритья, бритва, полотенце. Чисто выбритый, благоухающий туалетной водой.

— Поговорил?

— Да.

— Как она?

— Нормально.

— Султан?..

— Ты Султана не знаешь?

— Я тебе все для бритья принес. Будешь?

— Конечно.

Вадим забрал у Снегирева туалетные принадлежности, прошел в дом, где за печью был установлен умывальник с ведром внутри фанерного короба, и побрился. Дорогой парфюм друга он использовать не стал. Не хватало еще выдать себя запахом. Вдруг придется работать прямо сейчас?

В половине восьмого начали вставать остальные.

Первым проснулся Дуневич.

Галдин помог ему, сменил памперсы, подмыл. Славик опять сильно стеснялся.

— Я сам, уйди! — заявил он.

— Прекрати. Ты у нас раненый, а разве мы когда-нибудь их бросаем, не помогаем им?

— Все равно стремно, Вадим.

— Нормально.

Встали и офицеры группы капитана Валиева.

Командир тут же поинтересовался у Галдина:

— Новое что-нибудь есть?

— Нет, пока в ожидании.

— Понял. Ожидаем.

Снегирев приготовил завтрак. Мария Алексеевна должна была подойти гораздо позже.

За окном вновь пошел дождь. Все оставались в доме. На дворе светиться мог только Галдин.

Сидя за столом, Валиев произнес:

— Если работа сегодня, и не будет никаких вводных, то на связь должен выйти полковник Тагуров.

— Должен. Вопрос в том, когда, — сказал Галдин.

— В любое время. Так что предлагаю отработать план действий в поместье. Определиться, кто, откуда и куда пойдет. Порядок выдвижения. То есть выработать предварительное решение.

— Можно, но для этого у нас мало информации.

— Ты о том, что мы не знаем, когда объявится Сухобоков, будет ли он вообще и сколько отморозков притащит с собой в поместье?

— А разве это не важно?

— Не критично. Нас пятеро. Значит, сможем нормально работать против двенадцати, даже пятнадцати человек. От количества противника подход к объекту не зависит. Это уже внутри придется корректировать. Не впервой. Да и делать все равно нечего. А Тагуров вполне может спросить, какой у нас план работы.

Галдин кивнул и сказал:

— Ладно. Вот карта и схема объекта.

Офицеры проработали несколько вариантов. Но их соображения не имели особой значимости, так как сводной группе Галдина предстояло работать под прикрытием и при необходимой поддержке Росгвардии. Соответственно, операция в поместье была привязана к отработке задачи подразделений, которые должны пресечь передачу наркотиков в городе. Но время, как говорится, убили, определили подходящие маршруты выдвижения, которые могли быть использованы при любых вариантах.

В 8.20 Галдину позвонил полковник Тагуров.

— Довожу до сведения, что пара старых «Жигулей», отправленных к нам узбекским наркобароном Мурадовым, находится в трехстах километрах от Переславля. Ее плотно ведут. Наркоконтролю стало известно и место, где должна произойти передача товара. Но это лично вас не касается. Сделка может состояться около пятнадцати часов. Как только это произойдет, работаете вы. Мной с пяти утра в район поместья направлена группа быстрого реагирования в составе двенадцати человек.

Бойцы закольцевали район, оставили коридор от деревни Чернуха. Это ваше направление. Все свои конкретные действия вы согласуете с командиром группы майором Старковым. В десять часов вы должны с ним встретиться. Прошу обозначить место.

Галдин подумал и назвал координаты того самого места, где встречался с полковником Сердановым.

— Там безопасно?

— Безопасность я обеспечу.

— Хорошо. Значит, ровно в десять часов.

— Так точно, товарищ полковник!

— У вас есть портативные станции «Вепрь»? — спросил Тагуров.

— Есть у группы из управления специальных операций.

— Частоту они знают. Позывной Старкова Рысь, ваш — Верб, остальное определите при встрече.

— Принял.

— При подъезде к месту встречи Старков свяжется с вами. С ним подготовите окончательное решение.

— Но сделать это будет сложно. У нас нет информации о том, вернется ли в поместье Сухобоков и сколько людей будет с ним на момент штурма.

— По моим данным, Сухобоков выедет в Санино через час. А сколько с ним будет людей, вы узнаете от своего участкового. Он же сейчас в поместье?

— Так точно!

— Следовательно, вы сможете принять окончательное решение. Если вам потребуется дополнительное вооружение и снаряжение, то оно будет у Старкова.

— Понял.

— Вопросы, товарищ старший лейтенант?

— Работаем жестко?

— Это на ваше усмотрение. Лишние трупы, конечно, нежелательны, но, в общем, по обстановке. У Старкова будут с собой маски. Работать только в них. Почему, думаю, объяснять не надо. Больше вопросов нет?

— К вам нет. К Старкову достаточно.

— Вот ему вы их и зададите. До связи, старший лейтенант.

— До связи, товарищ полковник.

Галдин отключил телефон, посмотрел на товарищей и сказал:

— Вот так, господа офицеры. В десять часов у меня встреча с командиром группы быстрого реагирования местного управления Росгвардии майором Старковым. С ним согласуем все вопросы. Кстати, его

люди уже закольцевали поместье и, думаю, ведут за ним наблюдение.

— Оперативно.

— Через час в поместье из города отправится господин Сухобоков.

— Это тоже известно ребятам из Росгвардии? — спросил Валиев.

— Да. Мне нужна одна из ваших радиостанций.

— У меня их пять.

— Зачем пять?

— А мы знали, что они пригодятся и вам. Так что возьми любую.

Стуров настроит.

Тот кивнул и заявил:

— Без проблем.

Старший лейтенант достал две компактные, защищенные от перехвата и пеленгации импульсные радиостанции малого радиуса действия, настроил их, передал Галдину и Снегиреву.

— Держите, мужики. Как пользоваться, надеюсь, объяснять не надо?

— Не надо.

Галдин повернулся к Снегиреву и распорядился:

— Сеня, готовь машину.

— На «Рено» поедем?

— На «Ниве». На улице дождь, наш вездеход надежнее.

— Когда выезжаем?

— В девять двадцать.

— «Винторез» беру?

— Бери. Твоя задача, как и прежде — обеспечить безопасность со стороны села.

— Встаем там же?

— Да. Если Старков не решит иначе. На подъезде он свяжется с нами.

— Понял.

— Одного Снегирева хватит? Может, с тобой еще и Герасина послать? — спросил Валиев.

— Это лишнее. В поместье еще будет участковый. Он предупредит об опасности.

— А если Сухобоков отправит его сюда или в город, заставит контролировать озеро? Мы не знаем, что у этого урода на уме. Сейчас он напряжен и сосредоточен. Трусливый шакал, загнанный в угол, иногда бывает опасней тигра. Но решать тебе.

— Ладно, пусть Миша едет с нами, — сказал Галдин.

Валиев взглянул на подчиненного. Тот кивнул и начал быстро собираться.

— Боевой камуфляж оставь, найди что-нибудь попроще, — проговорил капитан.

Тут подал голос Дуневич.

— Старлей, возьми в комнате мою старую куртку. Она местами порвана, но тебе же не на гулянку.

— Спасибо.

— Да ладно тебе. Мне она теперь и на хрен не нужна. Есть бушлат. Он и весной, и осенью согреет, а зимой... ладно.

Галдин подошел к другу.

— Слава, перестань. Ты у нас еще работать будешь.

— Кем? На этой-то коляске?

— Попомни мои слова. Но все, мужики, мы поехали, осмотримся на месте.

— Участкового предупреди, что скоро объявится Сухобоков, — сказал Валиев.

— Да, точно. Слишком много информации с утра.

Галдин вызвал участкового.

Тот ответил сразу же:

— Да, Вадим?

— Как обстановка?

— Нормально. Сейчас в поместье два охранника. Подошел тот, который отдыхал на селе. В остальном все по-прежнему.

— Сухобоков меньше чем через час выезжает из Переславля. Твоя задача посмотреть, сколько людей он подтянет. По сделке у него все идет по плану. Тем не менее нам надо знать численность противника и место его размещения.

— Постараюсь все узнать и сообщу тебе.

— Я выезжаю на встречу с командиром группы быстрого реагирования, бойцы которой с пяти утра контролируют поместье.

— Да? А я никого не заметил. Профессионально работают ребята.

— Они и есть профи. Ты еще посмотри за тем, чтобы к месту встречи, прежнему, недалеко от села, посторонние не выходили.

— Это, Вадим, возможно только в отношении людей Сухобокова, да и то не всех. Неизвестно, кто из местных может тайно работать на него. Хотя, скорее всего, таковых нет. Это мои фантазии.

— Посмотри за людьми Сухобокова.

— Сделаю, если сам окажусь на объекте. Так, связь прекращаю. Объявился господин Гвоздев.

— Поаккуратней с ним.

— Как получится. До связи. — Участковый отключил телефон.

В 9.10 машина двинулась в объезд поместья в район села. Дождь испортил дорогу, но не настолько, чтобы по ней не прошла «Нива». «Рено» наверняка где-нибудь сел бы. В 9.3 °Снегирев остановил внедорожник.

— Давай на поляну, — сказал Галдин.

— Рискованно, Вадим. Мокрая трава хуже грязи. Провернутся колеса и капут, сядем крепче, чем я в яме.

— Хоть в сторону уйди.

— Зачем? Обочина тоже не подарок.

— Нудный ты, Снегирь. Вставай в колее.

— Не в колее, а рядом.

— Да стой ты, хорош болтать.

«Нива» остановилась, и Галдин приказал:

— Давайте, парни, в лес, так, чтобы видеть друг друга и смотреть за подходами. В случае опасности сигнал.

— Само собой, — проговорил Снегирев, набросил на голову капюшон и закинул за спину «винторез».

Охранение ушло в лес.

Галдин прикурил сигарету, не успел вытянуть и половину, как радиостанция «Вепрь» тихо пропищала сигналом вызова.

— Верба на связи, — ответил Вадим.

— Я Рысь. Вы где?

— На месте.

— Перед нами поворот.

— За ним увидите «Ниву».

— Принял. Ожидай, подъезжаем.

В 9.57 из-за поворота резко, разбивая грязь, появился мощный дизельный «Ниссан» и встал капотом к передку «Нивы». Из внедорожника вышел мужчина в прорезиненном комбинезоне без знаков различия. Такие сейчас были в моде у охотников.

Галдин открыл окно и спросил:

— Майор Старков?

— Он самый!

— Садитесь ко мне.

Командир группы быстрого реагирования сел на место водителя, достал удостоверение, показал Галдину и сказал:

— Чтобы сомнений не было.

— У меня их нет.

— И все же, старлей, надо проверять.

— Если настаиваете, проверю. Мне тоже показать документ?

— Конечно.

Офицеры взглянули в удостоверения.

— Охранение выставил? — спросил Старков.

— Естественно. Два человека.

— Давай на «ты», так проще, — предложил майор.

— Согласен.

— Меня зовут Алексей.

— Я Вадим.

— Карта с собой, или моей воспользуемся?

— С собой. Есть и схема поместья.

— Мои люди, как тебе должно быть известно, смотрят за объектом. У меня тоже уже есть схема, — сказал майор.

— Но только размещения зданий на территории. У меня она с подробным расположением помещений в основных постройках.

— Давай твои бумаги.

Офицеры смотрели на карту и схему несколько минут.

Потом Галдин спросил:

— Я могу знать, где сидят твои люди?

— Конечно. Иначе как нам согласовать взаимодействие? — Старков поставил отметки на карте.

— Получается, вы не перекрыли только восточное направление, — заметил Галдин.

— Да, оно ваше. План отработки объекта ты должен составить сам. Он у тебя есть?

— Варианты. У нас пока нет информации о том, сколько человек прибудет с Сухобоковым, и где они разместятся. Надеюсь, мы скоро получим эти сведения.

— Мне шеф говорил, что у вас в поместье свой человек?

— Да, новый участковый.

— Ты уверен в нем?

— Я ему доверяю.

— Хорошо. Давай тогда подождем. Без информации от участкового действительно нет смысла планировать что-либо.

— Одно плохо, Леша. Там, в поместье, есть еще один тип, начальник охраны. Это хитрый лис, бывший здешний участковый. Он обслуживал Сухобокова, а как погнали из РОВД, стал у него начальником охраны поместья. Он вполне может убрать моего человека с территории.

Старков спокойно ответил:

— Это не критично. Мои люди увидят, кто приедет в поместье. Слухач определит, кто и где обоснуется, уловит команды, узнает о вооружении банды.

— Ты применяешь прослушку?

— Конечно. Прибор современный, мощный, накрывает все поместье и даже зону вокруг него примерно на пятьдесят метров. Это в зависимости от местности. На открытом пространстве даже больше.

— Это хорошо. Все же надо получить информацию от участкового.

— И сверить ее с данными слухача.

— Без сомнения. Курить будешь?

— Нет, — отказался майор. — Не надо. Да и тебе не советую.

— Пытался бросить, не получается.

— Волю напряги, купи пачку, тут же выбрось в урну и с этого момента к сигаретам не прикасайся. Поломает с месячишко, а то и меньше. Это смотря как долго куришь. Потом отпустит, почувствуешь себя лучше. Дыхание совсем другое будет.

Галдин улыбнулся и сказал:

— Попробую.

— Шеф говорил, что ты умудрился запустить свою овчарку к заложнице, да?

— Откуда он это знает? — с удивлением спросил Галдин.

— Он много чего знает.

— Да, Султан рядом с Еленой. Тебе рассказали подробности того, как мы перебросили собаку?

— Нет, да и не важно это. Скажи-ка, чего ты этим хочешь добиться?

— Служивый пес — хорошая защита для девушки.

— Лучше было ей ствол передать.

— Не уверен. Со стволом еще надо уметь обращаться. Да и выстрелить не каждый сможет. А собака все сама сделает.

— Твой Султан обучен защищать людей? А я слышал, что он спец по минно-разыскным делам.

— Так и есть. Но в процесс подготовки входят разные программы. Пес много чего умеет. Теперь нам придется ждать. А это самое хреновое занятие.

— Это точно, — согласился Старков.

— Но приходится.

— Недолго осталось.

Снова пошел дождь. Нудный, мелкий, осенний. Хорошо, что ветра в лесу не было.

Вадим вызвал Снегирева и спросил об обстановке.

— Спокойная, — ответил тот.

То же самое сказал и Герасин.

— Все тихо, — проговорил Галдин. — А время у нас десять сорок семь.

Тут они услышали звук двигателей приближающихся машин, доносившийся со стороны асфальтированной дороги. Одновременно прошли доклады Снегирева и Герасина о том, что автомобилей как минимум три.

— Принял, — ответил Галдин.

Старков кивнул и сказал:

— Вот и подходит к концу наше ожидание. Впрочем, как и все в этом мире.

Вадим посмотрел на майора и заявил:

— Что-то настроение у тебя, Леша, какое-то философское.

— Вся наша жизнь — сплошная философия.

— Да? Я думаю по-другому.

— Это твое право.

Офицеры замолчали. Говорить им было просто не о чем, а к пустой болтовне ситуация не располагала.

Через десять минут Старков сказал:

— А чего нам тут стоять? Забирай охранение, поедem в дом Дуневича. Там и проведем планирование, когда получим информацию от участкового.

— Как скажешь.

К поместью подъехали четыре автомобиля. Первым встал «БМВ» с водителем, Соменко, Сухобоковым, охранниками Щербаком и Хохловым. За ним приткнулась «Мазда», в которой находились помощник бизнесмена Лазунин и секретарша Агафонова. Третьим оказался «Лексус» с охранниками Шутовым, Бабиным, Вьюновым и Гординым.

Кортеж у открытых ворот встречали охранники Коровин и Ледин, Гвоздев и участковый Борисов.

Все машины зашли на территорию. «БМВ» остановился у парадного входа. К нему подбежал Гвоздев.

Участковый пошел следом. Он видел, как начальник охраны докладывал боссу о том, что в поместье в его отсутствие происшествий не случилось.

Сухобоков выслушал его и приказал:

— Давай, Гвоздь, выстави людей... как это у тебя называется? По порядку, да?

— По боевому расчету, — подсказал боссу Гвоздев.

— Ну, значит, по расчету. Всех вооружи.

— Выдать «Сайгу» или что-то посерьезней?

— Карабинов хватит. Автоматы тем, кто будет внутри дома. Себе, личной охране, участковому, помощнику.

— То есть, как всегда в день сделки?

— Да, Коля, как всегда.

— Не понимаю, зачем это. Доставка груза проходит нормально, без эксцессов. Вокруг чисто. Я проверял.

Сухобоков взглянул на него и заявил:

— Ты, Гвоздь, болтай меньше, а больше делай. Расставишь людей, участкового направишь к деревне, пусть смотрит там за домом Дуневича.

— Понял. А мне, как и всегда, в город, на место встречи?

Сухобоков на этот раз ответил отрицательно:

— Нет. Товар примут Артур, Руслан и их люди. Они же отвезут его куда следует. После этого отбой усиленному режиму охраны.

Гвоздев пожал плечами.

— Как скажете, Леонид Борисович.

— Что с Еленой?

— А что с ней может быть? Сидит у себя в комнате. Иногда в окно на озеро смотрит.

— Твоя жена где?

— Сейчас подойдет. Немного задерживается.

— Почему?

Гвоздев смутился и ответил:

— Рожу штукатурит, Леонид Борисович.

— Зачем? — осведомился бизнесмен.

— Да вчера она не по делу скандал устроила, вот я ей глаз и подбил. А с синяком, видите ли, не желает на работу идти.

— По пьянке к вдовушке какой-нибудь нырнул, а жена узнала?

— Нет. Обычный бабий наезд.

— Чтобы через десять минут была здесь, в первую очередь Елене завтрак приготовила, затем на всех. Понял?

— Так точно!

— Лично проследи.

— Само собой.

Сухобоков в сопровождении помощника и секретаря вошел в дом.

Гвоздев повернулся к участковому:

— Слышал приказ?

— И еще кое-что кроме приказа.

— Насчет Нинки, что ли?

— Угу, Николай Николаевич.

— Чего угу? Тебя это не касается. Расставим людей, выдадим оружие. После этого к Чернухе поедешь, там организуешь наблюдение. Но так, чтобы Дуневич со своим другом тебя не видели. Помни, у него собака.

— Так я же ничего не знаю насчет расчетов и тем более оружия.

— Не знал, потому как рано было. Теперь все узнаешь. Ну-ка давай, построй мне наше войско. Службу в ВДВ еще не забыл?

— Не забыл.

— Вперед!

— Есть!

В 11.20 Борисов позвонил Галдину и спросил:

— У тебя схема поместья под рукой?

— Да. А ты что, можешь говорить свободно?

— Гвоздь направил меня в Чернуху, чтобы контролировать усадьбу Славы. Встал в проулке, смотрю на вашу базу.

— И что видишь?

— Ничего, что могло бы заинтересовать Гвоздя.

— Схема передо мной.

— Тогда так. Гвоздь по поручению Сухобокова выставил людей на посты. Отмечай, где они, сколько на них бойцов, чем вооружены.

— Очень важная информация. Тебе удалось достать ее? Хвалю.

— Это Гвоздя благодари. Он с чего-то потащил и меня заниматься этим.

— Значит, уже настолько доверяет тебе.

— Век бы его не видеть.

— Не увидишь. Совсем скоро. Как и всю эту братию, засевшую в поместье. Обещаю.

— Значит, так. Перед поместьем на внешней стоянке с запада стоит Колесов. Это один из тех козлов, которые бил Славу. У него «АКС-74У».

Серьезная игрушка. С востока Крылов, еще один участник избиения. У него тоже автомат. Слабость их позиций в том, что они находятся недалеко от леса, метрах в десяти. Правда, Колесов ближе.

— Принял.

— На КПП — двое, Шест и Конь. С западного периметра в лесу Бабин, он же Бубен. С вашей стороны, примерно напротив второго гостиного дома за забором Вьюн. У причала Шустрый. Он, как понимаешь, в зоне видимости видеокамеры. У всех этих поганцев карабины «Сайга».

Успеваешь?..

— Не успевал, сказал бы.

— Перед парадным входом в особняк Ромео или Гордин. У него тоже «Сайга». Это улица, двор и внешний периметр. В особняке на первом этаже в холле позиция посерьезней. Там Щербак и Хохол с автоматами. Они тоже били Вячеслава. На втором этаже в приемной помощник босса, в холле — водитель-телохранитель. В кабинете сам босс. У него «ПМ».

— Секретарша вооружена?

— Нет. Повариха, жена Гвоздя, на кухне. Она понесет Елене завтрак или уже это сделала. Потом должна будет готовить на всю братву.

— Ты не сказал, где находится Гвоздь, и чем он вооружен?

— Гвоздев может быть где угодно. Он как начальник охраны должен контролировать всю банду. У него автомат, но вряд ли бывший мент будет стрелять. Да и постоянная охрана поместья тоже. Я считаю, что реальную опасность представляют Сом и быки. Гвоздь объявил всем полную готовность к обороне на четырнадцать часов. С чем это связано, не знаю. А меня он послал в Чернуху.

— Это все?

— А ты хотел бы, чтобы Сухобоков сюда все частное охранное предприятие притащил? Он и так набрал немало бандитов.

— Понял. Спасибо тебе.

— Может, мне к вам подъехать?

— Нет, не надо, стой на месте и отвечай на запросы Гвоздя. Думаю, их будет немало.

— Принял. Значит, я остаюсь вне игры?

— Я этого не сказал. Посмотрим. Сейчас все обсудим, примем окончательное решение, тогда и с тобой определимся.

— Лады, я на связи.

— Еще раз спасибо.

Галдин отключил телефон.

К нему подъехал на коляске Дуневич и попросил:

— Вадим, разреши с Еленой поговорить.

— Сейчас нельзя, Славик. Неизвестно, принесла ли ей завтрак жена Гвоздя. А если она еще в ее комнатах?

Дуневич вздохнул и сказал:

— Понятно. Ты прав.

Тут за дело взялся Старков.

— Система охраны, скажем так, организована далеко не профессионально, — заявил он. — Кто же выставляет охранников к дороге,

к лесу, непосредственно в него и на причал? Да еще по одному? На стоянке двое, но они разведены и подведены к лесному массиву. Чтобы облегчить вам работу, мы всех этих хмырей, включая охрану КПП, берем на себя. Кроме Вьюна. К нему нам не подобраться. Это ваше направление. Снимем, как говорил актер в фильме, без шума и пыли. А вот на Вьюна надо высылать участкового. Это самый безопасный вариант. Вьюнов в постоянной охране. Он знает Борисова, подпустит его к себе, ну а дальше дело техники. Валишь не стоит, достаточно нейтрализовать в щадящем варианте. И вообще открывать только ответный огонь. Это касается и быков.

Галдин посмотрел на майора и проговорил:

— А если не будет возможности успеть открыть ответный огонь? Конечно, быки не такие профи, как парни Валиева, но у них будет преимущество, если они первыми увидят нас. Не говоря уже о Соменко и Лазунине. Неизвестно еще, что собой представляет секретарша. У нас в Сирии самым опасным противником оказалась именно баба. Разумеется, лейтенант армии США, это не бывшая проститутка. Но если есть ствол и характер...

— Не продолжай. Я же просто даю совет. А там как пойдет, по обстановке. Поведут себя агрессивно, не будет возможности работать в щадящем режиме, гасите их к чертовой матери. Вся работа будет списана на нас. А мы имеем полное право открывать огонь, даже если противник сделает единственное движение, опасное с нашей точки зрения.

— Это другой разговор.

— С моей группой все ясно. Разбирайтесь между собой. Если что, я вам пару-тройку бойцов подброшу.

— Ты бы еще Ромео на себя взял и Гвоздя, если тот окажется во дворе.

— Ромео, это охранник у центрального входа?

— Да, Гордин. Он не из быков.

— Ладно, сделаем. С КПП его и отработаем.

— Договорились.

Валиев взглянул на Галдина и заявил:

— Как ребята Алексея выполняют свою задачу, входим на территорию мы. Я с Герасиным и Стуровым от КПП, ты, Вадим, со Снегиревым и участковым, которому, кстати, надо «винторез» дать, через забор и от гостевого дома за нами. На нас отработка первого этажа. Вы же пробиваетесь на второй, мы за вами. Главное, отсечь бандитов от третьего этажа. Секретаршу и повариху тоже предлагаю нейтрализовать.

— Подранить? — с усмешкой осведомился Снегирев.

— Зачем? Напугать до смерти. Это жену Гвоздя. С Агафоновой по обстановке, но спеленать ее надо обязательно.

— А если огонь откроет Сухобоков?

— Отойдите в сторону. Мы его газом траванем. Он нужен живым.

— Понял.

— Мы опять упускаем Гвоздя, — проговорил Старков. — Если не отработаем его перед входом. А он может быть и на улице, и на этажах, включая третий, с Еленой.

— Ну, насчет третьего этажа я спокоен, — сказал Галдин. — Там Султан разберется с бандитами. Двоих он нейтрализует точно.

— Давайте, ребята, так. Гвоздя валит тот, кто первым увидит. Откроет огонь — положим.

Все согласились с таким решением.

— Ну и добро, — сказал Старков. — Я уезжаю. Оставляю вам шапки-маски, работать только в них. Начало выдвижения всем в тринадцать часов. Надо подойти к объекту тихо, аккуратно. При занятии позиции подготовки штурма тебе, Вадим, держать связь со мной! Я по пути к своим доложу полковнику о решении, принятом нами.

— А если он внесет коррективы? — спросил Снегирев.

— Очень умный вопрос. Не обижайся, Семен. Если будут коррективы, замечания, вводные, я тут же доведу все до вас. Точно так же, как и утверждение плана. Но помните, парни, активные действия ведем в рамках вариантов, обговоренных нами. Вопросы есть? Вопросов нет. До встречи у поместья. Не надо меня провожать.

— А маски? С курьером пришлешь? — спросил Снегирев.

— Черт возьми! Пойдем, заберешь. Пару специальных гранат тоже, светошумовую и газовую.

Снегирев ушел, вскоре вернулся и доложил:

— Уехал майор. А сколько у него человек?

— Я уже говорил, по-моему, — сказал Галдин.

— Не помню.

— Двенадцать.

— Это выходит, что у духов вместе с бабами и Сухобоковым семнадцать рыл, у нас восемнадцать, если и майора считать. При этом пятнадцать офицеров реального спецназа. Расклад нормальный.

— У нас еще Султан, — напомнил Галдин.

— Ну, тот, думаю, останется без работы.

— Как знать? Ты не учитываешь одно очень важное обстоятельство. Отморозкам Сухобокова терять особо нечего. Они будут обороняться. Не

все, конечно. Ребята Старкова восьмерых выбьют без проблем. Из баб тоже вояки сомнительные, по крайней мере из поварихи. Но остаются быки, Сом, помощник и Гвоздь. Нам неизвестно, как он поведет себя. Даже без него, секретарши и Сухобокова это пять бойцов. Нас же на штурм пойдет шестеро. В том числе только три профи из боевого спецназа. Мы же, Сеня, с тобой саперы. Борисов служил в ВДВ, но теперь он участковый. Так что на первом этаже проблем возникнуть не должно, а вот как сложится обстановка на втором, еще хрен его знает.

— Если мы застрянем, то Росгвардия со стороны на это смотреть будет? — спросил Снегирев.

Валиев спокойно произнес:

— Да не загоняйтесь вы. Справимся. Я со своими возьму этот особняк.

— Ну-ну!

— Ты, Вадим, озадачь-ка участкового. А то, может, у него с этим, как его?..

— Вьюном, — подсказал Галдин.

— Вот именно, с Вьюном отношения хреновые, и тот не подпустит его к себе.

— Правильное замечание. Тем более что время словно ускорилося.

— Так всегда. То ждешь, томишься, то не успеваешь.

— Так, хорош болтать, — сказал Галдин. — Вызываю участкового.

Он включил сотовый телефон. У Борисова пока радиостанции не было.

— Да, — ответил лейтенант.

— Ты еще не уснул в своем проулке?

— Ага. Дадут тут уснуть. Ты был прав. Гвоздь постоянно названивает, интересуется, что в деревне. А чего ты звонишь?

— Ты мне скажи, какие у тебя отношения с Вьюном?

— Да никакие. Знаем друг друга. Не дружим и не враждуем, а сейчас, как я подался в поместье, он меня как бы за начальника, заместителя Гвоздя считает.

— Значит, подойти к нему сможешь?

— Что за вопрос? Без проблем. А надо?

— Надо. Слушай, что тебе придется сделать.

Инструктаж длился несколько минут.

Закончив, Галдин спросил:

— Управишься?

— Запросто! Об этом не беспокойся. Только скажи когда.

— Мы в тринадцать часов начинаем выдвижение к восточной части

поместья. Пойдем аккуратно, медленно. До четырнадцати должны выйти к забору. На подходе тебе и надо будет нейтрализовать Вьюна, но не наглухо, а так, чтобы он мог отвечать на запросы Гвоздя по связи.

— Обеспечу. В тринадцать, говоришь? Тогда мне к этому времени надо быть у забора, да?

— Не спеши покидать свой пост. Жди приказа и смотри не засветись у поместья.

— Обижаешь, начальник.

— Ты это брось, дело серьезное.

— Да я шучу.

— Не надо больше до завершения работы шутить, Миша.

— Хорошо, не буду.

— Давай, до связи! При встрече передам тебе «винторез» и радиостанцию. Пользоваться-то ею умеешь?

— Смотря какой. В учебке у нас были разные, но все больше старые.

— Ладно, научим, если что. Отбой.

— Отбой.

Галдин отключил телефон, посмотрел на офицеров и сказал:

— Ну что, парни, готовимся.

— Может, от меня какой прок будет? — спросил Дуневич.

— Конечно, будет, Славик. Мы выведем тебя во двор, поставим коляску так, чтобы из деревни видно было. Станешь отвлекать внимание. А ты что хотел бы?

— Я неплохо стреляю.

— На два километра?

— Ладно, понял. Буду отвлекать. Только ты мне, Вадим, обещай, что Елену освободишь при любом раскладе. Что бы там в поместье ни было, как бы ни сложился шторм.

Снегирев улыбнулся и заявил:

— Скажу больше, Славик. Закончив дело, Вадим еще и женится на твоей сестре.

— Ты чего гонишь? — спросил Галдин.

— Я не гоню. У меня интуиция. А почему нет? Пора тебе семьей обзавестись. Лучшей женщины ты не найдешь. А то, что она...

— Завязывай! — резко оборвал его Галдин. — Готовимся, парни!

Глава 10

Да, сейчас время летело быстро. В 13.00 группа Галдина, как и было решено, начала выдвижение к восточной части поместья.

Пройдя около пятисот метров, Вадим вызвал на связь Старкова.

— Рысь, я Верба! Как меня слышишь? Прием.

— Я «Рысь». Слышу хорошо.

— Мы в пути.

— Идите осторожно. У вас очень важный вопрос — охранник восточного сектора.

— Он будет решен.

— С участковым порядок?

— Да.

— Станцию ему не забудь передать и позывной Береза.

— Сделаю. Что у вас?

— Мы подбираемся к западному и северному охранникам. Пара бойцов сближается с бандитами на площадке и с КПП.

— Просьбу мою помнишь?

— Насчет охранника у парадного хода и Гвоздя?

— Да.

— Решим этот вопрос, если, конечно, Гвоздь окажется в зоне досягаемости.

— Да, разумеется.

— Очередной сеанс связи в четырнадцать часов.

— Принял.

После этого разговора Галдин по телефону вызвал Борисова и спросил:

— Где ты, что у тебя?

— Готов выехать к поместью.

— Подожди пока. Мы займем рубеж подготовки штурма, тогда в дело вступишь ты.

— А не опоздаем?

— Нет. Наша работа, судя по всему, запланирована на одно время с захватом наркокурьеров и покупателей. Это ориентировочно пятнадцать часов. Но все может произойти и раньше.

— Жду приказа.

— Давай.

Через две минуты сотовый телефон Галдина неожиданно вновь сработал сигналом вызова. На экране светился номер полковника Серданова, что немало удивило старшего лейтенанта.

— Да, Леонид Андреевич.

— Недавно на связь со мной выходил заместитель начальника наркоконтроля генерал Харанов.

— Извините, товарищ полковник, нас это как касается?

— По времени начала операции.

— Что сообщил генерал?

— Мурадов вместе с двумя старыми «Жигулями», в которых находится очередная партия наркоты, отправил в Переславль еще и подержанный фургон «Пежо». Это стало известно совсем недавно. В нем около тонны кокаина.

— Тонны? Это какие же деньги?

— Огромные.

— Но как наркокурьеры протащат столько кокса через несколько границ?

— Уже протащили. «Пежо» практически настиг пару «семерок».

— Не понимаю.

— С этим пусть разбирается Харанов. Возможен вариант доставки особо крупной партии кокаина непосредственно в поместье. Если так случится, то все ваши планы полетят к черту. На первое место выйдет не освобождение Елены, а захват наркоты.

— Неужели этот фургон нельзя перехватить в Переславле? — осведомился Галдин.

— Пока он движется к городу, но неизвестно, зайдет ли в него. А до Переславля брать наркоту нельзя. Курьеры сдадут только Мурадова, Сухобоков же вывернется.

— Так что вы предлагаете?

— Я неплохо знаю тебя и Снегирева. Вам плевать на проблемы наркоконтроля, как, впрочем, и парням Валиева. Какой бы приказ ни последовал из Москвы, вы все равно пойдете на штурм. Я прав?

— Так точно!

— Не сомневался в этом. В общем так. Я говорил с руководством нашего министерства и заместителем директора Росгвардии. Мы решили, что если ведомство Харанова попытается изменить план работы, то ты не должен будешь получить такой приказ.

Галдин улыбнулся и спросил:

— Значит, я должен буду поддерживать связь только с вами?

— Еще с Тагуровым, возможно, с сотрудником центрального аппарата Росгвардии полковником Кудиновым. При выходе на связь использовать специальный код «ноль-ноль три».

— А Старков об этом знает?

— Думаю, что уже в курсе.

— Как же операция наркоконтроля?

— У Харанова достаточно возможностей для того, чтобы взять товар, курьеров и людей Сухобокова без доведения финала операции до полнейшего абсурда, когда все может перевернуться с ног на голову. Ты все хорошо понял?

— Так точно, товарищ полковник!

— Удачи! Держи меня в курсе.

— Обязательно. До связи.

Валиев, шедший рядом с Галдиным, спросил:

— Чего там у вашего начальства?

— Не только у нашего. У всех карусель закрутилась.

— Причина?

— Узбекский наркобарон решил бросить Сухобокову не только обычную партию, но и еще целую тонну кокаина.

— Ни хрена себе! Откуда столько денег у этого барона?

— Так он торгует не смартфонами и не подержанной одеждой в секунд-хенде.

— И что? Наркоконтроль решил взять руководство всей операцией в свои руки?

— Своей операцией. На наши проблемы им наплевать. Еще бы! Такую партию накрыть. Какое дело Харанову до того, что у нас девушка в заложниках?

— И что решили?

— Действуем по отработанному плану, игнорируем распоряжения, исходящие от главного управления по контролю за наркотой.

— Чья работа? Нашей группы?

— И Росгвардии.

— Это что-то новенькое. Не припомню, чтобы силовые ведомства вступали в такое противоречие.

— Какое противоречие, Алим? Товар возьмут. Его уже пасут. Повяжут курьеров и людей Сухобокова. Поругаются генералы между собой. Президент вмешается, быстро всех примирит.

— Да, это без вопросов.

— Так что работаем по плану. Но теперь при вызове перед позывным

должен проходить код «ноль-ноль три». Не будет его, не отвечать.

— Это кто придумал?

— Сообщил Серданов. А придумал?.. Черт его знает. Да и надо оно тебе?

Группа Галдина остановилась в пятидесяти метрах от позиции охранника восточного сектора. Вадим и Валиев хорошо видели бандита Вьюна, вооруженного карабином «Сайга». Они отметили, что дозорный не слишком обременял себя службой. Он ходил по дороге и курил. Карабин висел у него за спиной. Но в руке этот тип держал радиостанцию.

К нему можно было бы подобраться по балке, если бы она почти у самой дороги не была пересыпана кучей песка. Скрытно от охранника преодолеть этот барьер вряд ли удалось бы. Стрелять же по конечностям было опасно. Вьюн и раненный в ногу или руку вполне мог подать сигнал опасности.

В 14.20 ожил телефон Галдина.

— Вадим, это Михаил.

— Слушаю тебя, лейтенант.

— Ну что за дела, сколько я могу здесь торчать? У меня движок работает, так я весь бензин сожгу. Заглохнет «УАЗ», потом не заведется. С ним это частенько бывает. Как правило, в самый неподходящий момент.

— Миша, рано еще. Пока оставайся на месте. Как надо будет трогаться, я сообщу.

— Ладно, уломал. Жду.

В это время пропищала сигналом вызова и радиостанция Галдина.

— «Ноль-ноль три». Вербка слушает, — ответил Вадим.

— «Ноль-ноль три». Это Рысь.

— Слушаю.

— Получено сообщение, что вся колонна с наркотой зашла на территорию заброшенного завода на окраине города. Туда, где должна была состояться передача обычной партии. На подъезде люди Сухобокова Артур Бобрыкин и Руслан Ахимов. С ними пятеро бандитов. Спецназ наркоконтроля находится там же, готов к работе. Скорей всего, операция, как и было запланировано, начнется в пятнадцать часов. Значит, и наша работа тоже.

— Очень хорошо, что все пойдет по плану, но нам-то что делать? Мы готовы, — сказал Галдин.

— И мы готовы. Ждем приказа Тагурова.

— Опять ждем!

— Ты, Вербка, радуйся, что «Пежо» с коксом не пошел к вам.

— Я очень рад, Рысь.

— До связи.

— Давай.

Вновь потянулось ожидание. Все уже были на пределе.

Снегирев, расположившийся в кустах, показал Вадиму сотовый телефон и жестом указал на окно комнаты, в которой содержалась Елена. Позвони, мол, ей.

Галдин подумал и набрал номер.

Лена ответила тут же:

— Да. Вадим, это ты?

— Я, конечно. Добрый день, Лена.

— Ох, Вадим, даже и не знаю, добрый он или нет. Завтрак задержался.

Приходила Нина Гвоздева с синяком под глазом, злая как мегера. Поставила поднос и крикнула: «Корми еще тебя, шлюху!» Потом ушла. А какая я шлюха?

— Не обращай внимания. Значит, ты сейчас в своих апартаментах одна?

— Почему же? Со мной твой славный Султан. Мы с ним крепко подружились.

— Воды ему даешь?

— Да, конечно.

— Ну и хорошо. Вот что, Лена, будь готова открыть двери на внутреннюю лестницу.

— Да, разумеется. Но как я узнаю, когда это надо сделать?

— Я позвоню.

— Скоро?

— Теперь уже скоро. Ничего не бойся, все будет в полном порядке. Поместье заблокировано спецназом. Мы готовы к штурму. Только ждем приказа.

— Ой, быстрее бы.

— Ты, главное, ничего не бойся, успокойся, не суетись, делай то, что я буду говорить. Если что, Султан всегда защитит тебя.

— Это я уже поняла.

— Ну все, Лена, до связи и встречи.

— Постой, Вадим. А как там Слава?

— Сидит дома, извелся весь. Он волнуется, наверное, больше всех нас, потому что не может быть рядом.

— Бедный Слава. Все это с ним произошло из-за меня. Я его никогда не брошу.

— Его никто не бросит. Конец связи.

— Да, конец, как вы говорите. — Лена отключила телефон.

Снегирев посмотрел на Галдина. Мол, как там девушка? Вадим показал ему большой палец. Снегирев кивнул и переключился на наблюдение за восточной частью поместья.

В 14.40 прошел сигнал вызова по радиостанции.

— «Ноль-ноль три». Я Верба.

— «Ноль-ноль три», здесь Рысь. Операция в городе началась. Запускай участкового, как уберет охранника, доклад мне, дальше по команде. Как понял?

— Понял, Рысь.

Вадим вздохнул.

— Слава богу, началось, — буркнул он себе под нос, тут же по сотовому телефону вызвал участкового и спросил: — Миша, твой «УАЗ» еще на ходу?

— Пыхтит потихонечку.

— Работай!

— Наконец-то. Понял, выезжаю.

— Твой только Вьюн. После него ты с нами.

— Принял.

Лейтенант Борисов вывел «УАЗ» сперва из проулка, а потом и из деревни. В 14.50 он свернул на дорогу, ведущую к поместью.

Это увидел Вьюнов. Конечно, он узнал машину участкового, но почему-то собрался, отошел к стене, скинул с плеча карабин, передернул затвор.

Борисов подъехал к нему, не выключая двигателя, выпрыгнул из внедорожника и спросил:

— Ну и что у тебя тут, Вьюнов?

— Да тихо все. А тебе, уж извиняй, какое до этого дело? Или ты в натуре стал заместителем Гвоздева?

— И в натуре, и в арматуре, и в абажуре.

— А если я сейчас сообщу ему о твоём появлении?

— Да сколько угодно.

— Да? Ну, смотри.

Он собрался нажать на тумблер включения микрофона, но сильный удар ногой в голову отбросил его на стену. Охранник ударился затылком об камень, потерял сознание, медленно опустился на землю и завалился набок. Радиостанция и карабин отлетели в сторону.

Борисов огляделся. Галдин уже был рядом.

— Отличный удар! Где научился? — спросил Валиев.

— В ВДВ.

— А, ну да, ты же в десанте служил. А ты случаем не завалил этого хмыря?

— Нет. Отойдет.

— Тогда, парни, быстро!

Борисов свел руки беспомощного Вьюнова за спину, надел браслеты, порвал брючину, из тряпки сделал кляп и вставил его в рот бандюка. В это же время все бойцы группы опустили на лица маски.

Вьюнов пришел в себя, увидел людей с закрытыми физиономиями, икнул и пробубнил:

— А чего это? Был же участковый.

— Был да сплыл, — заявил Валиев. Тебе еще повезло. Возможно, так будет и дальше, если станешь лежать тихо. А дернешься, завалим. Ты понял, урод?

— Да как тут не понять. — Бандит неожиданно сморщился и сказал: — Голова болит. Чем это меня?.. Черепок не пробили?

— Это на вскрытии определится, — с усмешкой проговорил Снегирев. — Лежи, сука, тихо, иначе я точно проломлю твой череп.

Вьюнов тут же осознал, что лучше подчиниться, закрыл глаза и опрокинулся на землю.

Галдин отошел в сторону, включил радиостанцию.

— «Ноль-ноль три», я Вьюн.

— «Ноль-ноль три». Рысь на связи.

— Восточный сектор чист.

— Отлично, начинаем работу и мы. Вам подготовка к преодолению забора.

— У нас все готово.

— Ждать!

Галдин передал радиостанцию участковому, назвал его позывной — Береза. Герасин быстро показал Михаилу, как пользоваться этой штуковиной.

Фасадную часть поместья охранял Колесов, державшийся у западной кромки леса. Крылов стоял у восточной, ближе к дороге. На КПП находились Коровин и Ледин. Все они не чувствовали никакой опасности.

Колесов не вовремя решил отлучиться по малой нужде. Он забросил за спину короткоствольный автомат, зашел в кусты, успел расстегнуть ширинку, а вот дальше у него не срослось.

Он вдруг увидел перед собой человека с закрытым лицом, с

«винторезом» в руке.

— Стоять, Колесов! Лишнее движение или голос, и я стреляю! — заявил этот жуткий тип.

— Я...

— Заткнись! Оружие на землю, сам два шага вперед и в траву, руки перед собой, ноги в шпагат!

— Да...

Охранник никак не ожидал, что в спину ему тут же уткнется ствол второй винтовки.

— Не понял? Помочь? — услышал он, тут же был сбит с ног, обезоружен и связан специальным шнуром.

Под ним образовалась небольшая лужа.

Спецназовец из Росгвардии улыбнулся и заявил:

— Все-таки облегчился!

— Таким манером пусть хоть вся банда опорожняется, — проговорил его напарник.

Старший боевой двойки постучал по микрофону у щеки и сказал:

— Рысь, я Второй.

— На связи.

— Западный нейтрализован.

— Надеюсь, жив?

— Даже успел помочиться, правда, в штаны. Вполне живой.

— Держите его. Но при необходимости отключите.

— Без вопросов.

— Отбой.

Примерно через минуту после того как Колесов вошел в лес, Крылов почувствовал, что кто-то рядом есть. Он вскинул автомат, но было поздно.

Спецназовцы группы «Рысь» выскочили из-за деревьев, выбили из рук бандита оружие и зажали ему рот. Потом они в мгновение ока затащили этого охранника в лес, где вкололи ему препарат усыпляющего действия. Тем самым Крылову был обеспечен крепкий сон как минимум на четыре часа. Но парни на всякий случай надежно связали клиента и, разумеется, забрали у него оружие.

Старший этих ребят вызвал Старкова.

— Рысь, я Четвертый. Площадка чиста!

— Принял. Подходите лесом к фасадной стене.

— Выполняю!

Тут же прошли доклады от других спецов. Охрана восточного сектора выведена из строя. Бандит, находившийся на причале, нейтрализован вне

зоны контроля видеокамеры. Получалось, что все внешние посты Сухобокова были убраны.

Тогда-то на площадку и въехал «Ниссан».

Коровин первым завидел внедорожник в окно и проговорил:

— А это еще что за чудо?

— Чего там, Шест? — поинтересовался Ледин.

— Внедорожник, да хороший, новый.

— Может, это к хозяину?

— Гвоздев не предупреждал.

— Так ты ему сообщи.

— А если это заблудившийся какой-то тип? Увидел хорошую дорогу и свернул. Она уперлась в поместье. Спросит, что к чему, и свалит. Я доложу Гвоздю и только ненужный шум подниму.

— Тогда не предупреждай Гвоздева, — безразлично проговорил Ледин, поедая фисташки и глядя в монитор.

— Ладно, ты смотри тут. Я выйду, уточню, что за гости. Интересно, а куда Колесов с Крыловым делись? Недавно были на площадке.

— Облегчиться отошли, — сказал Ледин и хмыкнул.

— Смеешься?

— Ну, куда, Шест, эти орлы на хрен денутся? У них своя работа, они ее и выполняют. Ступай, узнай. А то этот «Ниссан» заслонил дорогу. Не видать ни черта.

— А ты прикрывай.

— За мониторами кто будет смотреть?

— Так все перед тобой и без мониторов.

— Иди, прикрою.

Но Ледин не собирался помогать односельчанину и поделнику. Он глянул в окно, увидел внедорожник с тонированными стеклами, посмотрел в противоположное, рядом с дверью во двор, заметил Гордина, что-то рассматривавшего на экране смартфона, и усмехнулся.

«На то он и Ромео, — подумал Ледин. — Наверняка переписывается с очередной своей пассией. Все ждет, когда в его сети попадется богатенькая, доверчивая дурочка с большой сумой денег, только и мечтающая оказаться в ласковых руках молодого, красивого альфонса.

Именно таким и является Аркадий Гордин, способный забить баки любой даме бальзаковского возраста. Вот только ему надо бы в Москву. В Переславле таких особ наперечет, и все они уже заняты. Не один Ромео желает устроиться под боком у богатенькой дурочки.

Но он с кем-то переписывается. Может, ему удалось наконец-то

зацепить кого-то?»

Ледин был так занят этими размышлениями, что полностью утратил контроль за обстановкой.

Коровин же был уверен в том, что Конь смотрит за ним. Посему он вышел из КПП спокойно, даже как-то развязно. Ни о какой концентрации внимания не могло быть и речи.

Из машины выбрался майор Старков, надевший поверх боевой формы обычную легкую черную куртку. Он двинулся навстречу охраннику.

Вот тут Коровин насторожился. Что за одежда? Под штатской курткой форменный костюм, на ногах облегченные берцы последнего образца.

— Приветствую, — сказал командир группы.

— С кем имею честь? — Коровин попытался показать из себя опытного секьюрити.

Он даже не предполагал, насколько эти слова не вязались с его противной рожей.

— Я из Москвы. К товарищу на охоту еду.

— Интересно, к какому товарищу? И куда именно?

— В Пракино, это Переславский район.

— Проскочили вы. Не надо было поворачивать на хорошую дорогу.

— Да? А я подумал, у вас тут к деревням начали пути прокладывать.

— Так, мужик, ты задал вопрос, я на него ответил. Теперь прошу покинуть частную территорию.

— Частную? — Старков изобразил удивление, а сам подходил все ближе к Коровину.

— Представь себе.

— И кто же владеет всей этой красотой?

— Это тебя не касается.

— Ну да, конечно, — сказал Старков, вроде уже отвернулся и вдруг нанес Коровину резкий удар ногой в промежность.

У того от неожиданности и боли глаза полезли из орбит, крик застрял где-то внутри глотки.

С места водителя выскочил капитан Лебедь, заместитель Старкова, и рванулся на КПП.

Велико было изумление Ледина, когда он увидел перед собой вооруженного офицера спецназа. Он машинально потянулся к тревожной кнопке, но капитан поднял палец в полуперчатке и покачал им. Мол, ни-ни, а то хуже будет.

Ледин послушно убрал руку.

Старков втащил в помещение Коровина. Тот, соответствуя своей

фамилии, что-то мычал.

Ледин испугался и пролепетал:

— Что с ним? Кто вы?

Старков сбросил куртку, повесил ее на крючок и присел на край стола, на котором стояли два монитора.

— Ты задал два вопроса, Конь, — сказал он.

— Что?.. Вы меня знаете?

— Как и всех из этого гадюшника. Так вот, Конь, отвечаю по порядку. Шест, кореш твой, немного пострадал. Проще говоря, получил промеж ног, а это весьма болезненно, не так ли?

— Еще как.

— Значит, ты тоже когда-то получал. Он оклемается. Тебя мы не тронем. Только спеленаем и уложим под топчан. Там ты будешь тихо лежать до того момента, как мы закончим работу в поместье.

— Мы?..

— Да, теперь о том, кто мы такие. Группа быстрого реагирования Росгвардии. Представляешь, какая честь для тебя? Ладно. Я все понятно объяснил?

— Так точно!

Тут Лебедь доложил от окна:

— Командир, во дворе только Ромео.

Ледин изумился еще больше.

«Похоже за Сухобокова и всю компанию взялись не по-детски, если спецназ рядовых охранников по погонялам знает», — решил он и не ошибся.

— К нему скрытно не подобраться.

— Придется применять «винторез». Режим щадящий.

— Я готов, — сказал капитан и передернул затвор бесшумной снайперской винтовки.

— Погоди немного. Гвоздя не видно?

— Перед домом во дворе его нет.

— Понятно.

Майор включил радиостанцию и сказал.

— «Ноль-ноль три». Рысь вызывает Вербу.

— «Ноль-ноль три». Верба отвечает, — сразу же отозвался Галдин.

— Начинайте проникновение на территорию. Предупреждаю, начальника охраны поместья с фасадной стороны нет, слухач не ловит его голос. Он может быть где угодно.

— Принял, — ответил Галдин. — Входим на объект! — Вадим кивнул

Снегиреву.

Тот поднес к стене доску с набивками, уже использованную ранее, поднялся по ней и спрыгнул во двор усадьбы.

Радиостанция Галдина тут же сработала сигналом вызова.

— Верб, я Оляха.

— Да.

— Обстановка спокойная, входите.

Офицеры один за другим оказались между вторым гостевым домом и хозяйственными постройками. Они прошли к аллее, сканируя местность.

Участковый смотрел на второй и третий этажи.

— Все спокойно, — доложил он.

— Кто-то есть с тыла здания. Это может быть Гвоздь, — проговорил Валиев.

— Разрешите мне заняться им? — подал голос Борисов.

— Давай. Разберись с этим мерзавцем, — сказал Галдин. — Но без излишеств, Миша. Больничная койка, это еще куда ни шло, но не более.

— Разберусь, командир.

— Погоди-ка! — Галдин по сотовому телефону набрал номер девушки. — Лена, это Вадим!

— Слушаю. Вы где?

— В поместье. Открой, пожалуйста, дверь внутренней лестницы и поднимись в правую комнату своей тюрьмы. Султану подай команду охранять.

— Я уже побежала.

— Только без ненужного шума.

— Да, конечно.

По радиостанции Галдин вызвал Старкова.

— «Ноль-ноль три». Рысь, я Верб.

— «Ноль-ноль три». Рысь отвечает.

— Мы на территории.

— Обстановка?

— Спокойная, но замечено движение с тыла здания. Туда выслан Береза.

— Там Гвоздь?

— Да больше вроде и некому.

— Добро, выдвигайся, я увижу, открою вход. Далее без команды, по плану.

— Принял. — Вадим указал на юго-восточный угол и распорядился: — Туда по одному! Впереди Алим со своими. Я в

замыкании.

— Не спеши, — остановил его капитан армейского спецназа. — Ведь ты же остался теперь со Снегиревым, да? Двоим к Сухобокову идти нельзя.

— Борисов подтянется. А ты разве не поддержишь?

— Мы спешим. Это к хорошему не приведет.

— Нормально все, Алим.

— Это ты мне говоришь?

— Извини. Конечно, вы профи по этой части, но и мы кое-что умеем.

— Ладно, не время собачиться. Выдвигаемся.

Участковый перебежал к стене особняка и двинулся к тыловой его части. Он видел, как группа пошла на юг, присел, выглянул из-за угла и заметил Гвоздева. Тот держал в руке автомат и озирался по сторонам. Этот хитрый, коварный лис наверняка почуял опасность. Он вышел в тыл здания не только потому, что так можно было отразить вероятное нападение. Тылами уйти легче. Он наверняка знал, как сделать это.

— Николай Николаевич!

Голос участкового раздался как гром с ясного неба.

— Борисов? Ты где? Ты чего тут?

Михаил позвал начальника охраны, вновь укрылся за углом и встал там, готовый к бою.

— Николай Николаевич, я приехал по вызову Лазунина.

— Какого черта? Кто твой начальник? И где ты, в конце концов?

— Да за углом, ногу подвернул. Слышу, кто-то есть с тыла, понял, что это можете быть только вы.

— А как оказался сбоку здания и во дворе?

— Да все Лазунин. Мол, обойди, посмотри особняк.

— А я на что?

— Так это у него спросите. Но сначала помогите мне. Надо всего ничего, ногу дернуть.

— Твою мать, навязался на мою голову! — Гвоздев вышел за угол, тут же отлетел назад и упал на спину без сознания.

Борисов неплохо владел приемами рукопашного боя.

Он сцепил руки Гвоздева браслетами, связал его ноги, обыскал, забрал оружие, радиостанцию, телефон, похлопал по плечу и сказал:

— Отдыхай пока, Николай Николаевич. С тобой позже разберемся.

Он тут же вызвал Галдина и доложил ему, что начальник охраны отдыхает.

— Хорошо. Зайди к фасаду с западной стороны. К нам по моей команде! — сказал Вадим.

- Принял, пошел.
- Да, Береза, Гвоздя из окон дома не видно?
- Нет. Он аккуратно в можжевельнике разместился.
- Вперед!

Старков и Лебедь наблюдали за обстановкой из КПП. Они видели Гордина, он же Ромео. Парень, не переставая, болтал по телефону, отправлял СМС, принимал их. Командир группы спецназа Росгвардии слышал и переговоры бойцов Галдина. Для него их канал связи был открыт.

Когда Вадим доложил о выходе группы к фасадной части, Старков приказал:

- Остановка! Мы убираем помеху у парадного входа.
- Гвоздя нейтрализовали.
- В курсе. Участковый твой на месте? Готов к броску?
- Готов!
- Работаем. — Майор кивнул Лебедю.

Капитан отодвинул занавеску, открыл окно и вскинул «винторез». Раздались два негромких хлопка, и Ромео, пораженный в ноги, рухнул на землю.

К нему тут же подлетел участковый, отслеживающий обстановку. Наручников у него больше не было. Поэтому он просто ударом кулака в лоб вырубил последнего уличного охранника.

Галдин видел это, повернулся к Валиеву и сказал:

- Твой выход, Алим!

Капитан кивнул и приказал подчиненным:

— Задача прежняя — отработка первого этажа, пропуск наверх саперов и их поддержка! Режим работы щадящий, кроме форс-мажора. Вперед, парни!

Валиев и его люди ворвались в холл, где находились охранники Щербак и Хохлов, который дал очередь из автомата. Прицелиться он не успел, поэтому пули прошли над головами спецназовцев. В данной ситуации бойцам оставалось только одно — открыть ответный огонь.

Так они и сделали. Герасин короткой очередью срезал Хохлова, Стуров ударил по ногам Щербака. Тот выронил автомат и рухнул, вопя от боли.

Валиев приказал подчиненным прикрывать пролет лестницы.

В холл вбежали Галдин, Снегирев, Борисов.

— Бросок светозумовой гранаты, после чего вход на этаж! Мы за вами! — крикнул им Валиев.

— Сеня, гранаты! — приказал Галдин Снегиреву.

Автоматные очереди, грохнувшие на первом этаже, застали господина

Сухобокова в кабинете. Он набрал номер Артура, но тот почему-то молчал. Причина этого немедленно стало ясна.

Лазунин, находившийся рядом с боссом, растерянно воскликнул:

— Что это, Леонид Борисович?

— Ты идиот? Это штурм.

— Но как, почему? Звоните в РОВД, в Москву.

— Заткнись, придурок. Сом! — заорал Сухобоков.

Водитель-телохранитель, находившийся в приемной, немедленно вырос в дверном проеме.

— Закрой этаж вместе с Лазуниным! Держитесь, пока я не выставлю заложницу. Тогда все по-другому пойдет.

— Почему нас штурмуют? — спросил Соменко.

— Еще один идиот. Да потому, что спалились мы. Когда и где, уже не важно. Сейчас надо уйти отсюда. Закрывайте этаж, не экономьте боеприпасы.

— Стрелять в спецназ? — Лазунин побледнел.

— Можешь не стрелять. Тогда они из тебя кишки выпустят.

— За мной! — крикнул Сомов помощнику бизнесмена.

Они выбежали в холл в тот момент, когда в него залетела светошумовая граната. Соменко понял, что это за штука, рухнул на пол, зажмурился, закрыл ладонями уши. Лазунин растерялся, остался стоять. Он тут же ослеп, оглох, выронил автомат и упал. Соменко вскочил, но опоздал.

В холле уже был Снегирев. Он видел перед собой бандита, готового к бою, и, не раздумывая, ударил из «винтореза». Пуля попала Соменко в лоб. Так уж получилось. У Снегирева тоже не было времени прицеливаться и бить в плечо, руку или ногу. Соменко замертво рухнул на паркет.

В холл вбежали Галдин и Борисов. Поднялся с пола оглушенный Лазунин. Офицеры бросились к нему, и в это время из кабинета выкатился овальный предмет.

— Граната! — крикнул участковый.

Все бросились в укрытия. Прогремел взрыв, взвизгнули осколки.

Сразу после взрыва Галдин успел увидеть, как к лестнице, ведущей на третий этаж, метнулась тень. Это мог быть только Сухобоков. Он рванул за ним, следом Снегирев.

Наркоторговец вдруг повернулся и выстрелил из пистолета. Пуля пробила правое плечо Снегирева. Тот упал. Галдин бросился к нему, а Борисов — на лестницу. Но там участковый вынужден был остановиться. Сухобоков стрелял уже с третьего этажа.

— Сеня, ты живой? — Галдин поднял голову друга.

— Живой, — проворил Снегирев. — Похоже, что этот козел прострелил меня навывлет.

— Миша, займись Семеном, — крикнул Вадим участковому.

— А Сухобоков?

— Он мой!

Галдин озадачил Борисова и, прижимаясь к перилам, начал подъем на третий этаж. Но он катастрофически не успевал. Бойцы Валиева, появившиеся сзади, ничем не могли ему помочь. Проклятая граната, непонятно каким образом оказавшаяся у Сухобокова, спутала весь план. К тому же двери в комнаты Елены были открыты. Сухобоков теперь имел заложницу.

Галдин ударил кулаком в мраморный столб.

— Черт, черт, черт! Это была ошибка. Не стоило открывать двери.

— Долго ли их выбить? Нет, мы лоханулись в расчете. Надо было моим парням идти на второй этаж. Кстати, а где секретарша?

— Да что эта секретарша? Сидит, наверное, под столом и молится.

Валиев крикнул Стурову:

— Андрей, проверь!

— Поверяю.

— И аккуратней. Как бы не заполучить пулю от этой шалавы.

— Ну, от баб я еще пули не ловил.

— Работай.

Галдин отстранил «винторез», достал наградной «ПМ».

— И что мы решили? — спросил Валиев.

— Решение может быть одно. Я иду к Сухобокову и Елене.

— Чтобы эта сволочь подстрелила тебя, да не так, как Снегирева, а наповал?

— Но мы не можем бездействовать.

— Сухобокову деваться некуда. Он же закрыт в особняке. У Старкова есть снайперы. Выйдет мерзавец с Еленой во двор, к машине, и заполучит пулю в череп.

— Да? А если он поймет, что его не выпустят, и застрелит Лену?

— Это вряд ли.

— Но возможно.

Валиев вздохнул и сказал:

— В принципе, возможно.

— Тогда какой базар? Прикрывай!

— Ладно, прикрою.

— За мной!

Галдин рванулся в комнаты, ожидая выстрела. Но его не последовало. Вадим услышал рык Султана и какие-то крики. Женский вперемежку с мужским.

Сухобоков ворвался к пленнице и крикнул:

— Елена!

В ответ тишина.

— Ленка, сволочь, где ты?

Опять тишина.

Сухобоков рванулся в левую комнату, потом, в центральную, в правую. Там он и увидел Елену, стоявшую у окна.

— Ты почему не ответила?

— Что тебе надо, урод?

— Вот мы как заговорили? Осмелели? Ну да ничего, это я быстро исправлю. В общем, так, дорогая. Мы с тобой сейчас выйдем в коридор. Ты впереди меня. Дальше я буду говорить. Твоя задача — стоять и не дергаться.

— А если я откажусь?

Сухобоков рассмеялся и заявил:

— Нет, это вряд ли. Я уже убил одного спецназовца, мне терять нечего. Откажешься или дернешься — пристрелю и тебя.

— Но тогда и в тебя выстрелят.

— Нет, не выстрелят. Я нужен им живой. От меня много ниточек на самый верх тянется. Я сумею выторговать себе жизнь. А вот ты сдохнешь. Понятно тебе, стерва?

— Я никуда не пойду.

Сухобоков с изумлением посмотрел на заложницу.

— Что ты сказала?

— Я никуда с тобой не пойду и прикрывать тебя, мразь, не буду.

— Тогда я для начала прострелю тебе одну руку, потом вторую. Буду убивать тебя так, что ты проклянешь жизнь.

Тут Елена вдруг крикнула:

— Султан, фас!

Сухобоков ничего не понял, а зря. Его тут же сбил с ног мощный удар. Султан все это время стоял за спиной негодея и готовился к броску. Ему нужна была лишь команда. Она последовала.

Сухобоков выронил пистолет, потянулся за ним и увидел оскалившуюся пасть огромной овчарки.

— Нет, только не это! — провизжал он.

Султан зубами и лапами прихватил руки бизнесмена. Крик Сухобокова

вдруг перешел в хрип. Из рта показалась кровавая пена.

В комнату вбежал Галдин.

— Лена!..

— Я нормально. А вот с Сухобоковым что-то не то. Он жутко испугался собаки.

— Фу, Султан! — отдал команду старший лейтенант.

Пес прыгнул с поверженного противника и встал рядом, готовый к продолжению схватки.

— Не мешай!

Султан отошел, но не расслабился. Голова опущена, хвост и лапы напряжены, пасть открыта.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что Сухобоков мертв.

— Вот черт! Султан, ты что наделал?

Пес непонимающе посмотрел на хозяина. Мол, а что я наделал-то? Выполнил команду, и все. Не грыз противника, не рвал его, всего лишь ударил в спину и, как учили, лишил возможности работать руками.

— Султан молодец! Если бы не он, то Сухобоков пристрелил бы меня, — сказала Елена.

Пес смотрел на хозяина, и в глазах его стояла обида. Я сделал все как надо, а ты, хозяин, недоволен.

Старший лейтенант погладил голову овчарки.

— Прости меня, Султан. Ты сработал отлично, совершенно правильно. — Он достал печенье, бросил псу.

Султан поймал угощение, проглотил его, мотнул хвостом.

Собаки не умеют держать зло на своих хозяев.

— Вот и все, — сказал Галдин, взглянул на Елену и замешкался.

Перед ним стояла женщина необычайной красоты. Это была не та Ленка, которую он видел три года назад.

Она бросилась к нему, обняла.

— Спасибо тебе. Вадим. Ты... — Лена заплакала.

Галдин почувствовал горячую волну нежности к этой женщине, сестре своего друга.

Он провел рукой по ее роскошным волосам и сказал:

— Все хорошо, Лена. Ты свободна.

— Не отпускай меня. Мне стало очень хорошо. Я, наверное, полная идиотка. Нельзя говорить так, когда на полу лежит труп.

— Труп негодяя.

— Не отпускай.

— Не отпускай.

Султан прилег и смотрел на эту неожиданную идиллию.

В комнату вбежал Валиев, увидел Сухобокова, лежащего на полу, и Галдина с Еленой.

— Так. — Он нагнулся, осмотрел тело. — Понятно. Ушел-таки от нас господин Сухобоков.

Галдин отстранил от себя Елену и сказал:

— Сердечный приступ. Никто в него не стрелял, Султан не грыз.

— А с чего приступ-то?

— Слышал я, что Сухобоков с детства панически боялся собак. А тут такая туша налетела. Вот сердце и не выдержало.

В кабинет вошел Старков, быстро оценил ситуацию, вызвал на связь полковника Тагурова и доложил о результатах штурма.

— Ясно! — сказал тот. — Стало быть, помер бизнесмен. — Что ж, и так бывает. Значит, тебе, Алексей, убрать из поместья группу саперов, Валиева с его людьми и Елену. Всех в усадьбу Дуневи́ча. Старшему лейтенанту Галдину связаться оттуда с полковником Сердановым. Тебе же готовиться к прибытию высокого начальства и докладу о проведении штурма.

— А что по наркоте, товарищ полковник?

— Там все нормально. Всех взяли. Курьеров и людей Сухобокова пока поместили в изолятор, в ближайшее время вместе с наркотиками перевезут в Москву. При попытке покинуть страну по чужим документам задержан депутат Капронов. Произведен еще ряд арестов, в том числе в наркоконтроле и подразделениях МВД. Начинает раскручиваться серьезное расследование, Леша. К нам прибудет полковник Кудинов, с ним обговорим поведение на следствии. Твои парни должны твердо усвоить, что никого, кроме вас, в поместье не было.

— А люди в масках?

Тагуров изобразил удивление и спросил:

— А разве твои люди работали без них?

— Извините, глупость сморозил.

— Работай. Операция закончилась, а следствие только начинается.

— Да, Виктор Михайлович. — Старков отключил станцию, повернулся к Галдину и Валиеву и проговорил: — Ребята, как ни жаль, а придется расстаться. Конечно, неплохо было отметить совместную операцию, но вам следует срочно убыть в усадьбу Дуневи́ча. Оттуда ты, Вадим, свяжешься с Сердановым. Скорее всего, вы тут же уберетесь отсюда.

— Как-нибудь встретимся.

— Лично я всегда буду рад. Давайте, выходите на внутреннюю лестницу, потом через тыловую калитку к причалу.

— А Снегирь?.. Он же тяжело ранен.

— Не так уж и тяжело. Пуля прошла навылет. Перевозить можно.

— Тогда мы пошли.

— Давайте, парни, спасибо за успешную работу, удачи вам. — Старков хотел было погладить Султана, но тот зарычал.

Описывать, как встретил Вячеслав сестру, не имеет смысла. Тут все понятно и без слов.

Галдин вызвал Серданова по сотовому телефону.

— Как Снегирев? — осведомился тот.

— Врач из Росгвардии говорит, что он без проблем перенесет эвакуацию.

— Его в наш госпиталь. С собой забрать Дуневичей. Вячеслава тоже в госпиталь, а вот Елену в центр. Там ей выделяют комнату в гостинице.

— Разрешите забрать ее к себе.

— Не понял!..

— А что тут непонятного. У меня ей будет гораздо удобнее.

— Ладно, решайте сами, но Снегиря и Вячеслава в госпиталь.

— Снегирю надо лежать.

— На военном аэродроме Переславля вас уже ждет наш ведомственный «Ми-8». Отправишь группу, сам подгонишь «Рено».

— Но тут остается «Хендай».

— Попроси участкового перегнать. Заодно я познакомлюсь с ним. Есть намерение привлечь его на службу в управление специальных операций.

— Это правильное решение.

— У вас один час до вылета в столицу.

— Понял. Разрешите выполнять?

— Выполняй!

Вадим выключил телефон, разговор по которому шел в режиме громкой связи, посмотрел на товарищей и спросил:

— Задача ясна, парни?

— Так точно! — радостно ответил участковый.

Снегирев с кровати попросил:

— Вадим, дай мой телефон. Я Людке позвоню.

— Хочешь обрадовать, что ранен?

— Телефон дай!

Снегирев набрал номер жены и тут же отстранил аппарат от уха. Людмила начала ругать мужа. Мол, тебе ничего не надо, кроме службы и

друзей. Я больше так не могу, и все прочее этом роде.

Семен вздохнул и сказал:

— Ладно, Люда, знаю, тяжело тебе со мной было. Но надеюсь, что в госпиталь приедешь. Хоть простимся по-людски.

— Что? Какой госпиталь?

— Как какой? Наш, ведомственный.

— Ты ранен?

— И очень тяжело.

— Уже еду, предупреди, чтобы меня пропустили.

— Погоди, не спеши, я еще далеко от Москвы. Как окажусь в палате, позвоню.

— Ты думаешь, я выдержу? Буду ждать в госпитале.

— Но ты же уходить от меня собралась.

— Снегирев, пошел бы ты куда подальше!

— Понял. Значит, наша семейная жизнь продолжается.

— Дурак!

— Согласен, Люда. — Семен отключил телефон.

Галдин подошел к Елене и проямлил:

— Я тут попросил разрешения командования...

— Я слышала, Вадим.

— Ты извини, но у меня...

— Я поеду к тебе.

— Правда?

— Да.

— Тогда я самый счастливый человек на свете.

— А Славика я часто смогу навещать?

— Хоть каждый день.

— А он вылечится?

— Не знаю. Но сюда вы больше не вернетесь. Ему и в коляске найдут хорошую работу. Впрочем, могут и на ноги поставить. Собирайтесь. — Галдин повернулся к участковому.

Тот поднял ладони и заявил:

— Я все понял, перегоняю «Хендай».

Ровно через час две машины пошли в Москву. А с военного аэродрома вылетели «Ми-8» МЧС России.

Отпуск у Галдина продолжался. Он был действительно счастлив оттого, что оставшиеся дни мог посвятить Елене, которую, как оказалось, любил уже давно.